

ТАТЬЯНА ЧИСТОВА

ДАМСКИЙ ТЕРРОР

ОНА ПОЛУЧИЛА ВСЕ, ЧТО ХОТЕЛА,
НО ПОТЕРЯЛА ГЛАВНОЕ

Татьяна Михайловна Чистова

Дамский террор

Она совершила немыслимое. Воровской общак самой крупной и кровожадной банды теперь у нее в руках. Безумные деньги. Впору крикнуть «Бинго!», залечь на дно, а потом начать новую жизнь.

Но Рита никак не может утомониться.

Она продолжает работать в своем «салоне красоты», который по сути является элитным публичным домом для очень состоятельных и влиятельных господ. И все идет неплохо до тех пор, пока в городе не объявился новый «крестный отец» по кличке Бондарь. И авторитет сразу положил глаз на территорию Риты...

Татьяна Михайловна Чистова
Дамский террор

Столько денег она раньше видела только в кино, в основном в боевиках, когда купюры под звуки выстрелов разлетаются по экрану и следом непременно льется кровь. Далее вариантов было раз-два и обчелся: либо деньги переходили в лапы лихих парней или отвязной красотки, либо прежний хозяин, отбив добычу, шустро скрывался от конкурентов и правосудия. А сейчас нереальность происходящего не отпускала: ну не могло такое количество денег просто так лежать на столе, на подоконнике рядом и в сумке, набитой до отказа, так, что молния трещала, отказывалась закрываться.

— Да чтоб тебя, — Черников запихнул в сумку еще две пачки в банковской упаковке, одна выскользнула и упала под стол, банковская лента вдруг легко разошлась, и купюры рассыпались ярким ворохом. Рита упала на колени, Черников грохнулся рядом, и они чуть лбами не столкнулись, принялись сгребать деньги с пола.

— Сколько здесь? — Рита воровато оглянулась, прижимая деньги к животу. Никого, слава тебе, в ранний час посетителей в кафе, кроме них, только высокая скуластая старуха, да и та сидит к ним впол-оборота и, кажется, спит над своим омлетом.

— До хрена. — Черников подставил сумку, и вдвоем они кое-как запихали евро и рубли в сумку, Черников сжал ее с двух сторон, Рита с трудом застегнула молнию. Из-под черной тонкой ткани моментально проступили очертания пачек, сумка казалась набитой небольшими, но увесистыми такими кирпичами. Рита поставила ее на стол перед собой, потом на пол, потом себе на колени, обхватила обеими руками и посмотрела на Черникова. Тот глядел то в окно, где около колонки тормозила здоровенная фура, то на старуху, что вялоковыряла завтрак одноразовой вилкой. С кухни пришла сонная полная девушка, в небольшом зале приятно запахло кофе. Черников привстал, Рита намотала ручки сумки на ладони.

— Общак всегда такой большой?

Голос все еще дрожал, как и коленки, чего уж там скрывать, ладони взмокли, зубы постукивали легонько.

— А я почему знаю? — выдохнул Черников. — Я не специалист. Поехали отсюда.

Он прихватил пустые бумажные стаканчики из-под кофе и швырнул их в мусорку у входа. На негнущихся ногах Рита пошла следом, сумка тянула вниз, точно камень на шее утопленника. Рита тащила ее из последних сил, Черников придержал дверь, пропустил ее вперед, но на парковке оказался первым. Там тощий, кривой на один бок водитель фуры матом орал в телефон, глянул мельком в сторону парочки и отвернулся. По федеральной трассе пылили машины, поток густел на глазах: до Москвы отсюда было езды всего-то час или полтора, транспорт начинал притормаживать — где-то впереди образовалась пробка. «Ровер» промок от утренней росы, длинная вмятина на правом переднем крыле неприятно блестела. Черников задумчиво потрогал ее края и открыл машину. Рита забралась на заднее сиденье и только тут заметила, что ладони все в красных глубоких полосах: ручки сумки врезались в них чуть ли не до крови. Сбоку у окна лежал темно-серый портфель для ноутбука, весь в маленьких отпечатках щенячьих лап. Черников перехватил взгляд Риты и переставил его на сиденье рядом с собой.

— Это я заберу. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я.

Рита покивала, не отрывая взгляда от спинки сиденья перед собой. Ткань вдруг зашевелилась, поползла в разные стороны, распадаясь на волокна, в машину через приоткрытое окно вполз утренний туман, до того густой, что дышать стало нечем.

— Рита! — раздалось у нее над головой. — Рита, ты меня слышишь?

Вот если бы гром над головой грянул, было бы примерно так или даже чуть тише. Рита отшатнулась, вжала голову в плечи, но тут же выпрямилась, будто вынырнула из-под воды. Черников смотрел в упор, где-то звонил-заливался его телефон, но очень тихо и очень далеко.

— Слышу. — Она разжала побелевшие от натуги пальцы, села ровно, но сумку так и держала на коленях. Черников усмехнулся еле заметно и завел машину.

— Что насчет Шереметьево?

— Нет. — Рита отвернулась к окну. Внедорожник встал у выезда на трассу, поворотник щелкал, точно часовой механизм отсчитывал мгновения до взрыва.

— Зря. — Черников ловко вписался перед носом фургона, получил в спину вопли и недовольные гудки и перестроился в левый ряд. Но почти сразу сбросил скорость, а потом вообще остановился, вернее, полз в потоке, зажатый со всех сторон фурами и бесконечным отбойником.

— Вот зараза, вляпались-таки.

Поток встал, пришлось поднять стекла, фуры нещадно дымили, и в салон заносило вонь сторевавшей солярки. Ладони еще чуть покалывало, но полосы уже побледнели, Рита снова намотала ручки сумки на пальцы и запрокинула голову на подголовник. Час назад, или около того, они сдали щенка в приют для собак вместе с коробкой лекарств и предписаниями ветеринара, молодого серьезного парня. Он с ходу принял легенду, что щенка сбила машина и его подобрали на дороге, других вопросов не задавал, наличку не пересчитывал, а скинул в ящик стола. И сказал на прощание, что пес полностью никогда не восстановится, но жить точно будет. Потом они оказались в придорожном кафе, прихватили деньги с собой, у сумки оторвался боковой карман, и все деньги чудом не оказались на не очень чистом полу. Спрашивается, почему они не могли выпить кофе в машине и тут же пересчитать наличность? Да вот черт его знает, спросите что-нибудь полегче...

— Что за дела у тебя с Гончаровым, за что ты ему платишь?

Черников бросил руль и повернулся. Рита оказалась точно к стенке прижата, снова вцепилась в сумку. Красная «Мазда» справа за окном дернулась было, но тут же встала, Черников не шелохнулся. Рита посмотрела в другое окно, потом на потолок, потом на свои пыльные туфли, собралась с духом и рассказала Черникову все. Тот смотрел куда-то вбок, точно сквозь стену, потер подбородок и схватился за руль: машины дружно тронулись, «Мазда» пропала из виду, вместо нее обзор загородила бесконечно длинная фура с черной непонятной надписью во весь борт.

— Нормально. — Черников поднял стекло, потом снова опустил его, потом принялся щелкать зажигалкой. Поток снова притормозил, впереди маячила все та же «Мазда», фура чуть отстала, слева пошло ограждение из толстых стальных тросов, вместо разметки делившее дорогу надвое.

— Кто назначил встречу?

— Он.

— А место?

— Я сама выбрала.

Черников глянул на нее в зеркало заднего вида, Рита кивнула и разжала онемевшие пальцы. Сумка с деньгами сделалась вовсе уж неподъемной, лежала на коленях точно гранитная плита. «Покойники тоже, говорят, тяжелые» — вспомнилось вдруг некстати. Рита уставилась в потолок и закрыла глаза.

— Нормально, — повторил Черников и остановил машину. — Бордель, значит. Охренеть.

— Не бордель, а салон красоты, просто есть возможность интима с мастерами, как в Голландии, но это по желанию.

— В Голландии? — Черников малость растерялся, машины снова тронулись с места, вперед вылезла «Газель», фура дымила справа, черные немецкие буквы на ее бортах неприятно мелькали перед глазами. — Только не говори, что ты еще и дурью торгуешь!

— Нет, нет, — Рита точно оправдывалась, — только интим по желанию, без наркотиков, даже легких.

Черников приставил к виску два пальца, точно застрелился, и рассмеялся. Рита тоже улыбнулась и спихнула тяжеленную сумку на сиденье, но ремни снова намотала на ладони, откинулась на спинку. Поток машин ускорился, миновали мост, за ним на пустой соседней полосе работала дорожная техника и ходили рабочие в ярко-оранжевых комбезах. Черников держался слева около тросового отбойника, закурил, придерживая руль одной рукой. Фура отстала, «Газель» телепалась справа, совала нос в просвет между «Ровером» и «Маздой», Черников гуднул пару раз, и настырная «Газель» отстала. Голова кружилась после бессонной ночи, в глаза точно песка насыпали, Рита поудобнее устроилась на сиденье и зажмурилась, прижала ладони к лицу.

— А тот блондин? — донеслось будто из-под воды, — я ему еще рожу попортил у «Контрразведки». С ним у тебя что?

Сон как ветром сдуло, вернее, тяжелым выхлопом соляры, что влетел в открытое окно. Рита замахала руками, отгоняя жуткую вонь, Черников будто ничего такого и не замечал. Выкинул окурок на песок за тросами и снова обернулся.

— Колись, — ухмыльнулся он, — как на проповеди.

— На исповеди, — поправила его Рита, — колются обычно на исповеди.

— Пофиг, — Черников перестал улыбаться. Рита снова поставила сумку на колени, оперлась на нее локтями.

— Он женский мастер, очень хороший, клиенткам нравится.

Черников ободряюще кивнул, отвернулся и прибавил скорость. Ограждение исчезло, участок работ остался позади, и машины рванули, обгоняя друг друга. Черников моментально обошел «Мазду», оставил фуру и «Газель» далеко позади и держался в левой полосе. Скорость росла, Рита посмотрела на спидометр и мысленно попросила у Глеба прощения.

— Хороший мастер, теткам нравится, — повторил Черников, — это я понял. А...

— И он педик, — выдохнула Рита.

«Ровер» едва заметно мотнуло вправо, но тяжелая машина быстро выровнялась. Черников повернул голову вправо, потрогал за чем-то кончик носа и

погнал дальше.

— У него есть друг в Голландии. — Перед глазами маячила розовая ухоженная физиономия Лиана, его аккуратный маникюр и женственная улыбочка. — Он часто ездит туда, я ходила к нему советоваться, и Глеб предложил мне новую концепцию. Сказал, что это будет востребованная услуга, у нас ее мало кто предлагает.

Впереди показался бывший пост ГАИ, переделанный ныне в придорожную забегаловку. По эстакаде над ней шел товарняк, машины почтительно тормозили перед камерами, следящими за дорогой с моста. Черников перестроился вправо и постукивал пальцами по рулю, то и дело поглядывал на Риту. Та в очередной раз мысленно попросила у Глеба прощения и улыбнулась Черникову. Он потер лоб и подмигнул ей в ответ.

— Обалдеть... Кстати, Гончаров этого не одобряет. Вернее, не одобрял. По его понятиям, бордель — это грязный бизнес.

— У меня не бордель! — вскинулась Рита. Вдруг стало чертовски обидно и даже злость взяла, что кто-то вот так запросто все ее труды и старания опускает ниже плинтуса. Это же надо такое выдумать — бордель! В таком случае они едут вот прямо сейчас через бордель, тут ночью на дороге за пару минут девку на любой вкус можно найти, как Глеб когда-то Женьку пугал...

— Ладно, успокоила, — примирительно сказал Черников и включил правый поворотник. «Ровер» съехал с шоссе и оказался на тихой еще в этот утренний час улице. Рита только сейчас поняла, как устала, сил не было даже поругаться как следует. Вместо этого она бессмысленно смотрела в окно и только минут через пять сообразила, что едут они к банку.

— Решай сейчас, — негромко сказал Черников, — еще не поздно в аэропорт. Или ждать.

— Чего? — очнулась Рита.

— Пока все закончится.

«Ровер» остановился перед пустой зеброй, по ней прогуливались голуби и летали желтые тополиные листья. Рита обхватила сумку обеими руками и следила за ними, поворотник неприятно щелкал, точно мышь билась головой о плинтус. Наконец машина тронулась с места. «Избавиться от меня хочешь?» — подумала Рита, но вслух сказала:

— Война закончится?

— Ага, — беззаботно отозвался Черников и потянулся в загудевшему мобильнику. Поглядел на экран и положил на перепачканный пылью портфель, телефон погудел еще немного и умолк. Машину немного занесло на повороте, Рита стукнулась плечом о дверцу.

— Это надолго?

— Без понятия, — Черников крутил в пальцах сигарету, — может, месяц или два. Или год. Как все поделят заново, так сразу и закончится. Ты жить хочешь?

Будто лбом в стену врезалась, или в дверь — у нее так однажды было. Выходила из метро, и какой-то олень, что пер впереди, мало того что отдал ей обе ноги, так еще и дверь перед носом захлопнул, не поленился остановиться и грохнуть со всей дури. Даже руки выставить перед собой не успела, не ожидала этакой подлянки от обиженного дурака, зато усмешечку его до сих пор помнит, как и ворох черных мушек, что долго еще тогда летал перед глазами.

«Ровер» уже стоял на банковской парковке, милютинский «Форд» красовался неподалеку, на крыльце у входа образовалось небольшое столпотворение. Кто торопливо курил, кто говорил по телефону, кто-то просто трепался с коллегами перед началом рабочего дня. Рита заметила Юльку с наушниками на макушке, потом прошла согнутая, еще не оправившаяся от болезни Казарцева, потом еще знакомые из других отделов.

— Очень хочу, — Рита смотрела в пол, — причем долго и счастливо.

— Я тоже, какое совпадение, — малость нервно бросил Черников. — Короче, так: живи как жила, дом — работа — дом. Ну, или как оно там у тебя было...

— Зачем работа? — очнулась Рита. Последнее, что сейчас ей было нужно, — это топать в свой кабинет и руководить пенсионеркой, дурой и овуляшкой. Марианка была права на все сто и называла вещи своими именами, за что ее недолюбливали, а за полгода до увольнения перестали звать на совещания и даже междусобойчики. Вот на хрена сейчас работа, когда в руках такое?

— Я, наоборот, увольняться хотела...

Черников повернулся и сжал ей запястья. От него пахло кофе и чем-то терпким, еле заметно, но так, что кружилась голова и все мысли вдруг разом куда-то подевались.

— Ритка, сама подумай, — донеслось точно из-за облаков, — если ты не при делах, то зачем тебе что-то менять? Если остаешься здесь, то не привлекай внимания, будто нет тебя. Даже в аэропорт уже поздно, скорее всего.

Рита смотрела то в спинку сиденья перед собой, то на руки Черникова. От большого пальца к основанию ладони у него шла тонкая белая полоска, идеально ровная поначалу, делавшая резкий изгиб у пальца, точно черта, которую забыли стереть. Она чуть вздувалась над кожей, так и тянуло дотронуться до нее, но Рита вцепилась в ремень сумки обеими руками и на всякий случай закрыла глаза.

— Если будем сидеть тихо, то пронесет, я надеюсь. Деньги в банке спрячь, тут хорошая охрана, отвечаю. Давай иди уже, или опоздаешь.

Черников отпустил ее, Рита посмотрела в окно, снова на сумку, потом в зеркало на лобовом стекле. Черников ободряюще подмигнул ей и мотнул головой в сторону входа в банк.

— А меня пропустят с таким баулом?

Сумка будто еще распухла, увеличилась в размерах, или так казалось от усталости. Контуры предметов потеряли четкость и дрожали, и свет померк, точно солнце закрыли тучи.

— Ты же внутрь заносишь, а не наоборот. — Черников ругнулся сквозь зубы на оживший телефон и спрятал его под портфель. Звук стих, но теперь казалось, будто та самая мышь воет за плинтусом от боли. — Если что-то вынести захочешь, тогда могут быть проблемы, но решим. Все, я погнал. На связи, если что.

Он резко подался вперед и неловко поцеловал Риту в переносицу. Улыбнулся, сжал ей коленку и открыл дверь. Рита выбралась из машины, потянула баул с деньгами за собой. Ноги снова задрожали, сумка висела в миллиметре над землей.

— Как договорились: дом-работа-дом. Будто ничего не случилось.

«Ровер» дернулся с места и выкатился на дорогу, исчез за воротами. Рита поглядела ему вслед и кое-как подняла сумку. Ткань затрещала, одна ручка

вдруг стала длиннее другой, баул свалился-таки наземь.

— Помочь? — раздалось сбоку. Это оказался веселый бородатый айтишник, кажется, Антон, он со стаканчиком кофе уже торопился навстречу. Рита только что не оттолкнула его, и парень попятился. Улыбка исчезла, на его физиономии явно проступили недоумение и обида.

— Спасибо, — Рита кое-как улыбнулась, — я сама. Она не тяжелая.

Айтишник ретировался, Рита присела на корточки. Ручка оторвалась, вернее, висела на нитках, сквозь дырки в ткани виднелись желтые, розовые и зеленые пятна. «Сколько там?» — будто снова в дверь носом влетела, перед глазами все аж поплыло от страха: вдруг увидят, все поймут и отнимут, и что тогда? И да, сколько же там, в кофейне они так и не сосчитали добычу, остановились на полумиллионе евро...

На парковку въехала черная «Ауди» зама председателя правления. За рулем сидел водитель, мелкий и, как про него говорили в банке, злобный и мстительный коротышка непонятного возраста. Зам, видимо, помещался на заднем сиденье, его отсюда было не видно. Рита обхватила сумку с деньгами обеими руками, кое-как поднялась на ноги, прижала баул к груди и медленно, очень медленно, стараясь держать равновесие, пошла ко входу в банк. Рабочий день начался несколько минут назад, но народу вокруг было еще полно: кто-то докуривал, кто-то на ходу говорил по телефону. Рита опустила голову и косилась по сторонам, ей казалось, что всем и каждому встречному понятно, что у нее в этом черном мешке, будто он прозрачный, что каждый смотрит завистливо и злобно, а кто-то уже даже позвонил в полицию. От этой мысли аж дыхание перехватило, выступил липкий пот, точно перед обмороком, в лицо ударила кровь. Где-то звонил ее собственный мобильник, гул несся точно из-под земли, баул тянул к полу, пачки денег выпирали под тонкой тканью, точно рвались наружу. Рита поднялась по лестнице, чудом не поскользнулась на роскошных ступенях и уже из последних сил ввалилась в кабинет. Ткань треснула, сумка грохнулась на пол и отравила ноги. Рита присела и принялась в полумраке разглядывать повреждения. Ручка все-таки оторвалась подчистую, прихватив с собой изрядный клочок ткани, из дыры выглядывал угол пачки из бледно-желтых купюр. Рита принялась заталкивать его обратно, дверь предбанника открылась, и выскочила Юлька с чайником в руках. В последний момент заметила Риту, шарахнулась вбок и налетела на холодильник. Тот загрохотал, точно внутри металлические шары перекатывались, Юлька вскрикнула, Рита поздоровалась сквозь зубы и рывком подняла сумку, обхватила ее, прижала к себе.

— Ого! — Юлька уставилась на баул. — Ты что, дома не ночевала? Или переезжаешь?

«Не твое дело». Рита пошла через кабинет к своей двери. Шла, а ноги точно в песке вязли, воздух стал плотным и тяжелым, Рита с трудом пробиралась через него, как навстречу потоку воды. Кивнула на ходу Ирке, что тоже вытаращилась на угловатую сумку, мельком глянула на Аньку: та бубнила что-то в телефон и привычно вжала голову в плечи, заметив Риту. Она открыла дверь к себе в кабинет, грохнула сумку на стол и выдохнула. Дышать стало полегче, руки и плечи ныли с непривычки — такие тяжести ей давно таскать не доводилось. Рита закрыла дверь, подергала за ручку для надежности, опустила шторы, включила свет, выключила, оставив одну лампочку, подошла к двери

и прислушалась, но, кроме негромких голосов, ничего не разобрала. Еще раз дернула ручку вниз-вверх, толкнула дверь на всякий случай и вывалила из сумки деньги на стол. Разноцветная куча расплзлась от края до края, купюры полетели на пол от сквозняка, несколько пачек свалились прямоком в мусорную корзину. Рита вытащила их, отряхнула, положила сверху и снова отошла к двери. Дыхание перехватило, перед глазами все поплыло, стенка качнулась, пол поехал вбок. Рита зажмурилась, сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, открыла глаза. Деньги никуда не делись, куча укладывалась на столе поудобнее, пачки расплзались с легким приятным шорохом, купюры трепетали от легкого ветерка. Рита смотрела на деньги издалека, точно боялась подойти ближе. «А они настоящие?» — крутанулась вдруг мысль и тут же отчалила восояси. Это легко выяснить, достаточно позаимствовать в хранилище детектор купюр и все проверить самой, своими руками, но вряд ли Гончаров тащил куда-то такую кучу фальшивок.

Рита обошла стол со всех сторон, точно примериваясь, постояла в углу прикусив, губу.

— Баба, ты дура? — донеслось из-за двери. Рита чертыхнулась — Анька точно за плечом у нее стояла и орала в трубку. Но позади был только шкаф, забитый папками и канцеляркой, Анька орала за дверью, но как-то очень близко.

— Ты дура, спрашиваю? Я тебе что говорила? Ты меня слышишь? Прекрати жевать, когда я с тобой разговариваю!

— Сама ты дура.

Наваждение спало, Рита выгребла из верхнего ящика стола все барахло, сложила в рваную сумку, села спиной к двери, взяла первую пачку евро, принялась считать, и тут зазвонил рабочий телефон. Это оказалась Галанова, ее фамилия латиницей дрожала на экране. Наверное, нашли человека вместо Руснаковой и надо топать на собеседование или читать резюме, но только не сейчас. Вот когда угодно, только не сейчас.

— Иди к черту. — Рита сделала неприличный жест в сторону телефона и принялась считать деньги. Пачки со стола она перекладывала в ящик, на листке записывала сумму в столбик. Столбик рос вниз, тянулся кривоватой лентой, пачки и купюры постепенно забивали ящик.

Когда писать новую цифру стало некуда, Рита пересчитала сумму. Посмотрела на результат, посчитала еще раз и прошла по кабинету. В ящике лежали примерно полмиллиона в евро, если считать по курсу основной валюты, из коей состояла куча. Та уменьшилась ненамного, Рита отгребла деньги от краев, сложила их в подобие кургана, взяла пачку сверху, и тут снова зазвонил рабочий. Снова Галанова, будь она неладна.

— Отвали, — сквозь зубы бросила Рита и принялась считать дальше. Второй столбик быстро рос сверху вниз к краю листа, ящик заполнился до отказа, Рита сгребла наличку на край стола и теперь складывала пересчитанные деньги справа в аккуратные стопки. Цифра под третьим столбиком показывала полтора миллиона евро, сердце билось где-то в горле, в висках стучала кровь. Снова зазвонил рабочий, но Рита на него даже не посмотрела, потом загудел мобильник, причем казалось, что звонит за окном и валяется на земле при этом. Потом звук исчез, зато стул вдруг легонько задрожал, потом сильнее, потом еще сильнее, точно в телефоне включился виброзвонок мощностью с отбойник. Снова ожил рабочий, стул ощутимо дрогнул, Рита выронила

пачку денег и оглянулась. Оказывается, она слишком близко подъехала к двери и в нее кто-то сейчас ломился со всей дури.

— Баба, я тебя убью! — орала Анька. — Ты дура старая! Бегом в школу, а то Лиза проголодается! Я тебе утром сказала, что ей йогурт надо с собой дать! Да тебе вечно плохо, тебе хорошо не бывает! Хочешь, чтобы мой ребенок голодал?

— Не ори, — лениво сказала Ирка, она добавила что-то еще, но ее слова утонули в Анькином оре. Зато та перестала биться в дверь, послышался Юлькин голос, потом снова затренькал рабочий. Снова Галанова, от нее уже четыре пропущенных, а один от Милютина, и это дурной знак. Пачки денег валяются на столе, верхняя непонятно, пересчитана или нет, и эти две откуда-то взялись. «Я считала их или нет?» Рита сверилась с листком, но записи слабо помогали. Вот эти точно пересчитаны, они лежат в ящике, а эти непонятно... Она отчеркнула два столбика, не вызывавшие подозрений, и принялась считать кучу на столе заново. Стопки из пачек справа росли, купюры Рита перематывала разноцветными резинками и под каждую подсовывала бумажку с суммой. Телефон звонил снова и снова, несколько раз гудел мобильный, за дверь визжала Анька, проклиная бабку последними словами, и снова долбились в дверь. Потом успокоилась, стало тихо, Рита подсчитывала общую сумму двух столбиков — вместе четыре кривые «ленточки» давали больше трех миллионов евро. Рита отошла в дальний угол своей каморки и вытирала пальцы влажной салфеткой, на ней оставались серые грязные следы. «Сколько это в рублях?» Рита попыталась мысленно перевести сумму по курсу, но каждый раз сбивалась и бросила это дело. Непересчитанных денег оставалась примерно треть, Рита смотрела на них, как спортсмен глядит на противника перед финальной схваткой. Бросила салфетку в мусорку, села за стол, взяла ближайшую пачку, и тут в дверь постучали.

— Рита, это я, — сказала с той стороны Галанова, — открой, дело есть. Срочное.

Рита сгребла деньги к себе, обхватила их, закрутила головой. Перед глазами все снова поплыло, как недавно, кровь бросилась в лицо. Галанова деликатно стучала в дверь, а в голове у Риты точно перфоратор грохотал, она вскочила, снова села, схватила мусорку, и тут взгляд упал на тряпку на ее дне. Скомканная сумка с оторванными ручками — Рита вытащила ее, запихнула в нее деньги и сунула на нижнюю полку шкафа, кое-как затолкала поверх набитых бумагами папок. Дверца не закрывалась, Рита так и этак пинала ее, толкала, но черный уголок все равно выглядывал, а Галанова, точно деликатный дятел, все стучала в дверь. Рита придвинула к шкафу стул и впустила кадровичку. За ее спиной с видом полного безразличия маячила Ирка, Юлька с «ушами» на шее по шажку подбиралась все ближе и ближе. Галанова вошла в кабинет, Рита быстро захлопнула дверь.

— Я тебе звоню, звоню, — Галанова осматривалась, — а ты не отвечаешь. Твои сказали, что ты на месте.

— Работаю, — Рита показала на пустой стол, — некогда, извини.

— А, — Галанова подошла к окну и приоткрыла жалюзи.

Полоска света упала на шкаф, точно на неплотно закрытую дверцу, откуда торчал угол сумки. Рита старалась смотреть в другую сторону. Галанова повернулась и сделала страшные глаза.

— Ритка, я тебе ничего не говорила, — зашептала она, — Милютин на тебя докладную написал. Он вчера форму четырнадцать до вечера ждал, а ты его кинула. Докладная у председателя правления уже, правда, он в Москве, сегодня не приедет. Ты понимаешь, о чем я?

Папки в шкафу зашуршали, зашелестели и ринулись на выход, толкая сумку перед собой. Положение спасла ножка стула, та удачно держала дверцу, и сумка вывалилась только наполовину, ну или чуть меньше. Рита с трудом оторвала от нее взгляд и посмотрела на Галанову, потом на темный монитор, потом вспомнила, какое сегодня число. Точно, форма четырнадцать была вчера, ее не сдали, и Милютин в своей манере заложил всех с потрохами.

— Да там движения почти не было, — Рита выдала первое, что пришло на ум, точно Галанова могла помочь. Та возвела глаза к потолку и шумно выдохнула.

— Ты мне только не говори это, ладно? Докладная пока в канцелярии на регистрации, если ей дадут ход, то это депремирование сто процентов. Вам кварталку не дадут, ты понимаешь?

В ящике стола лежали полмиллиона евро, еще три или четыре раза по столько же прятались в рваной черной сумке, что вот-вот окажется на полу. Рита помотала головой, сжала кулаки. Галанова сделала скорбное лицо.

— Ритка, я все понимаю, что работать у тебя некому. Но Шумилина теперь всех кандидатов лично смотрит, а безопасники максимальный срок берут на проверку, то есть месяц. И сейчас не ищут никого пока...

— Почему?

Галанова прикусила язык, Рита в упор посмотрела на нее. Заявку на нового сотрудника она отправила в кадры несколько недель назад, и оттуда не было ни ответа ни привета, точно в городе перевелись все экономисты. Галанова поняла, что сболтнула лишнего, и принялась протискиваться к двери. Рита загородила ей дорогу.

— Я ничего не знаю, — выставила руки перед собой Галанова, — это еще неточно...

— Я никому не скажу, — тихо сказала Рита, прислушиваясь к тишине за дверью. Ясное дело, что двое как минимум там давно греют уши, а может, и втроем, чтобы ничего не упустить. Рита мигом оказалась у двери и оттеснила Галанову к окну. Та села на подоконник и прикрыла рот ладонью:

— Учредители проводят высокорисковую политику по размещению привлеченных средств и не сформировали резервы в достаточном объеме, поэтому у нас будет внеплановая проверка Центробанка, — громко прошептала Галанова, — а также есть подозрение на дробление вкладов и «тетрадку». Если подтвердится, то могут лицензию отобрать. Поэтому подбор пока приостановили. Я тебе ничего не говорила! — повторила Галанова и бочком направилась к выходу. Задела стул, тот отъехал вперед, сумка вывалилась в ворохе папок, Галанова мило улыбнулась и выскочила за дверь. Ирка отпрянула в последний момент, Юлька как сидела, вытянув шею, так и замерла. Галанова рысцой пробежала мимо и пропала в предбаннике.

— Мне домой надо! — Анька точно с потолка свалилась. — У меня дети голодают, бабка с ума сошла! Мои детки...

— Форма четырнадцать, — тихо сказала Рита, — срок был вчера. Кто отправил ее Милютину?

Ирка плюхнулась на свое место и отвернулась, закрыла сайт с турами по Италии и принялась перебирать бумаги на столе.

— У меня все готово, — она показала Рите голубую папку, — аналитика и сводки за период нарастающим итогом. Никто не запросил, я думала...

— Что ты думала? — рывкнула на нее Рита. — Думала, что я за вас все сделаю? На фиг вы мне тут нужны, если я все делаю за вас?

— Я пойду? — Анька топталась у стеночки. — Детям покушать надо...

— Вали! — крикнула ей Рита. — Вали, и можешь больше не приходиться!

— Не имеешь права! — окрысилась Анька. — У меня деточки несовершеннолетние, меня нельзя уволнять!

— Сама уволишься, — Рита сдерживалась из последних сил, — Милютин на нас докладную наката, это депремирование. Кварталка накрылась, работайте за зарплату. На детское питание тебе хватит.

Анька столбом торчала у двери, мешая ее закрыть, Ирка неторопливо повернулась к Рите. Юлька вскочила и крутила головой, только что не подпрыгивала на месте.

— Эту форму Марианка всегда делала, — выдала она наконец, — нас не спрашивала, мы ей только первичку обрабатывали...

— И что? — оборвала ее Рита. — Что теперь? Зовем Марианку назад? Хочешь премию — работай, я за вас вкалывать не собираюсь. И ты вали на все четыре стороны, — она показала Аньке на дверь, — я у тебя и эти часы из зарплаты вычту, если больничный не принесешь.

И с таким наслаждением грохнула дверью, что пыль с потолка посыпалась. Закрылась на задвижку и бросилась к сумке, бросила ее на стол, прислушалась.

— Чего это с ней? — негромко удивлялась Юлька. — Она же сама всегда отчеты делала.

— Критические дни, наверное, — предположила Ирка, — или с Черниковым поругалась. Кстати, я его сегодня еще не видела. И вещи она утром притащила, разбежались, наверное.

— А что, она уже к нему переехала? Когда? — живо заинтересовалась Юлька, как обычно, пропустив все важное и интересное.

— А как же премия? — заглушило ее Анькино мычание. — Мне деньги на детей нужны. Мне нужна премия!

— Нужна — так работай, — оборвала ее Юлька, — давайте сделаем хоть черновик, потом Ритка уточненку Милютину скинет.

— Я не умею, — страдала Анька, — у меня там детки одни, кушать хотят! Вы просто не понимаете, я же мать, я должна быть с ними!

— А как же ты для Соловьевой тогда все прекрасно сделала? — язвительно уточнила Ирка. — Давай, мать-героиня, напряги мозги ради премии.

Они еще дальше переругивались, потом все стихло. Рита вывалила наличку на стол, отключила все телефоны и принялась заново пересчитывать деньги. Через час вместе с теми, что лежали в ящике стола, получилось больше шести с половиной миллионов евро в валюте и рублях по курсу. И девать их было совершенно некуда, пришлось снова заталкивать в рваную сумку, а ее опять же в шкаф, уже освобожденный от папок. Рита замаскировала ими сумку, и дверца теперь прекрасно закрывалась. Рита подняла жалюзи, открыла окно и вдохнула сырой теплый воздух. Пахло листьями и туманом, клен уже

немного пожелтел, но все еще держался молодцом, за ветками торчали рога химеры и будто шевелились вместе с листьями. В дверь снова постучали, потом раздался Иркин голос:

— Рита, почту проверь, мы сделали предварительный. Отправь этому гаду.

Гад получил свое через пару минут, прислал стандартную отбивку. За дверью Анька привычно проклинала бабку, Ирка с Юлькой точно в воду канули. Потом и Анька заткнулась, сгинула до понедельника, а Рита медлила. Можно уходить, впереди выходные, но как оставить здесь деньги? А вдруг кто-нибудь найдет их, вдруг в понедельник их не окажется на месте? А если... «Тут охрана хорошая», — пришло вдруг на память. Рита вспомнила, что Черников ей ни разу сегодня не позвонил. Хотела набрать сама, но передумала, отодвинула папку, потрогала тугой угловатый бок сумки, задвинула все на место и пошла домой.

И два дня не знала куда себя девать, кусок в горло не лез, все мысли только об одном: как спрятать деньги, где найти для них надежное место. Рита уже дошла до мысли распихать их по банковским ячейкам, но отвергла ее — там нужен паспорт, она засветится, и тогда все пропало. Черников прав, надо сидеть тихо и ждать, пусть деньги пока полежат в шкафу. И если у банка отзовут лицензию, то комиссары из ЦБ первым делом опечатают хранилище и запретят выносить из банка все, что тяжелее зонтика. И охрана, как бы хороша и лояльна Черникову она ни была, будет выполнять приказы цебэшников, а не своего бывшего руководителя. Значит, деньги так и останутся в шкафу, их найдут, и что тогда?

«Тогда у тебя ничего никогда не будет», — от этой мысли хотелось выть в голос. Рита сделала себе чай с коньяком, выпила залпом, не чувствуя вкуса, и в девять вечера легла спать. А утром примчалась в банк за час до начала рабочего дня и первым делом кинулась к шкафу. Сумка никуда не делась, Рита вытащила ее на стол и долго разглядывала деньги, пыталась понять, все ли они тут, и не исчезла ли хоть часть. «Может, взвесить ее?» — мелькнула мысль, и пару минут Рита прикидывала, как бы это сделать, чтобы не привлечь внимания. Ничего путного в голову не пришло, Рита убрала деньги на место, включила компьютер, уставилась в окно и стала ждать, когда закончится понедельник. А он только начинался, нехотя и неторопливо, минуты тянулись, часы казались бесконечными. За дверью переругивались Анька с Юлькой, за окном лениво, точно спросонья, перекликались птицы, и несколько раз звонил телефон. Первым был Милютин, Рита даже отодвинулась к стенке и оттуда смотрела на узкий экран с ненавистой фамилией. Та поморгала и погасла и через пару секунд появилась вновь.

— Отвали, пожалуйста, — сказала Рита, и телефон замолчал. Легче от этого не стало, дел было полно: и отчет надо перепроверить, и документооборот разобрать, а вот реально рука не поднимается просто взять мышшь и щелкнуть по иконке на экране. «Зачем мне это?» Злость так и кипела, бурлила, того гляди выплеснет кипяток через край. Рита прошлась по кабинету, посмотрела в окно. Химера пряталась за ветками уцелевшего клена и будто обмахивалась побуревшими листьями. По крыше рядом с ней слонялись жирные блестящие голуби и отвратительно ворковали, будто обожрались чем-то на помойке и теперь страдали несварением желудка. Снова зазвонил телефон, это оказалась Галанова. От нее тоже можно ожидать гадости, но Рита все-таки ответила,

чтобы та больше не звонила или не прибежала, как в прошлый раз.

— Радуйся, — выпалила кадровичка, — докладную на вас пока притормозили.

— Супер, — сказала Рита сквозь зубы, — я счастлива. А с чего бы это?

Обычно руководство этакие пасквили без внимания не оставляло. Ей даже иногда казалось, что Милютин нарочно строчил свои писульки, чисто чтобы порадовать начальство. Пару лет назад он не на жизнь, а на смерть бился с ахошниками по поводу конденсата из кондиционера верхнего этажа, что слишком громко капал на его, Милютина, подоконник и мешал сосредоточиться, что приводило к ошибкам в отчетности. Над Милютиным тогда кто тихо, кто в открытую ржали всем банком, но чем дело закончилось, Рита не помнила. Ей было не до того, она всерьез собиралась замуж за Игоря, он как раз тогда ей намекнул, что этот вариант очень даже возможен, вероятность не нулевая, так кажется, если дословно.

Тут стало вовсе уж тошно, Рита зажмурилась и отвернулась к стенке, прижимая трубку плечом к уху. Галанова постучала по клавиатуре и проговорила еле слышно:

— Это у вас первый залет, первый раз не считается. К тому же все знают, что у тебя людей мало и вы не справляетесь. Так что премия будет, не бойсь.

Рита рассматривала обои, точно в первый раз их видела. Если здесь когда-нибудь будет ремонт, надо попросить, чтобы поклеили такие же, толстые, с серыми и бежевыми полосками. Очень приятное сочетание цветов, успокаивает.

— Супер, — повторила Рита, — спасибо.

— На здоровье, — хихикнула Галанова и отбилась.

Рита попыталась заняться делами, начала проверять отчет, но от вида цифр и таблиц реально мутило. Она помучилась еще минут десять, потом бросила все и принялась собирать на компьютере пазлы. Детальки складывались в красивые пейзажи и натюрморты, яркие краски успокаивали, злость понемногу спадала, и клонило в сон. Вот прямо глаза слипались, пазлы сливались, картинка не складывалась, да плевать было на картинку, на эту разноцветную мешанину и без того было приятно смотреть. Рита подперла рукой подбородок и подумала, что надо собрать себя в кучу, закрыться изнутри и поспать хоть час-полтора. И только сосредоточилась, нашла взглядом ключ, что так и валялся на столе с самого утра, как голоса за дверью смолкли, а в кабинет вошел Черников.

Рита не видела его три дня, и сначала показалось, что тот похудел и даже стал выше ростом. Но присмотрелась и поняла, что Черников все эти дни, похоже, не брился, отчего выглядел зверски, да еще и усмехался чисто по-пиратски.

— Хорош спать. — Черников прикрыл за собой дверь. Рита выпрямилась, сон как ветром сдуло. Черников глянул на монитор с картинками, на часы и мотнул головой в сторону выхода: — Пойдем обедать. Да не спи ты.

— Я не сплю. — Рита потянулась к своей сумке, Черников перехватил ее и повесил себе на плечо, протянул Рите руку. — Там зеркало...

— Да ты и так красивая, верь мне. Иди, иди уже.

Он буквально вытащил Риту из-за стола, подхватил под локоть и провел через кабинет.

— Мириться пошли, — прошептала им вслед Юлька, Ирка угукнула из-за своего монитора. Аньки не было, она попалась им навстречу у фикуса и едва успела отпрыгнуть в сторону. Черников взял Риту под руку, и они пошли к лестнице. На них смотрели, некоторые даже оглядывались, и Рита первый раз в жизни всей шкурой вдруг ощутила, что такое реально, искренне и от всей души наплевать на чужое мнение. Кто что скажет, что подумает — да пошли они все по известному адресу, хоть по одному, хоть строем. Вот прямо сейчас стройтесь и топайте, флаг не забудьте. Черников кому-то кивал, с кем-то здоровался на ходу, Риту при этом не отпускал, и они быстро оказались на парковке. Милютин копался в багажнике своей машины, увидел парочку, поморгал глазенками и быстро сгинул. «Ровер» блестел как новенький, крыло, бампер и вмятина сияли на неярком солнышке, от вмятин не осталось и следа.

— В соседний район пришлось стонять, — Черников открыл машину, — здесь отремонтировать я не стал, уши везде торчат. Ободрали, правда, как липку, ну да ладно. Живы будем — заработаем. Садись.

Он бросил ее сумку в салон, Рита забралась на заднее сиденье. В машине было очень чисто, будто она только из салона, и пахло химией. Черников сел за руль и обернулся.

— Куда едем?

— Никуда. Давай просто посидим или покатаемся.

Есть не хотелось, от одной мысли о еде становилось тошно. Черников выглядел разочарованно, на его аппетит переживания не повлияли.

— Ну ладно.

Он выехал с парковки, «Ровер» неспешно катился по правой полосе. На тротуаре Рита заметила Галанову с бухгалтершами, те дружно топали в сторону кафешки с бизнес-ланчами, где обедала добрая половина банка, та, что не помещалась в столовке. Черников обогнал их и остановил машину на «красный».

— Те деньги я отдал, — услышала Рита. Черников смотрел на нее в зеркало на лобовом стекле и «те» произнес с особым нажимом. Сразу стало понятно, о чем он говорит, Рита кивнула. — Чтобы учредители шум не поднимали, — добавил он, — сказал, что провел ряд мероприятий и у мошенников не осталось выбора. Так спокойнее.

Рита снова кивнула и принялась копаться в своей сумке, просто бессмысленно перебирала вещи. Под руку попало маленькое зеркало с королевскими золотыми лилиями на синем фоне, цветы красиво блестели под неярким светом. «Ровер» тронулся с места, Рита откинулась на спинку сиденья.

— А правда, что у банка могут лицензию отозвать?

Черников снова глянул на нее и повернул с проспекта на прилегающую дорогу. Рита узнала место, тут они ехали пить вино, потом нашли на дороге пса-потеряшку. Надо бы позвонить в приют, спросить, как там Тимка...

— Могут, — Черников смотрел на дорогу, — думаю, цебэшники проверку для этого и устроили. Наши отцы-учредители крупно накосячили с вкладами, будут искать «тетрадку».

«Тетрадку», в смысле не учтенные в банковской системе учета вклады. Клиенту выдаются все документы: и договор, и приходник на сумму вклада, и даже пароль для входа в личный кабинет, но это просто картинка, декорация, фикция, за коей ничего. Пустота, ноль — деньги не отражаются на балансе

банка, а записаны по старинке в тетрадку, и ее никакая проверка не найдет, а вкладчик и подавно. Нет, он может пойти в суд, трясти там бумажками, но если его вклада в АБС не окажется, то финита, сушите весла, или как там еще. И таких вкладчиков пруд пруди, ибо поместья в Лигурии и Провансе стоят дорого.

— А найдут? — Рита смотрела Черникову в затылок.

— Найдут, — донеслось еле слышно. Рита отвернулась к окну. «Ровер» повернул, подъехал к старому парку и остановился напротив ворот. Парк когда-то был открыт для всех, за красными кирпичными стенами были и аттракционы для детей, и спортивные площадки, и ухоженные клумбы и кусты вдоль дорожек. Потом эту красоту прибрал восставший из пепла монастырь, быстренько привел в порядок стену и закрылся могучими створками от грешного мира. И что там теперь творилось внутри, никто не ведал, да и наплевать было, если честно.

— Звони Гончарову, — Черников повернулся к Рите.

— В каком смысле? — не поняла она.

— В прямом, — терпеливо повторил Черников, — звони, как договаривались. Вы же с ним договаривались?

Ну да, они договаривались, было дело несколько дней назад. Но после того, как белая «Нива» скатилась в овраг, звонить стало некому, во всяком случае, Рита думала именно так.

— Ты же сам говорил, что нужно ждать.

— Да, — Черников потер ладонью щетину на подбородке, — я и сейчас это повторю. Но раз вы договорились...

— Его похоронили уже! — разозлилась Рита. Спокойствие и сонливость враз улетучились, Черников это явно почувствовал и выставил ладони перед собой.

— Ты его в гробу видела? Цветы на могилу положила, на поминках пила? А откуда тебе знать про похороны?

— Нет, он до сих пор в овраге лежит, — огрызнулась Рита. И будто видела перед собой и мятую, точно ее танком переехали, «Ниву», и сладковатый полумрак внутри салона, даже слышала жалобный щенячий писк.

— Ритка, — Черников взял ее за руки. Рита дернулась, но он сжал еще сильнее, — Ритка, включи мозги, у тебя есть что включать. Ты встречалась с Гончаровым?

— Да, — нехотя бросила она. Руки у Черникова были теплые, и он, точно громоотвод, забирал от нее злость и отчаяние. Она не шевелилась, Черников тоже не разжимал пальцы.

— Вы договорились о встрече, которая нужна тебе, так?

— Так. Чего ты хочешь, не пойму?

Черников зажмурился и помотал головой, потом глянул на нее так, что стало не по себе. Рита отодвинулась, Черников усмехнулся.

— Жестокая ты, Ритка. Ладно. О вашей с ним встрече знала куча людей, ты последняя с ним живым говорила, к тебе все равно будут вопросы, так что лучше самой. Ты же не ему непосредственно звонила?

— Нет, бандитам каким-то, — Рита смотрела в окно, — наглые твари.

— Вот, — оживился Черников, — и у них инструкция ждать твоего звонка. Это тебе надо, а не Васе. Поняла теперь?

Поняла, чего там непонятного. Все должно быть как обычно: дом — рабо-

та — дом, ну и вторую работу тоже никто не отменял, основную. И еще неплохо бы выйти из этой передрыги не только живой, но и обеспечить себя на всю оставшуюся, шести с половиной миллионов евро ей хватит за глаза. Да и двоим тоже будет достаточно.

— Поняла, — буркнула Рита. — Но меня просто пошлют куда подальше, да и тот номер давно заблокирован.

— Вот и проверим сейчас. — Черников отпустил ее руки. — Звони, звони сейчас. Если ответят, то скажи, что готова на Васины условия.

— На столе станцевать? — Рита достала телефон из сумки и принялась искать номер бандитов.

— В смысле? — Черников ее реально не понял. — Почему на столе?

— Он заказал приватный танец. — Рита нашла номер и нажала вызов. — У меня есть выбор?

— Охренеть, — буркнул Черников, — на столе. А больше он ничего не хочет?

Из трубки доносились длинные гудки, после пятого или шестого включился автоответчик, Рита нажала отбой. Из ворот парка выехал «Майбах», за рулем помещался сытый батюшка в чем-то блестящем, будто опутанный черными, золотыми и серебряными ленточками самовар. Черников присвистнул, разглядывая машину, батюшка лихо вырулил на дорогу и пропал из виду.

— Уйду от вас в монастырь. — «Ровер» тяжело разворачивался на площадке. — Там хорошо, судя по всему.

— В женский иди, — фыркнула Рита. На душе стало легче: Черников прав, она все сделала правильно. Договорились, она подумала и согласилась, ей не ответили — все, разговор окончен, другого номера и выхода на бандитов у нее нет. Теперь остается только ждать.

— И пойду, — Черников остановился у выезда и крутил головой по сторонам, — заделаюсь там у них келейником, буду утешать сестер, окормлять, так сказать, по мере сил. Чего смешного-то? Завидно, так и скажи!

До банка доехали как-то очень быстро, обед еще не совсем закончился. Галанова с подружками как раз топали обратно и не особо при этом торопились. Милютинский «Форд» исчез, и вообще на парковке машин было очень мало. Солнышко припекало почти по-летнему, Черников загнал «Ровер» под свои окна и теперь мрачно глядел на них.

— Боюсь идти, веришь? — Он крутил в пальцах сигарету и кривился страдальчески. — Там, наверное, почтовый ящик уже треснул. Или стол от бумаг сломался.

— Иди, иди, — подбодрила его Рита, — топайте, господин руководитель департамента собственной безопасности. Это тебе не старушек окормлять!

— Монашки и молодые бывают! — защищался Черников. — Я видел!

— Где это? — заинтересовалась Рита. — Расскажи, ну, расскажи, пожалуйста!

Черников попятился, налетел на «Ровер», сработала сигнализация. Черников принялся искать брелок, уронил сигарету, чертыхнулся, у Риты зазвонил мобильник. Она глянула на экран, и сердце реально бухнулось в пятки, руки задрожали, на лбу выступил липкий пот — звонили с бандитского номера. С того, что не ответил четверть часа назад. Рита закрыла одно ухо ладонью, чтобы не мешал вой сигналки, нажала на зеленую трубку.

— Слушаю...

— Это я тебя слушаю, — раздался с той стороны знакомый наглый голос. — Чего надо?

Черников справился наконец с брелком, сигнализация умолкла. Шагнул к Рите, та попятилась, вытянула руку перед собой.

— Гончаров сказал, что если я согласна, то могу перезвонить на этот номер. Мы договорились встретиться с ним.

В трубке притихли, явно отключили микрофон. Черников в упор смотрел на Риту, а та себе под ноги и прислушивалась, но из трубки не доносилось ни звука. Прошла минута, еще одна, Черников смял и растоптал сигарету, солнце спряталось, и подул ветер.

— Заедем за тобой сегодня в полшестого, будь готова, — бросили из трубки, потом раздались короткие гудки. Рита зачем-то посмотрела на экран, прижала мобильник к животу.

— Сегодня в полшестого, — голос сорвался. Она явно не ожидала, что ей ответят, а тут не просто ответили, так еще и придется куда-то ехать с бандитами. Причем через несколько часов.

— Нормально, — ожил Черников, — это хорошо. А куда ехать?

— Не знаю, не сказали, — Рита сжала телефон в руках. — Может, отказаться?

Черников подошел к ней, обнял, прижал к себе. И мир пропал, и время остановилось, все страхи и злость разом пропали. Вот так и стояла бы хоть час, хоть два, да хоть всю оставшуюся жизнь, вот честное слово, ничего другого не надо.

— Спокойно, — на ухо ей сказал Черников, — не бойся. Я с тобой поеду, в смысле буду рядом. Иди домой, я тебе позвоню в пять. Помни, ты ни при чем, ничего не знаешь, хочешь делать свой бизнес и готова платить, сколько скажут, поэтому и позвонила. Отвезти тебя?

— За мной приедут.

Объятия разжались, Черников отступил, пошел в банк и несколько раз оглянулся на ходу, Рита осталась одна. Посмотрела на окна банка, на стены старого дома, где на крыше химера кайфовала среди кленовых веток, и пошла к переходу. По дороге опомнилась, позвонила Ирке.

— Я завтра приду, — сказала, прислушиваясь к ору в трубке. Анька верещала как резаная, кляла бабку последними словами, еще немного — и пойдут маюки, до них осталось всего ничего.

— Дура старая, у тебя вечно все болит, а там дети одни!

— Конечно, Ритуля, отдыхай, — громко и отчетливо сказала Ирка, — мы прекрасно справимся. Не переживай, о работе не думай. Завтра тоже можешь не выходить... Анька, заткнись, я ничего не слышу! А премия будет? — еле слышно добавила она.

— Будет, — пообещала Рита, еще послушала Анькин визг и отбилась. Благополучно добралась до своего подъезда, остановилась перед ступеньками и позвонила Глебу.

— Какие люди, — фыркнул тот вместо приветствия, — я уж решил, что наш бизнес закончен.

— Не, я болела, — соврала Рита, — ты как?

— Могло быть хуже, — помедлив, отозвался Глеб, — а вообще предупре-

ждать надо.

— В смысле? — Рита неважно соображала. Вспомнилось вдруг гончаровское: «оденься как полагается, как на свидание». Как на свидание, значит.

— В том смысле, что дружка своего бешеного притащишь, — огрызнулся Глеб. — На фига сразу в морду, мне ею еще торговать и торговать.

— Не только мордой, — поправила его Рита.

— Ты святое-то не трогай, — сквозь зубы проговорил Глеб. — Ты, кстати, с этого тоже свой процент имеешь. Нехилый такой процент.

— Без меня ты бы вообще ничего не имел, — оборвала его Рита. — Продолжаем работать, скажи девкам, что можем начать в любой момент. Я перезвоню.

Она постояла еще на дорожке, поднялась на крыльцо и подумала, что если бы курила, то полпачки сейчас бы улетело, если не вся. «И будем с Черниковым как два паровоза». Она представила себе эту картинку, усмехнулась и пошла готовиться к свиданию.

И через полчаса примерно стало понятно, что надеть нечего. Весь гардероб делился строго пополам: или офисная одежда по дресс-коду, или удобные вещи свободного стиля. Рита еще раз оглядела разбросанную по комнате одежду, посмотрела на себя в зеркало и села в кресло. Темное платье в мелкий цветочек отлично подходит для похода в кафе, например, гулять по городу в нем тоже будет удобно, но для танцев на столе оно не годится, как и все остальные ее вещи. А времени оставалось всего ничего, меньше трех часов, и надо было срочно что-то решать. Рита еще раз осмотрела свой гардероб, убедилась, что к приватным танцам она не готова, и позвонила Глебу.

— У нас есть кто-то из стриптиза? Можно даже бывшие.

Глеб с ответом не торопился, по фону было слышно, что он где-то в большом магазине или вроде этого, гул и музыка звучали так громко, точно Рита и сама была там поблизости.

— Есть одна, — неуверенно отозвался Глеб, — а тебе зачем? Что ты опять придумываешь?

— Потом скажу, — ушла от ответа Рита, — дай мне ее телефон, или пусть она сама мне позвонит. Только срочно, через час будет поздно.

— Я ей скажу, — пообещал Глеб, и фоном что-то звякнуло довольно громко. Рита насторожилась, но звук больше не повторялся. — Ее Текила зовут, она новенькая. Не пугай ее.

— Я заплачу, если перезвонит через десять минут.

Через пять пошел звонок с незнакомого номера, потом раздался тонкий и слегка недовольный голос. Такое впечатление, что эту Текилу оторвали от важных переговоров и она вынуждена тратить свое драгоценное время на всякую ерунду.

— Привет, нужна твоя консультация, — Рита сразу перешла к делу. — Ты танцевала на столе когда-нибудь?

— Сто раз, — сообщили с той стороны, — а что, есть заказ? Могу подъехать.

— Пока только консультация, — напомнила Рита. — В чем лучше это делать? В смысле как одеваться?

— Никак, — фыркнула Текила, — чем меньше, тем лучше. Хотя...

Она задумалась и выдала совершенно по-учительски:

— Начинаящим я бы посоветовала что-нибудь в обтяжку, чтобы не меша-

ло. Велосипедки, топ, лучше все блестящее. Каблуки, само собой, и в комнате должен быть красный свет, много красного света.

«Насчет красного хорошая мысль». Рита глядела то на свои разбросанные вещи, то на часы. Время летело впустую, Рита начинала психовать. Если так пойдет дальше, то придется ехать к Гончарову в джинсах и футболке. «На могилу к Гончарову», — от этой мысли стало нехорошо, Рита оборвала распинаящуюся Текилу:

— У тебя есть подходящие шмотки? Я верну и заплачу.

Девка притихла, явно ошарашенная, Рита подогнала ее:

— Наличными, сразу. Ну что?

— Есть кое-что, — протянула та, — только я не знаю... У тебя размер какой? Хотя погоди, ты была в салоне на прошлой неделе, когда Глебчик нас фотографировал?

«Глебчик, значит», — и тут Рита вспомнила тонкую рыжуху в красном платье, Глеб так и вился около нее.

— Да, — бросила Рита, — я там была, ты будешь на меня работать. Так есть шмотки или нет? Мне на один вечер.

— Есть подходящие штаны и майка, — выпалила Текила, — я тогда потолстела после операции, была не в форме. Тебе подойдут. Куда привезти?

— В салон, — скомандовала Рита, — и быстро. У тебя полчаса.

Та прилетела раньше с черным рюкзаком и принялась вываливать из него содержимое. Рита смотрела на нее со стороны и подумала, что псевдоним ей совершенно не подходит. Ну какая она Текила с ярко-рыжей гривой? И до чего на Женьку похожа, ну просто один в один: тоже тонкая, быстрая, только искры и породы, как в Женьке, нет. Ухоженная, с хорошей фигурой, но простецкая девка, ее отмыть от косметики — и не отличишь от тысячи обычных.

— Вот, — Текила трясла черными блестящими брючками, — в самый раз для начинающих. Они тонкие и хорошо тянутся, и вот еще.

Она показала Рите ярко-красный топ без бретелек, весь в стразах и пайетках, да еще и с цепочками в вырезе на спине. Цепочки приятно звенели, точно гипнотизировали, и появившиеся следом черные лаковые туфли на чудовищных каблуках уже не пугали.

— А ты как думала? — мерзко хихикнула Текила, видя, как Рита растерялась. — Это тебе не халат с тапками. Надевай, только не порви. Надеюсь, ты влезешь.

Влезла, нормально влезла, узкие сияющие штаны оказались в самый раз. Каблуки оказались устойчивые, на них можно было не только красиво стоять, но и ходить, правда, не очень быстро. Цепочки неприятно холодили спину, Рита поежилась и подумала, что долго так не выдержит, и уже хотела послать куда подальше этот маскарад, заплатить Текиле и переодеться в нормальную одежду. С другой стороны, кто знает, с кем Гончаров успел поговорить по дороге к тому оврагу, какие указания дал, так что придется терпеть. «Куртка есть». Рита с надеждой смотрела на свою черную кожанку, короткую, правда, зато с длинными рукавами, что сейчас казалась ей похожей на доспехи. Выйти на улицу в одних блестящих шмотках Рита бы отказалась даже под страхом расстрела.

— Ничего, сойдет, — Текила обошла Риту, оглядела со всех сторон. — А танцевать что будешь?

— Не знаю пока, — Рита крутилась перед зеркалом. Отражение нравилось ей все больше и больше, особенно если встать вот так, вполоборота, хотя и с других ракурсов тоже ничего.

— Ну понятно, — протянула Текила, — а что вообще умеешь?

Рита коротко глянула на нее, на свое отражение, на часы. До половины шестого оставалось всего ничего, в сумке запел мобильник, но Рита не шелохнулась. Текила подняла брови и наклонила голову.

— Покажи что-нибудь простое, — сказала Рита, — без акробатики и всего такого.

— Простое, — задумалась Текила и завертела головой, — простое, простое. Короче, на стол я тебе не советую: это сложно без подготовки, пока лучше не надо. Иди сюда. Сядь.

Рита села на стул с высокой спинкой, Текила скинула толстовку и осталась в джинсах и тонкой майке. Снова поозиралась, поморщилась.

— Музыка не хватает, нужно что-то такое... Короче, не медляк, поживее. И красный, больше красного света, это тебя спасет. Короче, ты типа мужик, ты заказал танец. Ноги раздвинь. Вот так нормально.

Текила приподнялась на носки, изящно прошлась вокруг стула, касаясь Риту кончиками пальцев. Потом встала к ней спиной, качнула задницей, обернулась.

— Смотри на него как можно чаще, — она подмигнула Рите, — это важно. Но трогать себя не разрешай, сразу по рукам бей. И потом вот так.

Она выгнула спину, положила руки Рите на колени и принялась крутить бедрами, потом начала двигаться вперед-назад, все убыстряя темп. И оглядываться тоже не забывала, улыбалась то через правое, то через левое плечо. Потом вскочила резко, крутанулась на месте, наклонилась и оказалась с Ритой лицом к лицу. Та отпрянула, Текила зверски усмехнулась и уселась ей на колени, закинула одну ногу на спинку стула, согнула в колене.

— Это чтобы не упасть, — бросила она и прогнулась так, точно позвоночника у нее в принципе не существовало.

— Я просила без акробатики, — Рита боялась шелохнуться. Текила легко скинула ногу со спинки стула и вернулась в нормальное положение.

— Прости. Тогда закончить можно вот так.

Она оказалась перед Ритой, снова помахала бедрами, развернулась, наклонилась, скользнула руками Рите по лодыжкам и развела ей ноги еще сильнее. Потом снова покрутила задницей и хлопнула себя по ягодицам.

— И сразу сваливай, вот так. — Текила разогнулась резко, крутанулась и мигом оказалась в паре метров от Риты. — Поняла?

— Да, — пришла в себя та. — Все очень просто и доступно.

А в голове черти колесом ходили: представила, что ей придется проделать это для кого-то, с кем поедет сегодня на встречу, даже неизвестно с кем. Не с Гончаровым, это точно, а с кем тогда?

Она отдала Текиле деньги, та, не пересчитывая, рассовала их по карманам узких джинсов.

— Почему Текила? — не выдержала Рита. Эта мысль все еще не давала ей покоя. Девка натянула толстовку и поправляла волосы.

— Ник из прошлого, когда я в одном клубе танцевала. Там наша мамка, хозяйка в смысле, придумала, что мы все будто разные вкусняшки: Вискарик бы-

ла, Шампань, Ликер. Я пришла последней, взяла, что осталось, и стала Текилой. Потом нас менты закрыли, мамка наша наркоту клиентам толкала. Давай повторим, — предложила она и показала на стул.

Рита помотала головой.

— Ладно, сама тут потренируйся, — Текила забрала пустой рюкзак, — шмотки потом отдашь. Учти, красное вино не отстирывается, а я эти штаны в Милане на распродаже купила. Они дорогие. И мэйк сделай обязательно.

«А я не была в Милане», — подумалось вдруг. Правда, вот как-то не довелось до сих пор. Францию всю проехала, Испанию, а Италию лишь краем задела, Лигурийское побережье, которое плавно переходит в Лазурный берег. «А вот Ирка была», — накатило вдруг некстати, хорошо, что Текила оказалась не только красивой и гибкой, но и понятливой, и быстро свалила. Рита осталась одна, походила перед зеркалом, посидела на стуле, попробовала двигаться, как Текила. Получалось так себе, но стриптизерша что-то говорила про красный свет, его должно быть много, и он спасет от провала. Снова зазвонил мобильник, это оказался Черников.

— Готова? — по фону было слышно, что он в дороге, доносился шум машин, гудки и негромкая музыка.

— Нет, — сказала Рита.

— Я сейчас приеду, — отозвался Черников.

— Я не дома.

В трубке стало тихо, Рита села на стул, встала, поглядела на себя в зеркало, отвернулась и назвала Черникову адрес. «Сдаваться так сдаваться, чего уж там». Она положила телефон в сумку, вышла в прихожую и стала смотреть в окно. Черников примчался через пятнадцать минут, вошел в салон, увидел Риту и так и замер. Постоял немного, подошел, Рита аккуратно попятилась, каблуки застучали по полу. Из-за них она с Черниковым оказалась почти одного роста, тот оглядел ее с головы до ног, потом обратно, отступил на шаг.

— Ни хрена себе, — вырвалось у него, — вот это номер. Ты что, в таком виде поедешь?

— Ну да, — Рита отошла к столу, где лежала ее сумка. Время подходит, бандиты могут позвонить в любой момент. Отметила про себя, что каблуки ей почти не мешают и что на них даже удобно ходить. — Мне придется на столе танцевать. Не в джинсах же.

Вспомнила, что начинающим о столе лучше забыть, но промолчала. Черников набычился и мрачно смотрел на нее.

— А ты можешь? — неожиданно зло бросил он. — Это твой педик из Амстердама тебя научил задницей вертеть?

— Не хаами... — Мобильник ожил, Рита схватила его и отбежала к окну. Каблуки гремели точно подковы, Черников сжал кулаки и не сводил с Риты глаз. Потом отвернулся и прошелся по салону.

— Здесь, значит, ты бордель устроила. А чего одна, где сотрудники, клиенты?

— Это не бордель! — Черников махнул на нее, посмотрелся в зеркало, Рита отвернулась и ответила на звонок.

— Готова? — бросили из трубки. — Где тебя забирать?

Рита назвала адрес, немного послушала короткие гудки и зажмурилась. Все, дело сделано, откатить не получится, придется ехать. «Надеюсь, меня не

убьют и до танцев на столе тоже не дойдет», — терзали ее два страха сразу, желудок сжался, перед глазами потемнело на мгновение.

— Я рядом буду, — бросил Черников и быстро ушел, Рита дрожащими руками накрасила губы. О макияже она начисто забыла, хотя это было частью договора, накинула куртку и вышла на нетерпеливый автомобильный гудок. У входа стояла серая «Шкода», неприятный тип за рулем показался ей смутно знакомым. Секунда, две — и она опознала «бычка» с недовольной физиономией, одного из двух типов, коим Глеб разбил рожи в ответ на требование заплатить. Рита остановилась на крыльце в раздумьях, запахнула куртку, точно кольчугу, Черникова не было видно.

— Чего встала? — «бычок» исподлобья пялился на нее. — Садись, поехали. Тебя ко времени ждут.

— А куда поедем? — Рита старалась говорить громко, почти кричала, и с места пока не двигалась.

— В офис, — буркнул «бычок», — тут недалеко.

От сердца малость отлегло: раз недалеко, то в городе, уже неплохо.

— А к кому? — крикнула она с крыльца в надежде, что Черников рядом и все слышит. «Бычок» выдохнул через губу и потер переносицу. И покосился на Риту, так и жрал ее взглядом, не забывая держать зверское выражение на мутной физиономии.

— Короче. — «Шкода» чуть сдала назад. — Как хочешь. Достала ты меня.

Рита аккуратно спустилась по ступенькам: былая легкость пропала, ноги заплетались, каблук сделался тяжелыми, точно гири. Рита доковыляла до машины и плюхнулась на заднее сиденье в прокуренный салон. «Шкода» дернулась с места, выехала на проспект. Очень хотелось обернуться, но Рита принялась копаться в сумке, искоса поглядывая в зеркала заднего обзора. «Ровер» не показывался, их обгоняли другие машины, позади пристроилась «Газель» с синим тентом и наглухо закрыла обзор.

— Успокойся, — негромко бросил «бычок», — и не надо истерик, там этого не любят.

Где именно это «там», он не уточнил, Рита спрашивать не стала. Демонстративно прижала к носу бумажный платок, откинулась на спинку сиденья и стала смотреть в окно с безразличным видом, стараясь унять дрожь в коленках. «Шкода» повернула направо, промчалась по тихой разбитой улице, прыгая на выбоинах и кочках, снова повернула, миновала перекресток, стадион и большую стройку, потом взяла левее и оказалась на узкой аллейке в одну полосу. Рядом по дорожке шли люди, на площадке поодаль играли дети, качались на качелях и дрались на новенькой горке. «Шкода» повернула еще раз и остановилась с торца полукруглого двухэтажного здания под красной крышей, где помещался городской рынок.

— Приехали.

«Бычок» вылез из машины, та тяжело качнулась, Рита выбралась следом. Нарочно забыла внутри сумку, потянулась за ней и быстро осмотрелась: ни «Ровера», ни Черникова поблизости нет. От обиды и злости на себя даже страх пропал, Рита выпрямилась, поправила волосы и пошла следом за «бычком» к главному входу. На нее пялились все встречные, и тетки, и мужики. Вторые откровенно тарацились, кто-то ухмылялся, оплывшие мутноглазые бабы глядели зло и только что не плевались в ее сторону. Прошли мимо рядов с разно-

цветными ароматными специями, потом мимо витрин с роскошным домашним творогом и сыром, мимо подвешенных к потолку окороков, или как они там правильно называются, части коровьих и свиных туш. Навстречу попала пара серьезных мужиков в черных костюмах и с рациями в руках, «бычок» кивнул им, охранники малость поглазели на Риту и двинули дальше. «Бычок» уверенно протопал вдоль прилавков с овощами и развалами фруктов, еле заметно кивнул толстой продавщице с золотыми зубами. Нестарая еще кудрявая тетка с ненавистью посмотрела на Риту и неохотно повернулась к покупателю. Дальше пошли ряды с пирожными, тортами и булочками, от них пахло так, что кружилась голова. «Бычок» тут не задержался, топал к эскалатору и обернулся. Рита пропустила несколько ступенек и поехала следом, невысоко, на второй этаж, к магазинам с разным барахлом.

Косметика, обувь, книги и канцелярка, снова косметика, одежда фасона «чехол для танка», игрушки — Рита смотрела в основном на свое отражение в стеклянных стенах. Неплохо, очень неплохо, чего уж там. Она расстегнула куртку, перекинула сумку на другую руку и едва не сбила «бычка» с ног. Тот внезапно затормозил, взял правее, и они оказались в магазине под названием «Рио». Торговали тут шубами и дубленками, тяжелыми и с золотыми пуговицами где надо и не надо, на рукавах например. мех на шубах был пыльный и жесткий, точно шкуры не норки, а мамонта висели тут годами. Две тетки выскочили, будто моль из этих завалов, только очень большая моль, что никогда в жизни уже не взлетит. Обе под центнер весом, одна помоложе, с опухшим лицом, нарисованными бровями и глазами, вторая тоже мягая, да еще и с начесом на голове. Они пялились на Риту, хихикали, перешептывались, Рита скинула куртку и прошла мимо них. Справа имелось высокое зеркало, отражение в нем радовало глаз. Вырез топа, правда, чуть великоват, ну да ладно. Не Мелисса с ее богатством, но и так неплохо, очень даже.

— Сюда иди, — буркнул «бычок» откуда-то сбоку. Там среди мехового забора имелся проход к незаметной дверке с надписью «Служебное помещение».

— Хозяина Кирила Петрович зовут, — сквозь зубы проговорил «бычок», постучал в дверь, потом вжал голову в плечи и сунулся внутрь. Послышались невнятные голоса.

— Привет, красавицы. — Рита отступила немного назад, к зеркалу. В салон вошел Черников и улыбался так, как она ни разу не видела. Реклама дорогих сигарет или виски просто меркнет, вот честное слово, Рита еле сдержалась, чтобы не обернуться, смотрела на отражение.

— Хочу шубу своей невесте купить, — Черников, казалось, был готов расцеловать обалдевших теток, — какую посоветуете?

— Норковую, конечно, — пришла в себя баба с нарисованными бровями и поволокла с вешалки мехового монстра с золотыми пуговицами. Вторая тетка засуетилась рядом и схватила нечто из белой шкуры, даже издалека похожей на кроличью. Черников задумчиво потрогал ее, что-то спросил.

— Заходи, — раздалось сбоку. «Служебная» дверь оказалась приоткрыта, «бычок» придерживал ее, изнутри пахло рыбой. Рита перешагнула порог, дверь закрылась за спиной, стало довольно темно. Небольшое окно справа закрывала частая решетка, за ней шевелила ветками береза, на подоконнике шуршали желтые листья. В полумраке Рита разглядела картины на стенах, рамы отливали желтизной, сами изображения со стороны казались мутными

и расплывчатыми — то ли букет там торчит, то ли дерево, то ли черт его разберет. Вдоль стен громоздятся полированные шкафы ростом чуть ли не до потолка, за мутными позолоченными стеклами что-то неприятно мерцает: то ли хрустальная посуда, то ли зеркала, то ли все сразу. На окнах золотые карнизы с золотыми же шторами, от двери к стене тянулся здоровенный полированный стол, он блестел, точно на него масло пролили и размазали по всей необъятной поверхности. В рядок стояли стулья с резными позолоченными спинками, огромная люстра с висюльками отражалась в столешнице, золотые полосы на обоях зловеще мерцали со всех сторон.

— Это с тобой Василий говорил?

Рита перестала разглядывать люстру, с трудом оторвала взгляд от массы хрусталя, айсбергом зависшей над столом. В кабинете, больше похожем на склеп, стало чуть светлее, и во главе стола она заметила хозяина «офиса». Рыхлый, с недовольным мятым лицом, редкими зализанными назад волосенками и неприятным взглядом, он напоминал покрытую вмятинами прошлогоднюю картофелину в полосатом костюме с запонками на слишком длинных рукавах. Рита потянула на себя стул, тот оказался неожиданно тяжелым, пришлось тащить его из-под стола двумя руками. Пыльное на вид бархатное сиденье оказалось неожиданно жестким, Рита уселась поудобнее, положила ногу на ногу, а сумку поставила на стол перед собой. Кирила Петрович неприятно хрустел волосатыми пальцами, то и дело подбирал нижнюю подозрительно мокрую губу и тошнотворно причмокивал при этом. И не сводил с Риты взгляд, ловил каждое ее движение, каждый жест. Она скинула кожанку, бросила ее на стол рядом с сумкой, откинула волосы и вжалась спиной в жесткие золоченые доски. Бандит хрустнул всеми десятью пальцами, губа его поехала к подбородку. «Это для него танец на коленях исполнять? О господи, только не это».

— Мы с ним встречались в «Контрразведке».

Кирила Петрович перестал хрустеть, подобрал губу и набычился.

— Он тебя позвал? О чем говорили? — выдал он и с новой силой вперился в Риту взглядом. Ей вдруг стало смешно, она положила руку на спинку соседнего стула и принялась разглядывать свой маникюр.

— Да, он предложил встретиться, говорили о моем бизнесе, о развитии, назначили еще одну встречу, приватную. Гончаров хотел для себя приватный танец... А вы вообще кто такой?

— Васин зам, — бросил Кирила Петрович и принялся постукивать пальцами по столу и смотрел на Риту откровенно оценивающе. Она выпрямилась на стуле и посмотрела бандиту в глаза.

— А он сам где? Мы с ним договаривались о встрече, про зама я ничего не знаю.

— Да какая тебе разница, — слюняво ухмыльнулся Кирила Петрович, — я от него говорю.

— До свидания.

Рита встала, каблук стукнули, точно кости, бандит напрягся, Рита схватила сумку и потянулась за курткой.

— Да проваливай, — ухмыльнулся Кирила Петрович, — деньги отдавай и проваливай.

Рита плюхнулась на стул и уставилась на бандита, захлопала глазами. Ки-

рила Петрович взялся за мобильник и легонько постукивал им по ладони.

— Какие деньги? — еле смогла проговорить Рита. — Какие деньги? За что?

— За разрешение на работу, детка, — Кирила Петрович слюняво улыбнулся и сжал телефон в волосатых лапах.

— Я отдала половину, — пробормотала Рита. Стало вдруг не по себе, показалось, что этот мятый, пропахший рыбой старый торгаш видит ее насквозь, и вообще он был там в овраге и все преотлично видел. А теперь забавляется, видя ее испуг. — Я отдала Гончарову...

— Ничего не знаю, — прочмокал Кирила Петрович, поднялся и неспешно двинул к Рите. Она тоже вскочила, бандит запнулся на ходу. Ростом он едва доходил Рите до плеча, вытянулся зачем-то, только что на носки не привстал, прищурился, но остановился, слава тебе.

— Я от тебя денег не видел! — глухо бросил он.

— Спросите Гончарова! — Рита отшвырнула сумку на стол и ткнула пальцем в сторону двери, будто покойник стоял за ней с той стороны и мог все подтвердить. — Спросите его, я в «Контрразведке» отдала ему все деньги, как договаривались! Я не собираюсь переплачивать, у меня нет больше денег, мне работать надо!

Она орала во все горло, сдерживаться даже не пыталась. Расчет, во-первых, был на то, что этот мятый Кирила Петрович ошалевает и отойдет еще дальше, в идеале сядет на свой позолоченный трон и надежно приклеится к нему мятыми штанами. А во-вторых, надеялась, что там, с той стороны, среди потрепанных молью и временем норок, ее услышат и все закончится хорошо. Кирила Петрович сунул волосатые кулаки в карманы пиджака и исподлобья пялился на Риту, но хоть на месте стоял, что немного успокаивало.

— Это у тебя бордель? — буркнул он и вытащил себе стул, развалился на нем, расстегнул пиджак. Рита присела на край стола и достала из сумки зеркало и принялась рассматривать себя. Лицо слишком уж покраснелось, но это, скорее, от духоты, чем от волнения, хотя нервы ей эта мятая сволочь будь здоров как потрепала. Да что он ей сделает, в конце концов? Ничего, он и не знает ничего, что произошло тогда ночью на дороге, не было его там, он ничего не видел, а о регистраторе Черников позаботился. И если бы знал, она бы тут сейчас красоту не наводила.

— Это не бордель, — Рита достала помаду, — это салон красоты с интимом. В вашем возрасте, голубчик, пора бы понимать разницу.

— Бордель, бордель, дурной бизнес у тебя.

Затренькал мобильный, Кирила Петрович, не отрывая от Риты взгляд, потянулся за телефоном, сграбастал его, ткнул пальцем в экран. Рита любовалась своим отражением в стеклянной створке полированного чудовища. Не по подиуму ходить или на шесте крутиться, но все же очень даже ничего. И принялась красить губы, делая вид, что не замечает липкого бандитского взгляда.

— Так, так. Ну ты и дятел, я тебе что сказал? Вот мать твою, дебил. Короче, договора мне все тащи, я сам проверю. Вот скотина тупая.

Он отложил телефон, насупился и недобро пялился на Риту. Та докрасила губы и крутила помаду в пальцах.

— Договоры, — Рита улыбнулась во весь рот, — правильно говорить — договоры. Ну что вы как деревенщина, ей-богу.

Кирила Петрович выпятил нижнюю губу и оперся обеими руками на подлокотники.

— С каких пор шлюха указывает мне, как правильно говорить?

— А где тут шлюха? — удивилась Рита.

— Зеркало дать? — предложил бандит.

— На себя хочешь посмотреть? Держи. — Рита протянула ему зеркальце с золотыми королевскими лилиями на лазурного цвета крышке.

Непостижимым образом Кирила Петрович оказался напротив, точно взлетел со своего стула. Так они оказались одного роста, Рита разглядела, что этот зам — нестарый еще мужик, что взгляд у него острый, а вся вальяжность куда-то разом подевалась. Он оперся ладонями на стол, и Рита оказалась в ловушке, так и сидела с помадой и зеркальцем в руках, боялась шелохнуться. Бандит принялся, по-собачьи втянул в себя воздух и сжал Рите коленку.

— А ты сама не работаешь? — он наклонился к ней. — Я бы заплатил. Станцуй мне, и я спишу с тебя часть долга. Прямо тут можешь или на столе. Я в кино видел. И платить не придется.

Рита улыбнулась, поправила волосы, подалась вперед. Декольте стало еще глубже, Кирила Петрович развесил губы и вперился взглядом в вырез топа.

— Я с Гончаровым договаривалась, — прошептала ему на ухо Рита, — а ты что за хрен с горы? Какой зам, чей? Ты никто, и звать тебя никак. Отвали.

И несильно врезала ему коленкой промеж ног, приготовилась орать во весь голос. Но не понадобилось, Кирила Петрович резво отскочил, вlepился задницей в стену так, что картины закачались, а стекла в шкафах нежно зазвенели. Рита спрыгнула со стола, схватила свои вещи и кинулась к двери.

— Шлюха ты дешевая, — донеслось ей вслед. Рита, не оборачиваясь, показала бандиту жест, издавна оскорбляющий человеческое достоинство, хотела повторить с двух рук, но мешала сумка.

— Катись пока. Из города не уезжай.

Рита обернулась от двери. Кирила Петрович развалился на своем позолоченном троне и мерзко шевелил мокрыми губищами.

— В смысле? — Рита накинула куртку. — Ты кто такой, чтобы мне что-то запрещать?

— Пошла вон, — лениво отозвался бандит, — сиди в городе, можешь понадобиться. Да проваливай, или я охрану вызову, выкинут тебя. Катись, я сказал!

Он хлопнул ладонью по столу, Рита закинула сумку за плечо и, как хотела, с двух рук, показала Кириле Петровичу свое отношение к нему лично и к ситуации, в которой все они оказались. Постояла так немного, насладились изумлением оппонента и выскочила за дверь. В глаза ударил свет — тут было солнце, много предвечернего солнца, оно било в глаза, лучи освещали каждую шерстинку меховых монстров, каждую пылинку на шкалах. В центре зала перед огромным зеркалом крутилась тетка с нарисованными бровями, поворачивалась так и этак, демонстрируя покупателю роскошь давно убитого кролика, или хорька, или черт его знает, какой еще зверюшки. Черников шикарно улыбался, нежно держал тетку за плечи и поворачивал ее так и этак. Вторая топталась рядом, нагруженная шубами, и зло смотрела на товарку. Рита пролетела мимо них и выскочила в коридор, ринулась прочь. Как не упала на каблуках, как вообще устояла — загадка, пришла в себя только на улице, на

липовой аллее, что вела к проспекту. Народу тут было полно, люди шли с рынка и на рынок, на Риту пялились и мужики и тетки — кто зло и завистливо, кто с интересом. Она отошла в сторонку, отвернулась и вызвала себе такси. Руки дрожали, коленки тряслись, в голове черти колесом ходили. Не уезжать из города — вот это номер, и что теперь? Что делать, чего ждать — когда все закончится, как Черников говорит? Где он, кстати?

Зато такси подъехало быстро, Рита плюхнулась на заднее сиденье и тут же заметила липкий взгляд таксиста в зеркале на лобовом стекле. Запахнула куртку поплотнее, подняла воротник и оглянулась. Ничего подозрительного пока не усматривалось, никто не побежал за такси, машины так и стояли на парковке, по дорожкам спокойно шли люди. Такси выехало на проспект, повернуло направо и уткнулось в пробку: машины стояли почти вплотную, двигатели гудели, выхлопы просачивались в салон через неплотно закрытые окна. А впереди и чуть в стороне над дорогой поднимался плотный столб дыма, черный у основания и серый уже высоко над крышами домов и деревьями.

Водитель высунулся из окна, покрутил головой и выскочил из машины. Пробежался немного вперед, переговорил быстро с мужиком, что задумчиво курил у открытой дверцы маршрутки, и побежал обратно.

— Гостиница горит, — сообщил он, ерзая на месте, — в смысле старая, монастырская. Там еще офисы были. Мы с женой туда к нотариусу ходили, когда разводились.

Рита знала это место. Огромное желто-зеленое здание тянулось вдоль дороги чуть ли не на полкилометра, еще в отличном состоянии, несмотря на свой почтенный возраст. Внутри было полно офисов мелких и не очень контор, магазинчиков, в коридорах всегда полно народу, на первом этаже помещался ресторан. А от главного входа вверх вела роскошная лестница с решетчатыми коваными ступенями и ажурными перилами, вот просто кружевными, честное слово, и взгляд радовался этой красоте. И вот гостиница горит, а вместе с ней сгинули в огне и чудесная лестница, и перила.

— Под застройку город расчищают, сволочи. — Таксист удачно вклинился в поток слева, что тронулся вдруг с места и пополз по проспекту. Скорость росла, столб дыма оставался слева и позади, на перекрытой полосе стояли две пожарные машины, две «Скорые» и несколько полицейских «уазиков». Спокойный, как Будда, регулировщик разводил потоки машин, таксист свернул на прилегающую улицу, потом свернул еще раз — дорога резко пошла вниз.

— Тут объедем, по Нижневке, — он снова посмотрел на Риту. Та только собралась ответить, что ей без разницы, как объехать, лишь бы оказаться подалее от рынка. Дорога резко пошла вниз, справа промелькнуло старое здание из красного кирпича, потом пошли еще дома за высокими глухими заборами, потом дорога сделала резкий поворот и ринулась с горки. Рита откинулась на спинку сиденья и боролась с желанием заткнуть уши — из динамиков летел шансон, а она его на дух не переносила. «Сидят на зонах пацаны», — водитель тряс башкой и подпевал в такт, Рита хотела спросить его, где он сам сидел, сколько, по какой статье и каким образом после этого оказался в такси, но сил не было ни спорить, ни ругаться. «Скоро приедем, тут недалеко». Она прижала ладони к глазам и со всей силы врезалась лбом в спинку переднего сиденья.

— Сука, мать твою! — Водила выкручивал руль, жал на сигнал и матерился

так, что последние сомнения отпали — мерзкая песенка явно повествовала о его недавнем прошлом.

Машину занесло, заскрипел под колесами песок на обочине, полетели во все стороны мелкие камешки. Такси чудом не влетело боком в старую липу у дороги и остановилось, Рита выглянула из-за спинки: лоб и руки несильно ныли от ушиба, на тыльной стороне ладони осталось большое красное пятно, но более ничего страшного не произошло. А впереди, перегораживая такси дорогу, стоял «Ровер» с горящими габаритками, правый поворотник мигал, передняя дверца распахнулась.

— Уроды, дебилы, — бесновался водила, — понакупят права, кретины. Думают, раз денег до хера, то на ПДД болт забить можно...

Такси дернулось с места, Рита вцепилась в спинку сиденья. Черников выскочил из «Ровера» на середину дороги.

— Остановите. — Рита на ходу открыла дверь. Водила резко затормозил, Рита выбралась на дорогу и едва удержалась на ногах. Каблуки вязли в песке, идти было неудобно.

— Кругом придурки, — донеслось ей вслед, Черников пристально глядел на водителя, тот плюнул через окно и принялся разворачиваться. Ноги не слушались, Рита спотыкалась на каждом шагу, Черников быстро подошел к ней.

— Я тебе звоню, звоню, — он остановился напротив, — а в ответ тишина. Пришлось догонять вас, чуть не отстал в пробке, там дом горит и все перекрыто. А где твой телефон?

— Не знаю, — Рита открыла сумку, заглянула внутрь, но не было сил добраться до дна и хорошенько пошарить в недрах. — Не знаю. Потеряла, наверное.

Черников обнял ее, и очень вовремя, еще секунда, и свалилась бы она прямо на песок и гравий с этих чертовых каблуков. Да не в каблуках дело, просто только сейчас, вот сию секунду, она осознала всей шкурой, что недавно произошло чудо, что она ноги унесла, живой и невредимой вышла от этого мятого Кирилы Петровича. Зам Гончарова, и если это так, то теперь он первый человек в городе, в смысле первый среди бандитов. На крестного отца не тянет, но что-то близкое.

— Ну ладно, ладно, все закончилось, — негромко говорил Черников и сгреб ее волосы в ладонь, — не переживай ты так. Видишь, все хорошо закончилось. О чем говорили?

— Он денег от меня потребовал за разрешение работать и из города уезжать запретил, — пробормотала Рита ему в плечо. Черников отстранился, внимательно поглядел на нее, чуть нахмурился.

— В смысле?

— В прямом. — Горло перехватило, но хоть ноги уже не дрожали и каблуки не подкашивались. Черников смотрел куда-то поверх ее головы, потом выругался негромко и посмотрел Рите в глаза.

— Ничего не бойся, — с расстановкой, точно говорил с ребенком, сказал он. — Они ничего тебе не сделают, времена сейчас не те. А этот, что с тобой говорил, он такой толстый, нескладный и рожа мятая?

— На картошку похож. — Рита смотрела себе под ноги. Туфли были все в царапинах от гальки, в пыли — Текила будет очень недовольна.

— Точно, — фыркнул Черников, — это Бондарь, они с Гончаровым со шко-

лы еще дружили, ну и потом еще у них дела были. Совместный бизнес, так сказать.

Подбежала здоровенная белая дворняга и принялась гавкать на них, с горки спускалась толстая тетка в тапках и слишком тесных для нее трениках. Она лопала на ходу чипсы и пялилась то на Риту, то на Черникова.

— Поехали отсюда.

Рита уселась назад, Черников развернул машину и легко влетел в довольно крутую горку. Дворняга недолго бежала за ними и норовила кинуться под колеса, Черников нажал на сигнал, и псина отстала. Выехали на боковую от проспекта улицу, повернули направо и снова застряли в пробке, правда, не очень большой. Рита нашла наконец телефон — как и положено, нужная вещь оказалась на самом дне, да еще и на беззвучке. Три пропущенных от Черникова и еще два с незнакомого номера, эти последние с разницей меньше минуты. Кто-то настойчиво рвался побеседовать с ней сразу после того, как она сбежала с рынка. Мятый Бондарь, само собой, вернее, кто-то из его подручных.

— Живи и работай, как будто ничего не случилось, — Черников смотрел на Риту в зеркало на лобовом стекле. — Тебе нечего бояться, ты не при делах. Если бы у Бондаря были какие-то подозрения, хоть малейшие, ты бы от него так просто не вышла. Ты интересна ему лишь тем, что последней говорила с Гончаровым.

— Они меня убьют. — Горло снова перехватило, Рита закуталась в куртку, и тут же стало жарко, но снимать «броню» она не спешила. Пробка вдруг как-то резко рассосалась, машины рванули вперед, Черников вырулил в левый ряд и на ходу обернулся.

— За что, ну ты сама подумай? Плати ему, и ничего не будет. Бондаря только деньги интересуют, живая ты ему гораздо выгоднее, чем мертвая...

— А где я деньги возьму? — перебила Рита.

— Говорю же — работать иди.

Телефон вдруг ожил, Рита вздрогнула, и первым ее порывом было выкинуть телефон куда подальше — определился тот же незнакомый номер. Черников снова обернулся, Рита прикусила губу, глянула на него, на светившийся зеленым и голубым экран и решила.

— Маргарита, приветствую, — раздалось с той стороны, и Рита моментально узнала Пофигиста. Тот говорил быстро и как-то придушенно, точно кто-то держал его за горло. — Мне необходима ваша помощь, голубушка. Нужно помещение, где можно спокойно обсудить кое-какие дела, а потом я бы пообщался с Олесей. Вы можете это устроить? Плачу наличными, готов половину вперед.

«Я закрыла бизнес и больше не работаю», — так и крутилось на языке, но Рита промолчала. Она ткнулась лбом в спинку сиденья, закрыла телефон ладонью и глубоко вдохнула.

— Ну вот, здрасте. — Черников закрутился на месте, успевая и за дорогой следить, и смотреть на Риту. В салоне еле заметно пахло бензином, «химией» из автомойки и сногшибательной туалетной водой. От нее кружилась голова и путались мысли.

— Ритка, ну не плачь, не тронет он тебя, — Черников не на шутку разволновался, — ну прости, прости, что я тебя заставил ему звонить. Но ты же понимаешь, что разговора все равно было не избежать и бабки бы пришлось этому

упырю платить. Ну не плачь, ну пожалуйста.

— Маргарита? — донеслось из трубки. — Вы меня слышите?

— Я перезвоню.

Рита выпрямилась и улыбнулась Черникову, поправила волосы. «Ровер» остановился напротив ее подъезда, Рита открыла дверь, но выходить не торопилась, сжимая в руке телефон. Черников подал ей руку, Рита выбралась наружу и осмотрелась, точно впервые видела этот двор с вереницей фонариков вдоль чистых дорожек и березы, уже основательно пожелтевшие к осени, и высокое холодное вечернее небо. Черников взял ее за плечи, повернул к себе.

— Звони в любое время, — тихо сказал он, — в любое, поняла? Слышишь меня?

Он легонько встряхнул ее, Рита кивнула.

— Обязательно позвоню.

Черников отпустил ее, отошел к машине. Рита пошла вверх по лестнице, остановилась на третьем этаже. Посмотрела, как Черников разворачивает свою махину и выезжает в ворота, глянула на телефон. «Работать иди», — прозвучало так явственно, будто их ей на ухо вот только что сказали. «Работай и живи как обычно, пока все не уляжется. Так будет безопаснее». Рита нашла последний звонок, нажала вызов. Пофигист ответил моментально, будто ждал.

— Мне нужно время, чтоб все подготовить, — сказала Рита. — Часа через полтора вас устроит?

— Очень хорошо, — взволнованно проговорил тот, — в самый раз. Пусть приедет Олеся и еще две девушки на ваш выбор. У вас хороший вкус, я вам всецело доверяю и жду вашего звонка, Марго, очень жду. Не прощаюсь.

Рита повесила сумку на сгиб локтя и пошла обратно вниз, набрала номер Глеба. Тот не ответил, и через пять минут, и через десять, и еще через пять. Рита уже переходила дорогу к салону, набрала еще раз и нарвалась на автоответчик. «Отлично», — она сжала телефон в руке и сбавила шаг, прикидывая, как будет выкручиваться. Номер Олеси у нее был, утром звонила Текила, можно попробовать и вызвать и ее, но нужна третья. « Попрошу девок, пусть найдут кого-нибудь попримичнее». Рита пошла быстрее, и тут ожил телефон. Глеб, недовольный и будто запыхавшийся, довольно невежливо поинтересовался, какого черта Рите от него надо.

— Есть работа, — она искала в сумке ключи, — найди Олесю и еще двоих на твой выбор. Это срочно.

— Заранее предупреждать надо, — проворчал Глеб. Фоном явственно слышался женский смех и мотивчик, что уже третий месяц звучал из каждого утюга.

— Глебчик, — Рита открыла дверь и первым делом включила свет, — мы под заказ работаем, ты забыл? Специфика, так сказать. Или тебе деньги не нужны?

— Будут тебе девки, — бросил Глеб и отбился.

Рита обошла комнаты, придирчиво осмотрела все, вернулась в большой зал. Когда-то тут стояли несколько парикмахерских кресел, на стенах еще через одно висели большие зеркала, в них отражались огромные панорамные окна и огни машин с проспекта. Рита опустила жалюзи, подняла, снова закрыла окна наполовину. «Надо будет шторы повесить», — отметила она себе и по-

звонила Пофигисту.

Тот явился через полчаса и притащил с собой еще двоих: здоровенного, как медведь, очкастого дядю со шрамом над левой бровью и еще одну особь мужского пола. Мелкий злобного вида мужичонка с редкими волосенками и тяжелой нижней челюстью пялился на Риту во все глаза, и когда очкастый делал шаг вбок или вперед, полностью терялся за ним, вот реально пропадал с глаз долой. Обоих Рита видела впервые, оба пялились на нее во все глаза и нехорошо улыбались. Мелкий только что слюни не пускал, моментально оказался возле Риты, приобнял, рука ползла по ее спине все ниже и ниже.

— А чего одна только? — недовольно буркнул очкастый дядя.

— Это Марго, наша хозяйка. — Пофигист до этого держался чуть в стороне, но тут пробрался между «медведем» и поникшей пальмой (ее не поливали несколько дней, и вид у деревца был довольно печальный) и дружески чмокнул Риту в щеку. Мелкий моментально отклеился и закрутил головой по сторонам. — Это мои клиенты. Андрей, — Пофигист показал на него, — владелец автосервиса, а это Виталий, — кивок в сторону медведеобразного дяди, — у него сеть ювелирных магазинов и... так сказать, интерес в автомобильном бизнесе. Ранее он платил Гончарову, теперь Андрей готов взять на себя, если можно так выразиться, часть расходов, но надо обсудить детали.

— Здесь, что ли? — подал голос карлик. — Как-то пусто тут.

— Место тихое, никто о нем не знает, гарантирую, — проворковал Пофигист, опустил жалюзи до подоконника и бросил портфель на низкий стеклянный столик. — Тут нам никто не помешает, мы все обсудим, а потом отметим сделку. Маргарита, — он подбежал к Рите, — организуйте нам фуршет, ну или что-то в этом духе. Выпить там, закуску и хорошо бы стриптиз.

Он принялся совать Рите деньги, несколько довольно крупных купюр. Она скомкала их, зажала в кулак.

— Стриптиз? — Пофигист затряс головой и обернулся на своих спутников. Мелкий развалился на диванчике и листал мятый журнал со стрижками и макияжем бог знает какого года выпуска. Очкастый дядя слонялся вдоль стен, точно неприкаянный шкаф, и негромко бубнил что-то в телефон, да еще и прикрывал его лапой для полной конфиденциальности.

— Стриптиз не обещаю, — честно сказала Рита. — Просто девок — это пожалуйста, но насчет шоу разговора не было.

Пофигист обреченно возвел глаза к потолку и вздохнул.

— Нам нужен час или полтора, — деловито заговорил он, — потом надеюсь на ваше гостеприимство, Марго. Все будет оплачено, не волнуйтесь. Вы позволите?

Дверь закрылась у Риты перед носом, слышались приглушенные голоса и звонок мобильного, потом стало тихо. Рита бросила деньги на стойку ресепшен, села на высокий стул, потом подошла к окну, снова уселась напротив двери. В голове крутился ворох мыслей, и от чувства, что надо срочно куда-то идти и делать что-то важное, становилось тревожно. «Расставляем приоритеты», — Рита сжала кулаки, сосредоточилась. Через полтора часа эта троица потребует девок и выпивку. Девки приедут с минуты на минуту, а вот насчет выпивки еще и конь, как говорится, не валялся. С закуской та же история, кстати.

Дверь открылась нараспашку, ввалилась Олеся, со свежепокрашенной го-

ловой и вся в белом — от нее в сумерках даже светлее стало. Потом показалась Текила, гибкая и недовольная чем-то, на немислимых каблуках и в подобии юбки под черной косухой и черным же лифчиком, может быть, тоже кожным, разглядывать было некогда. Третьей с собой они привели невысокую брюнеточку с мальчишеской стрижкой, роскошными голубыми глазами и совершенно голую. Так казалось на первый взгляд, девушка была одета в бежевое облегающее платье, признаков белья под коим не наблюдалось.

— Это Пума, — Текила оглядела Риту с головы до ног, — ее Глеб рекомендовал, у Мелиссы заказов много, она сегодня занята. Как все прошло? Шмотки мои целы?

Она придирчиво оглядела Риту со всех сторон. Олеся непонимающе крутила головой, черненькая Пума осматривалась и залипла на большой баннер с красоткой в вечернем макияже.

— Круто, — услышала Рита, — ресницы супер, надо тоже попробовать.

Олеся убежала дальше по коридору, захлопали двери.

— Куда идти-то? — донеслось из глубин, Рита бросилась следом, потащила Олеся обратно.

— А где Серж? — чуть ли не орала та. — Что за шутки?

— Тихо! — прикрикнула на нее Рита. — Надо подождать немного, сначала дела, потом все остальное. Заплатят вам, заплатят, — успокоила она девок, — так получилось, надо подождать, у людей дела срочные. В магазин пока сходите.

Девки разом замолкли и уставились на нее, Рита отсчитывала деньги. Вискарь, коньяк, еще водки можно взять на всякий случай, нарезки, сок. Мало, надо еще что-то...

— В магазин? — Текилу аж перекосило. — Нам идти в магазин? Ты обалдела?

Рита досчитала деньги, быстро прикинула в уме список покупок и несильно врезала Текиле по щеке. Девка отшатнулась, загремели каблуки, Текила грохнулась бы, не окажись рядом Олеся. Пума на всякий случай отошла к двери.

— Нужны деньги — делай, что я говорю, нет — проваливай. Все можете проваливать, — негромко сказала Рита. — Скажу в магазин — пойдете в магазин. Или в зоопарк, или в баню. Или на три буквы. Быстро, у нас сорок минут всего.

На самом деле оставалось больше, но девкам знать об этом незачем.

— Может, доставку закажем? — предложила от дверей Пума. — Все привезут, идти никуда не надо.

Рита показала ей на дверь, и брюнетка первой оказалась на улице.

Ближайший магазин на своем веку видел всякое — Рита не раз замечала у входа полицию и «Скорую», а то и все это сразу. Но сегодня был, видимо, особенный день — местная гопота, пенсионерки с тачками и озабоченные скидками домохозяйки пялились на них издалека и зачем-то отворачивались, когда Рита или кто-то из них четверых проходил мимо.

— Гуляют девки, — еле слышно проговорил охранник, что ни на шаг не отставал от Текилы, пока та выбирала выпивку, вернее, сметала в тележку все более-менее приличное по цене, ну и руководствуясь личным опытом, конечно. Олеся очень старалась доставить себя к Пофигисту такой же белоснежной,

как вышла из дома, поэтому немного поковырялась в фруктах и набрала самое дорогое из того, до чего могла дотянуться. Пуму нагрузили колбасой, она двинула к кассе. Очередь немедленно разошлась, было очень тихо. Мелкая косяглазая кассирша брезгливо морщилась, показывая кривые зубы, пробивала товар и постоянно зыркала на Риту. Та бросила на ленту несколько крупных купюр и следила, как девки распахивают покупки по пакетам. Олеся двинула на выход первой, следом ковыляла на каблуках Текила, Пума постоянно оглядывалась. Рита отступала последней.

— Сдачу возьмите, — сквозь зубы бросила косяглазая тетка, Рита сделала вид, что не слышит, и чуть ли не бегом кинулась за девками. Олеся ушла далеко вперед, Текила спотыкалась следом, Рита забрала у нее половину бутылок и прикрикнула на Пуму, чтобы та не отставала. И оглянулась на ходу — перед магазином собралась небольшая толпа, им глазели вслед — кто с завистью, кто с любопытством, а кто с проклятиями, можно не сомневаться.

Успели вовремя, все донесли, ничего не потеряли и не разбили, и ровно через два часа Пофигист открыл дверь в зал. Оттуда несло потом, почему-то бензином и табачным дымом, причем запах был такой, будто курили «Беломор» или что-то подобно-убойное.

— Фу, — сморщилась Пума, — ну и вонища. Какая гадость.

И побежала открывать окна. Мелкий Андрей заторопился следом, принялся помогать, одновременно успел облапать ее, что-то зашептал ей на ухо. Пума захихикала, приподнялась на носки, голое платье поползло вверх. Ювелир присматривался к бутылкам, что толпились на стойке ресепшен, будто в баре, и поглаживал Текилу по заднице. Пофигист уцапал бутылку шампанского и два бокала, подошел к Рите.

— Дайте нам пару часов, Марго. — Фольга и проволочная оплетка отправилась в мусорку. — И я расплачусь с вами. Два часа, не больше, все устали, но сделка состоялась, завтра сдадим документы на регистрацию. Андрей, — он показал бутылкой в сторону карлика и Пумы, что уже обжимались на крохотном диване, — теперь владелец всех автосервисов в нашем городе. Можете обращаться, он сделает вам хорошую скидку.

— Серж, ты долго еще? — раздалось из коридора. Пофигист сжал Рите руку и рванул на зов. Текила свернула пробку с бутылки виски, ювелир сгреб стаканы.

— Где тут у вас можно?... — он смотрел то вслед Пофигисту, то на Риту.

— Вот сюда, — она показала толстяку на первую дверь слева, — вам тут будет удобно.

И осталась одна, выключила половину света, прислушалась. Из зала доносились тихие голоса и смех, за первой дверью звенела посуда и хихикала Текила, но скоро все затихло. Со стороны коридора не доносилось ни звука, будто там и вовсе никого не было. Рита откинулась к холодной стенке и прикрыла глаза. «Стриптиз, — крутилось у нее в голове, — нужен стриптиз. И обязательно купить еще вискаря, шампанского, и текилы заодно. Доставка — это хороший вариант, надо подумать. И еще стриптиз...» Очень хотелось войти в зал и прикинуть все на месте, но там было занято. Рита быстро накидала на листе план салона и, не обращая внимания на недвусмысленные звуки, что неслись из-за всех дверей, принялась за перепланировку, пока на бумаге. Если тут передвинуть стенку, здесь, наоборот, поставить, а можно оставить как

есть, особенно окна, но нужны плотные шторы. Красные плотные шторы. А что за той стеной, глухой и без окон? Наверное, квартира или кладовка, надо будет посмотреть и прицениться.

Первым с довольной рожей свалил карликовый Андрей, важно кивнул Рите на прощание и был таков. Следом отчалил ювелир, поцеловал Рите руку и утопал прочь. Потом, получив свои деньги, уехали Пума с Текилой, потом нарисовался усталый Пофигист. Открыл портфель, достал две толстенькие пачки купюр и положил их на стойку перед Ритой. Она, не считая, бросила их в сумку.

— Минералка есть?

Рита выдала ему пластиковую бутылку, Пофигист свернул пробку и принялся глотать из горлышка.

— Хорошо-то как, — отдувался он, — просто жить охота. Вы прелесть, Марго, и редкая красotka, надо сказать... Так вот, — он обхватил бутылку обеими руками, точно на нее кто-то покушался, прижал к груди и навалился на стойку, — что я подумал. У вас тут очень удобно, — он мотнул головой в сторону зала и коридора, — тихо, спокойно. Сейчас много мест закрылось в связи с последними событиями... ну, вы меня поняли.

— Нет, — честно сказала Рита, — без понятия. А что случилось?

Пофигист пристально глянул на нее, сделал несколько больших глотков и икнул.

— Прошу прощения. У нас был глава города, теперь его нет.

— Куда же он делся, в отставку подал? — Рита старательно делала вид, что поддерживает разговор только из вежливости. Пофигист накатил еще минералки и блаженно прикрыл глаза.

— Кайф... Ну, если смерть в ДТП можно считать отставкой, то да. Странное дело, даже темное, скажу я вам.

— В ДТП? — удивилась Рита. — Ну надо же.

А сама изо всех сил старалась держать лицо и улыбаться по-прежнему, вот сейчас, сию минуту ей было гораздо страшнее, чем недавно в кабинете Бондаря: Пофигист точно в том овраге лично сидел и все видел. «ДТП, конечно, а ты как думала? Инфаркт, инсульт, старческий маразм? Не дергайся». Она впиалась ногтями в ладони и улыбнулась еще любезнее.

— А новый, вы говорите...

Пофигист поднял указательный палец и зачем-то обернулся в темноту, но там никого не было. И зашептал, перегнувшись через стойку:

— Новый вроде как зам старого считается, Бондарь его фамилия, они с Гончаровым еще со школы дружили, потом бизнес вместе начинали вести, потом их интересы в этом плане разошлись. Василий, Гончаров который, все рынки в городе и районе держал и еще по мелочи, а Бондарь — кладбища и похоронный бизнес. Хорошо поднялся, скажу я вам, — Пофигист снова покрутил головой по сторонам, прищурился на баннер с красоткой, точно та могла подслушивать, — особенно в девяностые, в горячую фазу, так сказать. Вы же в курсе, что в старые могилы тогда подзахоранивали криминальных покойников? А это больших денег стоит, очень больших.

Рита улыбалась уже из последних сил, и больше всего хотелось ей сейчас вылить остатки минералки на голову Пофигисту, а самой уйти и больше никогда сюда не возвращаться, забыть этот чертов городишко, уехать хоть в

Москву, хоть в Париж, хоть к черту на рога — лишь бы подальше отсюда. Подзахоронения, значит, в чужие могилы. Звучит ну очень многообещающе.

— И сейчас он от дел не отошел, — проговорил Пофигист, — все похоронные конторы и кладбища под ним. Ну и Васину часть он под себя забрал, объявил, что это вроде как наследство. Не все согласны, скажу я вам, нас ждут интересные времена.

Он посмотрел бутылку с водой на просвет, точно на бокал с вином, взболтал остатки.

— Не все согласны, да. Еще до похорон Гончарова началось реформатирование, если можно так сказать, деловых отношений и связей. Многие объекты скоро сменят владельца, надо где-то обсуждать условия сделки и отдохнуть, в конце концов. Нельзя же постоянно работать...

Из коридора слышались звуки шагов, потом полилась вода, щелкнула задвижка. Пофигист дернулся было туда, но устоял на месте. И заговорил еле слышно, почти шепотом:

— Так вот, Марго, у вас тут очень удобно, можете мне поверить. Вы нейтральное лицо, не замешаны в местных разборках, у вас в городе нет интересов, кроме этого салона. Я буду рекомендовать вас своим клиентам, и вы можете хорошо заработать, очень хорошо. Но, — он снова взялся за почти пустую уже бутылку, — нужно кое-что добавить.

Пофигист допил минералку и с мерзким треском смял пустую емкость.

— Стриптиз? — Рита забрала у него бутылку и бросила в ведро. Пофигист кивнул.

— Было бы очень неплохо, — проговорил он, — даже очень. Подумайте, Рита, это принесет вам хорошие деньги. Вы же знаете, что состояния сколачивают в смутные времена, это ваш шанс. Не упустите его. Скоро все уляжется, и вы сможете заниматься, чем ваша душа пожелает. Подумайте, голубушка, а я вам еще позвоню.

И едва скрылся за дверью, как показалась Олеся.

— Ты стриптиз можешь танцевать?

— Не, — Олеся смотрелась на себя в зеркало и поправляла волосы. — Не умею и никогда не умела. Текила вроде может, но это не точно. Я поехала, звони в любое время.

Она забрала свои деньги и свалила в черную, с мелким дождиком, ночь. Рита полила пальму, потом прошлась по большому залу. В зеркалах отражался ее силуэт, мелькали огни машин, по подоконнику стучали тяжелые капли. Рита смотрела на листок с планом, оглядывалась, отходила вбок и к двери, снова смотрела в листок. Вроде все должно получиться, места хватит и еще немного останется, завтра надо позвонить Глебу и устроить тут небольшой ремонт. Вернее, уже сегодня.

Дома она оказалась в час ночи, сняла наконец блестящие шмотки, привела себя в порядок, вывалила деньги на кухонный стол и пересчитала наличку. В банке столько она могла заработать за три месяца нервотрепки, психоза и постоянного стресса. «Вот на фига мне это?» Очень хотелось напиться и послать все к черту: и Пофигиста, и Глеба, и тупых жадных девок, и банк заодно. Вспомнила, что где-то в гардеробной должны быть сигареты, вишневые, с приятным дымком, и тут до одури захотелось курить. Она вышла в коридор, остановилась в раздумьях, вспоминая, где может быть эта пачка, как с пло-

щадки послышался странный звук. Там явно кто-то был, он ходил от двери к двери и дергал каждую, было слышно, как лязгает металл. Рита выключила свет и прислушалась — за дверью кто-то был. Ручка дернулась вверх-вниз, потом еще раз, дверь дернули с той стороны, потом толкнули, и от страха в ушах дико грохотала кровь, Рита едва сдерживалась, чтобы не закричать. Потом шаги отдалились, загрохотал лифт, и все стихло. Она кое-как добралась до комнаты и грохнулась на кровать, свернулась в комок под одеялом. От страха колотило так, будто на дворе минус тридцать, не меньше, а не середина сентября, и днем еще вполне себе тепло, и можно ходить без куртки.

«Пошло оно все, ненавижу, не хочу, устала, задолбало, — крутилось в голове, — завтра же уволюсь к чертовой матери и буду дома сидеть, денег хватит. Или в Москву уеду, провалитесь вы все...» И тут же как волной накрыло, в голове звучал наглый голос гробовщика: «Из города не уезжай, тут сиди, можешь понадобиться». Может, это оно и было только что — проверяли, дома ли она или сбежала? Ну да, так оно и есть, скорее всего, это была напоминалка или просто хотели напугать. И что теперь делать?

«Живи, работай, как будто ничего не произошло. Дом — работа — дом, или что там у тебя. И жди, пока все уляжется». Стало жарко, Рита повернулась к окну, откуда через неплотно прикрытую створку просачивался свежий сырой воздух. Дом — работа — дом, значит. Черников прав, так будет лучше всего, придется пока терпеть. Она закрыла глаза, потом посмотрела на телефон и снова зажмурилась — спать оставалось чуть больше трех часов.

Мелкий дождик к утру разошелся и к девяти перешел в хороший такой нудный тошный осенний дождь. В предбаннике Рита наткнулась на гору мокрых зонтиков, чертыхнулась и толкнула вторую дверь. За ней было тепло, светло и очень уютно, Ирка изучала норвежские фьорды и ценник на круизы по ним, Юлька сосредоточилась на плащах и разноцветных резиновых сапогах, только носом в монитор не тыкалась, будто принюхивалась к покупкам. Дверь в кабинет оказалась приоткрыта, сквозь довольно большую щель виднелся край стола и выдвинутый ящик под ним, дальше все терялось в полумраке. Рита ринулась к себе, не ответив на дружное «привет!», и едва не сбила с ног Аньку. Та вылетела точно из-под стола: лицо красное, глаза тоже, пережатые лохмы торчком, руки дрожат, и странно, что телефон из них не вываливается.

— Что? Что ты несешь, я ничего не понимаю! Прекрати жевать, дура старая! Где мои дети? Баба, говори громче! Ты что, пьяная? Ты зачем напилась?

Рита кое-как разминулась с обезумевшей Анькой и ворвалась к себе, хлопнула дверь. Стол чуть сдвинут, стул, что держал дверцу, стоит у стенки, папки, маскировавшие сумку, аккуратной стопкой лежат на полке, а сама сумка чуть ли не наполовину вывалилась на пол. И вся она в пыли и в чем-то темном, черт его разберет, что это такое.

— Кто сюда заходил? — Рита выскочила в общий кабинет. — Кто сюда вперся, спрашиваю?

Ирка медленно подняла голову, в ее очках еще отражались прихотливые изгибы морских заливов среди скал и спины китов в открытом море. Юлька развернулась вместе с креслом и уставилась на Риту.

— Кто тут был? — Она еле сдерживалась, чтобы не заорать, сердце трепыхалось в горле, кровь стучала в висках. Какая-то сволочь трогала ее сумку, ее

деньги, а эти курицы все пропустили! Или это они совали свои носы куда не следует их совать?

— Уборщица, наверное, — предположила Ирка. — А что случилось?

Рита грохнула дверь, стянула с себя плащ и поставила сумку на стол. С виду она выглядела как и вчера, как и несколько дней назад, вроде ничего не изменилось. Пачки купюр выпирали под тонкой тканью, и непонятно, сколько их там, не стало ли меньше, а если стало, то насколько.

— ПМС, наверное, — раздалось негромкое из-за двери, — или с Черниковым опять поругалась. Юлька, включи чайник...

«Надо пересчитать», — Рита потянула «молнию», та легко разошлась, дверь распахнулась.

— Рита, мне срочно домой надо, баба там пьяная, а детки одни!

Если бы потолок на голову упал или химера залетела в окно, было бы не так страшно. Можно было бы закричать, спрятаться под стол, например, или убежать вместе с сумкой, но от Аньки так просто было не отделаться. Она вошла в кабинет и трясла перед собой листком с неровными строчками, совала его Рите. Она повернулась к столу спиной и все отодвигала сумку подальше от Анькиных глаз.

— Чего тебе? — прикрикнула на нее Рита. Анькин листок маячил уже перед носом, а пятиться дальше было некуда.

— Баба пьяная, детки одни, им страшно, — скулила Анька, — мне надо отгул. Подпиши, и я побегу, скоро перерыв в электричках!

Она что-то еще зудела, Рита вырвала у нее лист, принялась читать корявые строчки. «Пьяная бабка? Что за хрень...» — так и крутилось на языке, но Рита сдержалась. Анька врет, само собой, ей срочно понадобилось домой, а прикрываться детьми она всегда умела превосходно. Но теперь приплела еще и бабу, зачем-то напоив ее, будто это могло помочь.

— Не могу, — сказала Рита, — у нас два отчета сегодня горят, ты мне здесь нужна.

— Детки плачут, — Анька сама была готова разрыдаться, — они ее боятся, кушать не хотят. Ты не понимаешь, у тебя нет детей!

— А у тебя не будет премии, — улыбнулась ей Рита, взяла ручку и принялась расставлять запятые в Анькиных каракулях. «Засвойсчет» — ну это вообще ни в какие ворота, у Аньки же высшее образование, в какой подворотне ей диплом дали.

Рита сунула Аньке исчерканный листок.

— Позвони матери или сестре, пусть они посидят с твоими детьми. У тебя же большая дружная семья, не то что у меня, верно? А ты работай или иди, пожалуйста. Но насчет премии я тебя предупредила.

Анька поплелась на место, на ходу порвала листок в клочки и зачем-то сунула их в карман. Рита закрыла дверь на задвижку, придвинула еще стул на всякий случай и долго смотрела на деньги, перебирала пачки, укладывала их поаккуратнее, чтобы не так бросались в глаза. Потом протерла сумку салфеткой, застегнула «молнию» и убрала свое сокровище обратно в шкаф — все равно больше девать его было некуда. «Ну вот, теперь надо работать». Рита еще раз потрогала дверцу, проверила, как та закрывается-открывается, и включила компьютер.

Непрочитанных и срочно требующих ответа писем вывалилось полтора де-

сятка — в СЭД и в почте. Нераспечатанные конвертики ласково подмигивали ей, Рита вздохнула и наугад ткнула в середину списка, даже не посмотрела на отправителя. И поморщилась невольно — Милютин в своей ехидно-вежливой манере интересовался, когда ее отдел предоставит ему отчет по неотчитанным транзакциям юридических лиц: с начала года за каждый месяц отдельно, поквартально и за полгода. Рита дважды перечитала сообщение и ничего не поняла.

— Что за ерунда? — Она уже решила, что Милютин ошибся адресом, но в копии кроме нее стояли только руководитель отдела комплаенс и документооборот. Так и тянуло позвонить этой вежливой скотине и поинтересоваться, что за неудачные шутки, и порекомендовать поискать другого адресата, но Рита медлила. Милютин на ее памяти не ошибся ни разу, и за этим письмом было нечто, что она пропустила — вчера, или позавчера, или два дня назад. Пропустила потому, что плевать хотела на эту мелкую возню за крохотную зарплату, но со вчерашнего дня все очень сильно изменилось. Она вздохнула, принялась разбирать почту, то и дело поглядывая на угол сумки, выпиравший из-за дверцы шкафа. И наткнулась на рассылку Галановой: та еще на прошлой неделе уведомила руководителей отделов об изменениях в регламенте работы. Часть работы финансовой бухгалтерии раскидывали по другим отделам, Рите достались транзакции «юриков», отчет за месяцы и сводный надо сдать завтра к вечеру, крайний срок — утро четверга. К отчету прилагались формы, таблицы, их следовало заполнить по шаблону и переслать ненасытному Милютину. Ему тоже дел прибавилось, но дураков работа любит, это всем известно, толстяку лишние бумажки только в радость.

Рита распечатала формы, прислушалась к голосам за дверью, подумала, кому может поручить новый отчет. По всему выходило, что никому, ни одна из трех ее бестолковых подчиненных не вывезет — тут полно сводных таблиц, функций и прочей радости табличного редактора. Посидела, полюбовалась на химеру, что высматривала что-то внизу так пристально, что только каменной башкой не крутила, и позвонила Галановой.

— Работенки нам подкинули, смотрю, — Рита старалась улыбаться, точно ей было все равно, а внутри все кипело. — Это надолго или разовая акция помощи?

Ну никак не могла она сейчас заниматься этой ерундой, у нее полно других дел, а деваться некуда, надо изображать бурную деятельность, и хорошо изображать, качественно, иначе попросят на выход, а ей сейчас нельзя.

— Навсегда, — придушенно сказала Галанова, — «финики» под сокращение идут.

— Как под сокращение? — выдохнула Рита. Еще вчера все было спокойно и благополучно, если не считать, что она проворонила рассылку, но это к делу не относится. Но о сокращении уж точно и мыслей не было. Какой банк ни возьми — безгрешных нет, у всех скелетики в сейфах водятся, но чтобы вот так сразу сокращение целого отдела? А если прибавить сюда заинтересованность ЦБ в поиске «тетрадки» и дробления вкладов, то перспективы вырисовываются так себе.

— Ага, — шептала Галанова, — им сегодня предупреждения раздали, как положено, за два месяца. Извини, если расстроила тебя. Но мне тоже работы навалили, кадровиков в филиалах на другую работу перевели с понижением в

зарплате, кто-то сам уволился. Так что я теперь на работе жить буду. Спроси своего Черникова, можно мне раскладушку тут поставить? А то домой ездить далеко.

«Вот это поворот». Рита смотрела на сумку: так и тянуло затолкать ее по-дальше, но шкаф слишком узкий для нее, не влезет, как ни старайся. Галанова яростно стучала по клавиатуре и грязно ругалась сквозь зубы.

— Мне вообще-то нового человека обещали, — напомнила ей Рита, — где он? Сколько можно вести подбор, должна же быть в городе хоть парочка экономистов, хоть отдаленно представляющих, как делать отчетность по готовым матрицам?

— Забудь, — отрезала Галанова и чертыхнулась, — после твоей Руснаковой Шумилина сама лично отбирает кандидатов тебе в отдел. А ей то некогда, то она в отпуске, то на больничном, а теперь нам самим дел подкинули. Так что крутись сама, дорогая, как можешь.

Она бросила трубку, Рита смотрела то на распечатки, рассыпавшиеся по столу, то в окно. Поднялся ветер, небо снова затянули тучи, химера недовольно смотрела вверх — ей очень не хотелось мокнуть под осенним дождем. Финансовую бухгалтерию сокращают, причем по всем правилам, значит, дело дрянь. Начали с самых бесполезных, как всегда, а дальше только держись, до них это цунами тоже дойдет, можно не сомневаться. Может, тут к Новому году уже никого не останется, только выжженная земля. В стекло неожиданно громко врезался кленовый лист, сухой и жесткий, точно из тонкого металла. Рита собрала бумаги со стола и вышла из кабинета. Ирка грудью закрыла монитор с украшенными к Рождеству немецкими городками, Юлька с небольшой задержкой спрятала шапки и варежки с монитора под пустую таблицу с выделенным желтым заголовком. Анька негромко кудахтала в телефон и на Риту внимания не обратила.

— Есть две новости, — сказала Рита, глядя на холодильник.

— Плохая и очень плохая, — пробурчала Ирка и тут же заткнулась.

— Правильно, — Рита положила бумаги ей на стол. — С этого дня на наш отдел возложена новая обязанность — мы делаем отчет по неотчитанным транзакциям юридических лиц и сдаем его в комплаенс.

— Милютину, — враспяжечку проговорила Юлька. — Рита, за что ты так с нами, что мы тебе плохого сделали?

«Скажи спасибо, что тебя не сократили. Пока», — Рита прикусила язык. Скоро эта новость перестанет быть тайной, но пока лучше промолчать.

— Этот отчет всегда процессинг делал вообще-то! — Ирка копалась в бумажках. — «Финикам» ее подкинули, чтобы хоть чем-то занять. Не зря их сокращают, на фиг они нужны. Но мы-то тут при чем?

Ирка, как всегда, узнала все первой и молчала до поры до времени, и свой источник информации не выдаст даже под страхом пожизненного лишения шенгенской визы.

— Раньше процессинг, а теперь мы, — улыбнулась ей Рита. — Это решение руководства. Хочешь спорить — вперед, только запишись на прием сначала. Приступайте, сдать надо завтра с утра.

Ушла к себе, закрылась, села так, чтобы видеть сумку, и позвонила Глебу. Тот ответил быстро, будто ждал.

— Ты стриптиз танцевать можешь?

— Не, — Глеб чем-то звякнул, Рита насторожилась, но звук более не повторялся. — Пробовал, давно, но потом другая работа подвернулась. Профессионально не смогу. А что?

— Нужен стриптиз, — сказала Рита, — одна или две девушки. Найдешь? Платим по обычному тарифу, за срочность накину, если приедут быстро.

— Найду, — пообещал Глеб, — этого добра полно, надо поприличнее выбрать. Тебе каких: блонд, рыжих?

— На твой вкус. — Рита прислушивалась к голосам за дверью. Там бурно обсуждали ее, Риты, беспредел по отношению к подчиненным, жаловались на невыносимую нагрузку и унижительный размер оплаты труда. Ирка заседала на Аньку, та сопливым голосом отбивалась, Юлька слышалась невнятно.

— И надо переделать кое-что в салоне, — Рита отошла к окну, — небольшой ремонт. Встретимся на месте, я тебе все покажу. Приходи через полчаса.

— Договорились.

Рита еще полюбовалась на химеру, прижавшую уши, как всегда перед дождем и снегом, потом на приятно-округлые бока сумки и решила сходить на обед. И как только открыла дверь, разговоры разом стихли.

— Как успехи? — Рита улыбнулась подчиненным. Ирка сделала вид, что не слышит, Юлька торопливо смылась. У Аньки зазвонил мобильник, она прикинула к трубке красным ухом.

— Она сделает, — Ирка показала в ее сторону, — она умеет. Ведь делала для Соловьевой, там почти одно и то же. А мы с Юлей ей поможем, если что.

— И что? — проревела Анька в телефон. — И что, они голодать должны? Какие деньги, я тебе отдала в воскресенье! Сколько? Ты дура, что ли? Ты мне сестра или кто? И что — мои дети теперь из-за твоих голодать должны и по улицам шлаться, пока ты своих на кружки и танцы таскаешь? Лиза тоже хочет на танцы, у нее способности, а тебе трудно ее отвести? Сука ты! — проорала она в микрофон и только сейчас заметила Риту. Та улыбалась ей, Анька дышала как загнанная корова и обводила пространство мутным взглядом.

— Я бабке дозвониться не могу, — пробормотала она, — старуха совсем с катушек съехала. Вчера напилась, сегодня утром отвела деток в школу и до сих пор где-то шляется. А Лиза кушать просит, и Дима голодный. Можно мне домой, там детки одни! Мать на работе, сестра-курва, помочь не хочет!

Ирка сочувственно смотрела на Аньку, подошла, погладила ее по лохматой башке и положила листки на клавиатуру. Анька шарахнулась от них, вцепилась задницей в стенку.

— Детки одни, плачут...

— Иди, Анечка, — разрешила Рита, — беги быстрее. И можешь не возвращаться, я тебя по статье уволю, за прогул.

— У меня дети! — заорала Анька ей в лицо. — Одиноким матерей нельзя увольнять!

— За рассылку порнухи и прогулы можно, — продолжала улыбаться Рита, Ирка стояла поблизости и тоже ухмылялась. — От такой матери опека просто обязана изъять детей, чтобы вырастить из них чистых, честных и светлых граждан нашей страны. Так что иди, Анечка, я не против. Но если останешься, то запомни — твоя премия зависит от этого отчета. Вперед.

И пошла к двери, Ирка копалась в сумке, тоже собиралась на обед.

— Как не стыдно, — услышала Рита уже в предбаннике, — надо же такое

придумать: пьяная бабка, дети-сироты. Хотя я на месте твоей бабки тоже бы забухала от такой жизни. Работай, пока не сократили, дура! «Финики» уже под нож пошли, тоже хочешь? Никакие детки не спасут. Начинай пока, мы с Юлькой с обеда придем и все быстро сделаем. Не только тебе премия нужна. Правда, Рита?

Она сделала вид, что не слышит, и быстро пошла к лестнице, потом вниз мимо столовки на улицу. Перешла дорогу и через несколько минут подходила к салону. Только открыла дверь и включила свет, как ввалился небритый, злющий Глеб. Он поздоровался сквозь зубы и постоянно отворачивался. Рита улучила момент и заметила на его левой щеке две длинные царапины, будто когтями кто кожу расчертил. Или ногтями, алыми или розовыми коготочками. Глеб понял, что его тайна раскрыта, и резко расслабился.

— Какой ремонт, на фига? — Он пересек большой зал от двери до окон. — Тут и так нормально все. Чего ты ерундой занимаешься, деньги девать некуда?

— Смотри, — Рита достала листок с планом, — тут немного. Тут сделать перегородки, купить пару диванов, длинный стол, тут будет подиум для танцев. Эту перегородку снести, здесь две поставить и еще заменить освещение. И красные шторы на все окна. Начинай сегодня.

Глеб забрал у нее листок, изучил, еле заметно ухмыльнулся скептически, прошелся по салону, сверяясь с планом. Рита устроилась на диване в коридоре и вытянула ноги. Обед подходил к концу, но она на правах начальника может не торопиться. И следила за Глебом, как тот ходит туда-сюда, что-то прикидывая и бормоча себе под нос.

— Можно, — Глеб подошел к ней, — за пару дней можно все повернуть. Только один вопрос — на фига? На фига тебе это надо?

«Состояния сколачивают в смутные времена», — крутились в голове слова Пофигиста. Рита подошла к окну, открыла створку и выглянула наружу. Первый высокий этаж, народу мало, и тут довольно тихо, несмотря на шумный проспект поблизости. Шторы нужны из плотной ткани, очень плотной и тяжелой, вроде бархата. Она повернулась к Глебу.

— Буду сдавать помещение под переговоры, — сказала Рита, — что-то вроде клуба, где можно обсудить дела и отдохнуть.

— Думаешь, на этом можно заработать? — недоверчиво буркнул Глеб. — Таких... клубов в городе полно. Мы-то чем лучше? И кино снимать больше не будем?

Он заметно расстроился, крутил листок с планом так и этак, сложил пополам, потом еще раз, потом еще, потом снова развернул и повернулся к Рите поцарапанной щекой.

— Пока не знаю, — Рита забрала у него листок и положила на стойку, — неизвестно.

— Отлично, я превратился в обслугу, — с горечью в голосе выдохнул Глеб, — подай, принеси, убери.

— Условия прежние, — перебила его Рита, — пятьдесят на пятьдесят от прибыли. И девки бесплатно.

Глеб исподлобья глянул на нее и кивнул.

— Очень хорошо, — Рита кинула ему ключи от салона, Глеб поймал их на лету, — начинай сейчас же, нам могут позвонить в любую минуту. И с девка-

ми поаккуратнее.

Глеб потрогал пальцем царапину, Рита махнула ему и пошла в банк.

Обед пятнадцать минут как закончился, а народу у входа толпилось полно. Человек десять, а то и больше курили или болтали по телефону, слышался смех и музыка. Рита прошла мимо невысокого бородатого парня, того самого айтишника, что недавно хотел помочь ей донести сумку. Сейчас тот Риту вроде как не заметил, красиво курил электронную сигарету и сплевывал себе под ноги.

— Если лицензию отзовут, то это даже круто будет, — важно говорил он, — во-первых, никого не уволят, только если сам кто захочет. Правда, зарплату срежут, платить будут только оклад, без премии, многих вообще в простой отправят. Временщики так всегда делают...

— Кто? — перебили его, Рита замедлила шаг, прислушалась.

— Временная администрация, — пояснил айтишник, — их Центробанк назначает, когда у банка лихушки отзывает. Так вот, кто-то будет работать, но большинство пойдет в простой, сидеть дома за бабки. Пусть голый оклад, но все равно неплохо. Можно отдохнуть или новую работу искать. А потом, месяца через три, придет конкурсный управляющий со своими опричниками и будет всех увольнять по соглашению или по сокращению — пофиг, соглашайтесь на любой вариант. Главное — дадут минимум два оклада с учетом премии, а то и три.

Рита дышала вонючим дымом с примесью выхлопов, но не трогалась с места. Парень прав, если будет отзыв, то придут «временщики», они первым делом опечатают кассу, банковские ячейки, изымут серверы с программами и ту самую АБС, куда заносятся все данные об операциях банка, о вкладах в том числе. И сделают выводы о размере «дыры» между обязательствами и активами. Но это ладно, на это наплевать, но из банка не дадут вынести ничего крупнее зонтика, и Черников уже не поможет.

— Я так в Москве два раза попадал, — веско бросил бородатый айтишник, — просто курорт. Так что без паники.

И засмеялся, его поддержали, небольшая толпа двинула ко входу. Рита посторонилась, посмотрела весельчакам вслед. Какая паника, о чем вы, подумаешь — несколько миллионов евро потерять. У нее аж перед глазами потемнело, когда представила себе отчетливо, как это будет, какие вопросы и кто будет ей задавать, и главное, что она потеряет все.

«На кой черт я их вообще сюда притащила». Рита отошла от дверей и шла вдоль стенки. Налетел ветер, стало довольно холодно, но сейчас это было даже кстати. Панику точно сдуло, по крайней мере, она отступила, вернулась способность соображать. Притащила потому, что Черников посоветовал, а почему он так сказал? Он ведь точно знал, куда она спрячет деньги, и сейчас это знает. Может, их там и нет уже, или они вот-вот исчезнут.

Рита повернула за угол здания и оказалась на парковке. «Ровера» не видно, зато милютинский «Форд» вот он, блестит строго на своем месте, рядом пусто, точно остальные машины сторонятся его, как чумного. Дальше еще одна курилка, но сейчас там пусто, а за ней начинается забор. Он остался еще с весны, когда собирались сносить ее химеру, мятые листы висели криво, кое-где отошли от опор. Рита прошла вдоль забора, потрогала его, посмотрела на окна банка. Милютинская каморка вон она, над козырьком служебного выхода,

правее окна кабинета Черникова, а ее окон отсюда не видно, их скрывает клен за забором. Правда, на углу есть камера, напротив еще одна, и они обе работают на запись круглые сутки. Но в темноте будет виден только силуэт, и он побежит не к банку, а обратно, так что вряд ли кого-то заинтересует.

Рита вызвала такси и поехала в большой магазин на окраине города. Не магазин — город, тут тебе и одежда, и косметика, и телевизоры с ноутбуками, и еда, и кинотеатр. Но ее интересовал только спортивный магазин на верхнем этаже. Там она выбрала самую большую сумку, просто огромную, как чемодан, тоже черную из очень плотной ткани. Выбирала долго, придирчиво, пересмотрела все, что предлагали продавцы, и в банк приехала за два часа до конца рабочего дня. В кабинете было непривычно тихо, Ирка и Юлька уткнулись в мониторы и не сразу заметили Риту. Она остановилась у холодильника, осмотрелась — стол слева был пустой, компьютер выключен.

— Анька где?

— Мы ее домой отпустили, — не оборачиваясь, сказала Ирка, — у нее истерика началась.

— Она редела, а потом завывала, — пробормотала Юлька, — ну ее на фиг. Вдруг она кусается. Я боюсь.

— Ну и правильно, — сказала Рита, — толку от нее все равно никакого. Как отчет, готов?

Насчет «готов» была шутка, но ее не поняли. Ирка состроила страдальческую физиономию, вздохнула:

— Какое там... Я уже ослепла от этих таблиц или скоро ослепну. Не готов, убивай, но не готов, и завтра готов не будет.

— Ты знаешь, как сводные таблицы делать? — Юлька ткнула пальцем в монитор. — Я полчаса уже бьюсь, кучу видосов посмотрела, но не получается. Завалим ведь отчет на фиг, а мне премия нужна!

— Всем нужна, — взволновалась Ирка, — очень нужна.

— Перешлите все мне, — сказала Рита, — я сама доделаю и проверю. А вы идите домой, без вас тише будет.

Так в джунглях, наверное, с ветки срывается стая попугаев и кидается на жертву. Рита в джунглях никогда не была, да и не тянуло ее в те края, но стаю попугаев теперь представляла отчетливо, в красках и звуках.

— Лапочка, зайка, ты просто прелесть, Ритуля, мы тебя любим, ты красотка! — Минут через пять Ирка с Юлькой иссякли и свалили наконец, даже дверь за собой не закрыли. Рита захлопнула ее, повернула в замке ключ, потом пошла к себе. Закрылась на замок, придвинула стул и опустила жалюзи. В кабинете стало темно и до того тоскливо, хоть вой, как недавно Анька. Рита вытащила из шкафа сумку, вывалила деньги на стол и принялась перекладывать их в новую. Ее точно для этого специально сшили, пачки купюр ложились аккуратными рядками, постепенно они закрыли дно, пошел второй ряд, затем третий. Рита пересчитывала каждую пачку и снова писала цифры в столбик, на этот раз спокойно и сосредоточенно. Заменяла истертые резинки на нескольких пачках, отобрала самые ветхие купюры, чтобы поменять их в банковском обменнике на рубли, попробовала поднять сумку. Все в порядке, деньги, что еще лежат на столе, отлично сюда поместятся. За дверью послышался шорох, шаги, потом негромкие голоса, потом все стихло. Рита принялась считать дальше, и тут ожил ее телефон. Рита вздрогнула и чуть не выро-

нила деньги, решила не отвечать. Телефон позвонил-позвонил, смолк и снова загудел, пришлось искать его в сумке. Звонил Черников.

— Как ты? — выдал он. — Как обстановка вообще? Я в командировке по филиалам, завтра приеду. Никто не звонил тебе, не приходил? Все тихо?

— Тихо, — сказала Рита, — ты был прав, я никому не нужна. Все в порядке.

Фоном послышался гул машин, голоса, Черников чертыхнулся негромко, и снова стало тихо.

— Ты на работе? — спросил он.

— А где же еще, — вздохнула Рита, — отчет делаю.

— А подчиненные твои?

«Овуляшка, тупица и пенсионерка», — Марианка точно подмигнула ей из темного угла за монитором. Так и тянуло перекреститься и отогнать наваждение, но Рита отвернулась.

— Все сама, как всегда, — по голосу было слышно, что Черников улыбается.

— А ты где? — Рита подгрребла не пересчитанные еще пачки денег поближе к себе.

— Домой еду, — сказал он, — наконец. Устал как собака. Пообедаем завтра?

Рита смотрела на заваленный деньгами стол, на важно раздувшуюся новую сумку. Если бы Черников захотел, этих денег давно бы тут не было, и он сам давно бы исчез из города. Но он не исчез, он здесь, и деньги — вот они, только руку протяни.

— Давай, — сказала она, — договорились.

— Если что — сразу звони, — негромко донеслось из трубки, — в любое время, хоть днем, хоть ночью.

— Ночью спать надо, — улыбнулась Рита, — до завтра. Пока.

И снова взялась за работу: пересчитывала, складывала купюры в стопки, перехватывала их резинками и убирала в новую сумку. Пятый ряд, шестой, седьмой — «молния» уже сходилась не так охотно, но место еще оставалось. Третий столбик цифр на листке уже достиг нижнего края листа, Рита начала четвертый, и тут телефон зазвонил снова.

— Ну что еще, — она поморщилась: сбилась, придется пересчитывать заново. Посмотрела на экран — номер был незнакомый. «Пофигист? У него вечно сто номеров. Или порекомендовал, как и обещал, еще кому-то». Рита решила ответить.

— Слушаю вас...

— Здорово, курица, — раздалось из трубки, — деньги готовь, завтра подъедем к обеду.

Рита машинально глянула на стол, на сумки, выпотрошенную и приятно-толстенькую, еще раз на номер, что горел зеленым на экране смартфона. Какие деньги, что за шутки?

— Ты жива там, кукушка? — с той стороны уже откровенно ржали. — Платить за разрешение на работу кто будет? Ты и так за прошлый месяц задолжала, так что готовь с процентами.

— Или сама отрабатывать будешь, — добавился второй голос, до того борзый, что так и тянуло послать обоих по матери. Но Рита решила быть вежливой, чего бы ей это ни стоило. Не торговка же гробами она, в самом деле.

— Уважаемые, я плачу Бондарю, с него и спрашивайте. И за прошлый месяц, и за позапрошлый, и в этом месяце заплачу. Долгов у меня нет. А вы вали-

те-ка на хер, голубчики, пока ветер без камней.

Вспомнила, что Юлька обычно так говорила, когда ей звонили типа из службы безопасности разных банков и пугали, что с ее карты вот прямо сейчас, сию секунду списывают несметные миллионы.

— А Вите Северному забыла заплатить, — веско бросили с той стороны, — твой бордель на его территории.

— К Бондарю все вопросы, — отрезала Рита и нажала отбой. Постояла немного, прижав телефон к груди и глядя на разбросанные деньги. Если позвонят еще раз, придется снова обращаться к этой мятой картофельной роже, что принадлежит первому в городе человеку, местному крестному отцу. Странно, что эти отморозки этого не знают. Решили просто наехать по беспределу и срубить денег, если повезет? Но тогда откуда у них ее номер телефона?

Рита быстро досчитала деньги, упаковала их в сумку и сверилась с листком. Вся сумма на месте, все в порядке. Она застегнула сумку, подняла жалюзи. Ветер трепал кленовые ветки, с них летели листья, химера за ними будто качалась на ветвях, как на качелях, и радостно скалилась в быстро темнеющее небо. В дверь постучали, Рита пошла открывать. Это оказался охранник.

— Двадцать один час уже, — сообщил ей вежливый здоровенный парень в темном костюме и с рацией в руке, — вас нет в списке допущенных в помещения банка после этого часа. Уходите, пожалуйста.

— Да с удовольствием, — Рита прижала ладони к глазам, — устала как собака, а еще и половину отчета не сделала. Ухожу, ухожу, не закрывайте дверь, пожалуйста.

Охранник свалил, Рита побежала к себе — там снова трезвонил мобильник, Глеб на этот раз.

— Ну что, как скоро закончишь? — накинулась на него Рита. Она открыла окно и перегнулась через подоконник. Внизу виднелась в сумерках груда кирпичей, поросших травкой, дальше шли какие-то темные кучи и бревна, за ними возвышалась старинная громадина с чудовищем на крыше.

— Почти, — сказал Глеб, — завтра доделаем. Слушай, я что сказать хотел — тут две рожи шарятся рядом, целый день то в машине сидят, то курят, то в окна заглядывают. Кто такие, как думаешь?

«Уроды от Вити Северного», — Рита понятия не имела, что это за хрен с горы, понимала одно: обещанное Пофигистом реформирование деловых отношений идет полным ходом, и ей в стороне не отсидеться. Ох, как бы не пришлось снова надевать шмотки Текилы и тащиться на рынок.

— Я все улажу, — сказала она Глебу, — постарайся, чтобы завтра все было готово. Я позвоню.

Она накинула плащ, перекинула ремень сумки через плечо, бросила туда телефон. Потом покрасила губы, причесалась, покрутилась перед зеркалом в полумраке, поправляя пояс. Открыла окно, глянула вниз, по сторонам, вдохнула холодный, обжигающий ветер и выкинула баул с деньгами в окно. Тот ментально исчез в темноте, раздался глухой мягкий стук, мелькнула неподалеку темная, чернее ночи чья-то тень. Рита закрыла окно и кинулась к выходу. В коридоре затормозила, закрыла дверь, опечатала ее, как полагается, подергала за ручку и, стараясь не сорваться на бег, пошла вниз. Отдала пенал с ключом охраннику, расписалась в журнале, не торопясь, вышла на крыльцо. Хорошо, что было холодно и пошел мелкий дождь — от напряжения она бы со-

знание потеряла вот прямо здесь, на гранитных ступеньках, или умерла бы от инфаркта. Сердце не помещалось в груди, гудело колоколом, кровь раскалилась и шумела в ушах. Рита медленно, очень медленно, как во сне, прошла вдоль стены банка, повернула и оказалась на совершенно пустой парковке. Тут только ветер гулял и таскал с шумом кленовые листья, те подозрительно шуршали и метались туда-сюда. Рита остановилась, поглядела на угол здания, где висела камера, отошла поближе к стене и со всех ног рванула к забору.

Подбежала, пролезла в щель между мятыми листьями, раздался оглушительный треск — плащ зацепился за что-то невидимое в темноте, ткань рвалась. Рита дернулась с силой и буквально вывалилась на ту сторону, еле удержалась на ногах. Правый бок обдавало холодом, шов разошелся, рукав держался на ниточках, над карманом висел обрывок и неприятно шевелился при каждом движении. Рита кинулась вправо-влево, хватала воздух ртом и готова была уже сорвать с себя этот чертов плащ: стало невыносимо жарко, будто оказалась в тех самых тропиках, а на голову вот-вот спикирует стая попугаев. «Спокойно!» Рита остановилась, перевела дух, прислушалась. Ничего, кроме шума ветра в ветках уцелевших кленов, шороха дождя и дальнего ровного гула с проспекта. А тут как на острове, тишина и покой, и еще туман по траве стелется, поднимается все выше и выше, уже почти до колен. Рита постояла еще немного, перевела дух, посмотрела на здание банка, что громоздилось над забором. Нашла свои окна в переплетении веток, включила фонарик в телефоне и пошла по кочкам и камням к большой поросшей травой куче.

Сумка валялась неподалеку, целая и невредимая, «молнии» застегнуты, бока целы. Рита схватила ее, закинула за спину как рюкзак и выключила фонарик. Над головой шумел ветер, падали, кружась, большие красивые листья, сбоку промелькнула какая-то быстрая тень и бесследно пропала. Послышался приглушенный звук сигнала, потом чей-то отдаленный крик, и снова стало тихо. Рита еще раз всмотрелась в темноту по сторонам и пошла к старому дому. Свет включать она пока не решалась, брела в темноте, глядя то под ноги, то по сторонам. Удачно миновала засыпанную песком кучу кирпичей и большую яму, полную воды, потом груды окаменевших белых мешков и налетела на торчавшие из земли доски. Врезалась с такой силой, что не удержалась на ногах, а сумка еще в спину подтолкнула. Рита грохнулась на колени, угодила на острый, непонятного происхождения обломок и едва сдержалась, чтобы не закричать от боли.

Встала, выждала пару минут, приходя в себя, и чуть ли не бегом кинулась к черному portalу двери, развороченному дверному проему, огромному — самосвал легко проедет. Шарахнулась к стене, прислушалась, задержав дыхание, ловила каждый звук. И через несколько минут, привыкнув к таинственным шорохам и трескам, к звуку капель и легкому металлическому гулу, поняла, что она одна в этом доме, тут нет живых, кроме нее, а душам давно ушедших нет дела до людей. Рита снова включила фонарик, луч упал на засыпанный кирпичом пол, на разбитые стены — из них торчали пучки дранки и висели, как содранная шкура, клока обивки, под всем этим проступал кирпич.

Стены разошлись, Рита оказалась в огромном зале с кучей песка у входа. Обошла курган и принялась светить на стены. Сумку надо оставить здесь на день или два, домой ее тащить нельзя, придется рисковать. Попозже можно будет снять небольшое помещение или даже квартиру, оставить сумку там, а

пока ей придется полежать вот здесь.

Рита нашла, что искала, она смутно помнила, что в доме были печи или камины, или что-то в этом роде. От пола к потолку шли широкие, как колонны, выступы, некоторые сильно разбитые, их чуть ли не сровняли со стенами, черные дыры виднелись тут и там. Рита выбрала самую дальнюю от входа колонну-дымоход, оглядела края дыры в свете фонарика, вытащила несколько кирпичей и замерла с осколком в руках. Справа стоял кто-то — высокий, весь в черном и молча наблюдал за ней. Рита выключила свет и швырнула туда кирпич. Раздался стук, видение исчезло. В доме по-прежнему никого не было, только дождь разошелся сильнее и за дырами оконных проемов с небес лились потоки воды. А галлюцинация, или, может, призрак это был, исчез или отошел в сторонку и наблюдал за человеком, что зачем-то копошился у полуразрушенного дымохода. Рита кое-как подняла сумку, запихнула ее поглубже в трубу, затолкала, как смогла, высоко и щедро накидала снизу кирпичных обломков. Отошла, то и дело оступаясь на заваленном всякой дрянью полу, осветила на провал в стене. Вроде ничего не видно, стена как стена, ничем не отличается от остальных, и ни за что не догадаться, что внутри лежит груда сокровищ. Рита на всякий случай закидала песком свои следы и пошла обратно к выходу.

Глаза давно привыкли к полумраку, она видела черные в серых разводах стены, и готический потолок, и узкие стрельчатые окна, уходившие куда-то под крышу. Слева в полумраке что-то неярко блеснуло, Рита остановилась, присмотрелась, подошла поближе. Лестница с роскошными коваными перилами и ажурными ступеньками, точь-в-точь как та, в сгоревшем доме. Рита тронула пальцем холодный металл, коснулась ногой ступеньки, поднялась на одну, потом еще выше, еще, и почти бежала вверх. Подумалось вдруг, что до химеры не так уж и далеко, что хоть она и на крыше, но ее должно быть видно из окна — стекла давно выбиты, закрывавшие проемы щиты разбиты в щепки и валяются внизу. «Надо посмотреть, когда еще получится». Рита поднялась еще выше, шла, все ускоряя шаг, и тут опора под ногами пропала. Рита так и замерла на месте, уцепилась за перила, а те дрожали, тряслись от каждого движения, стрельчатые окна были уже близко, а пол далеко, очень далеко. Рита посмотрела себе под ноги: ступеньки прогнулись, точно она шла по болоту, с перил сыпалась черная, как сажа, труха.

Рита осторожно пошла вниз по гнущимся под ногами ажурным ступенькам и не удержалась, прыгнула на пол с пятой или шестой. Эхо как-то очень гулко разнеслось по старому дому, ей показалось, что она слышит чей-то голос. Но это был лишь ветер, он разгуливал по верхним этажам, путался в комнатах и на лестничных переходах, там что-то шелестело негромко. Рита подняла голову и в темноте увидела, как нечто пролетело от стены к стене, непонятно — летучая мышь или птица, огромная и очень легкая. Толком не разглядела, заметила только крылья, гигантские, все из ломаных острых линий, точно драконьи. «Ничего себе». Рита ухватилась за дрожащие перила, и тут наваждение пропало. Дунул ледяной, почти зимний ветер, Рита выскочила на широкое крыльцо, оглянулась и побежала к забору, но только с другой стороны, что выходила на проспект. Отогнула лист, пролезла, и снова затрещал плащ, на этот раз на спине. То ли гвоздь, то ли край листа — черт его знает, Рита кое-как выбралась на дорожку. От нее шарахнулась парочка, раздался

испуганный вскрик, потом полетели смешки. Рита мысленно послала парочку куда подальше и пошла к дому.

И в подъезде первым делом нарвалась на Шувалову, та аж отпрыгнула от входной двери и зажала в кулаке ключ с «таблеткой» домофона. Рита толкнула тетку плечом и пошла к лифту. Шувалова опасно выглядывала из-за двери тамбура, и как только кабина приехала на первый этаж, выплюнула злобно:

— Шалава приперлась. Где ж тебя таскали, курва...

Рита пошла напрямик к лифту и уехала к себе наверх. Дома сразу стало понятно, что плащ придется выкинуть, его точно собаки рвали. Рита сунула его в пакет и отправила в мусорку, сама долго отмокала под горячим душем и потом разглядывала синяки на коленках и ссадины на спине. А спала потом как в детстве после долгой прогулки, снились всю ночь какие-то огромные крылья неведомой твари, костлявые на вид, но мягкие на ощупь. Крылья накрыли Риту будто покрывом, пропал свет, звуки и страхи, все унесло волшебным ветром. А проснулась чуть ли не в полдень, когда рабочий день давно начался и будильник, честно отпиликав свое, отчаялся ее разбудить.

В телефоне не было ни пропущенных звонков, ни сообщений, Рита не знала — радоваться или бежать со всех ног: спасать, руководить, принимать решения. Для начала позавтракала и пошла в банк, решила по дороге, что если наедет Шумилина (хотя ее Рита больше месяца уже в глаза не видела), то свалит все на больной зуб. Тот заболел некстати ровно в полночь, и она еле дождалась утра, не успела никого предупредить и пошла сдаваться к врачу. На крыльце, как всегда, курили, смеялись и смотрели видео на смартфонах, народу было много, будто был выходной, но все зачем-то пришли на работу. Рита пошла через толпу, отвечала на приветствия, увидела Галанову, хотела подойти к ней, как едва не упала от хорошего такого толчка в плечо. Рита уронила сумку, потянулась за ней, да так и замерла на месте. Через толпу перла Анька, вот именно что перла напролом и ничего не видела перед собой. Глаза навывкате, красные, короткие неровные волосы торчком во все стороны, взгляд остекленевший, в руке зажат телефон. Тот надрывается-звонит, но Аньке все равно, она то ли не слышит, то ли ей ни до чего сейчас. Перед ней расступились, Анька неживой какой-то походкой прошла как сквозь строй и двинула к остановке.

— Что это с ней? — Галанова мигом оказалась поблизости. Рита подняла сумку и смотрела Аньке в спину. «Хотела бы я знать», — крутилось у нее в голове. Телефон по-прежнему молчит, сообщений нет, Анька пропала из виду. Рита сначала хотела догнать ее, потом передумала и пошла к себе. В кабинете было очень тихо, Юлька сидела на столе, Ирка сторбилась на стуле рядом и раскладывала «Косынку». Анькин компьютер работал, на столе лежали распечатки с таблицами и недоеденное яблоко.

— У нее бабка умерла, — сказала Юлька, — ей сестра позвонила. Сказала, что труп нашли в гаражах, несколько дней пролежал. Сказали, что инфаркт, у нее перед этим и речь нарушилась. Помните, Анька все орала на нее, что она пьяная.

Опустила голову и принялась крутить фитнес-браслет на запястье. Ирка горестно вздохнула и начала раскладку заново.

— Ужас какой... — она снова вздохнула.

Рита молча прошла к себе в кабинет. Чего тут говорить, и без слов все понятно. Стало не по себе и даже немного стыдно, что наезжала на Аньку, а у нее теперь такое горе. Хотя, если подумать, наезжала по делу, по работе, а не просто так. Ну ладно, потом разберемся. Выйдет же она в конце концов на работу, никуда не денется.

Рита включила компьютер, посмотрела в окно. За ветками виднелись узкие, как бойницы, окна, химера сидела на своей недостижимой высоте и задумчиво смотрела вдаль. Видела там, наверное, снег, холод и тьму близкой уже зимы и заранее ее ненавидела, надо думать. Рита всмотрелась в переплетение веток, но внизу, среди куч песка и мешков, никого не было, как и у входа, а дальше все скрывали клены. Зимой дверь-портал будет как на ладони, но ей будет уже все равно. Почему так — она не могла бы объяснить словами, просто знала это, и все. Зимой она будет далеко отсюда.

Села за свой стол, открыла почту и тут как из ведра окатило: первыми висели два милютинских письма. В первом он шаблоном уведомлял ответственных лиц о сроках сдачи отчетности по транзакциям юридических лиц, во втором сообщал, что последний срок вышел час назад. Вернее, уже почти три часа, сдать его надо было в десять. И тут прилетело третье письмо, конвертик возник прямо на глазах и мерцал, точно подмигивая. Рита вздохнула и открыла послание.

«К сожалению, не получил от вас коммуникации в установленный срок. Вынужден направить служебную записку к вышестоящему руководству для рассмотрения данного инцидента» — этот поганец умел красиво заворачивать фекалии, любовно и с выдумкой оформлял их доставку адресату. Коммуникации он не получил, скотина жирная, один раз за почти десять лет... А кто сроки эти вообще устанавливал, где регламент, кто его подписал, когда? Почему Милютин формы для заполнения только вчера прислал, когда он должен был сделать это по регламенту? Служебную записку он направит, мы тоже направим, две.

— Сейчас будет тебе коммуникация, — Рита придвинула клавиатуру поближе, открыла почту, — будет еще мной всякая сволочь распорядиться. У меня в отделе у сотрудника несчастье, я что — теперь жить должна на работе?

И принялась строчить по готовому шаблону, что давно выучила наизусть: прошу дополнительно сообщить, какой внутренний нормативный документ регламентирует сроки сдачи отчетности формы номер...

— Рита, мы решили Аньке на похороны собрать, — сунулась в кабинет Ирка, — на похороны бабки в смысле. Я в кадры схожу, попрошу, чтобы рассылку сделали. По сколько сдавать будем?

Рита только хотела сказать, чтобы та сама что-нибудь придумала, как звонил мобильник. Рита махнула на Ирку, и та спряталась за дверью.

— Привет, — Глеб говорил быстро и почему-то шепотом.

— Как ремонт? — сразу перешла к делу. — Скоро закончишь?

— Тут к тебе пришли, — раздалось в ответ, — поговорить хотят.

Послышался шум, какая-то возня, Глеб выругался непечатно, Рита вскочила.

— Слышь, ты сюда иди, — раздалось из трубки хамски-развязное, — разговор есть.

Она сразу узнала этот голос, еще и сутки не прошли, как с нее требовали де-

нег в пользу какого-то Витьки Северного. И вот сейчас эта сволочь звонит из ее салона, да еще и с телефона Глеба.

— Я приду, — пообещала Рита, — уже иду. Ты меня подожди, не уходи.

И принялась быстро собираться, прислушиваясь к голосам вдалеке. Глеб что-то говорил, его перебивали, потом раздался грохот, и связь оборвалась. Рита выскочила за дверь, подумала на ходу, что надо бы позвонить Бондарю, пусть он пришлет своих людей, и те объяснят, кто кому платит. Решила сделать это по дороге, проскочила мимо обалдевшей Юльки — она так и сидела на столе.

— Рита, по сколько сдавать будем? — крикнула ей вслед Ирка.

— Потом, — Рита выбежала в коридор и помчалась в салон.

На газоне перед ступеньками стояла серая иномарка, окна открыты, из магнитолы орал шансон. Сразу стало понятно, что за публика к ней пожаловала, Рита сбавила шаг, перевела дух и пнула ногой по колесу. Немедленно взвыла сигналка, замигали фары и габаритки. Песенка про зону стихла на пару секунд и понеслась по новой, перекрывая вой сигнализации.

— Прекратите сейчас же, я полицию вызову! — визжала с балкона второго этажа бабка в грязном розовом халате, да еще и кулаком махала, почему-то вверх. Рита пнула колесо еще раз и взбежала по ступенькам, толкнула дверь.

Глеб стоял у стены напротив под баннером с томной красоткой, и едва Рита вошла, быстро глянул по сторонам. Рита бросила сумку на стойку у двери, да так неаккуратно, что та едва не упала на колени упитанному лысому юноше в синем спортивном костюме. Юноша поднял голову от смартфона и улыбнулся Рите.

— Привет, хозяйка. Че такая злая, мужика давно не было?

— Не все же как ты, — в ответ улыбнулась ему Рита. Юноша перестал скалиться и сунул телефон в карман штанов.

— Не хаами, — раздалось слева. Там в кресле под зеркалами сидел еще один, тоже весь в синем, с небритой рожей и отвратительными желтыми зубами. Поверх спортивных на нем была еще черная кожанка, и от нее мерзко пахло то ли псиной, то ли чем-то очень похожим. — Не хаами. — Он развалился в белом кресле и оценивающе оглядел Риту с ног до головы. Та повернулась к лысому спиной и оперлась на стойку.

— Чего надо? — она смотрела на небритого. — Кто такие? Вы мне мешаете работать, я в полицию сейчас позвоню. Валите отсюда.

Позади раздался шорох и скрип: лысый оторвал зад от стула и вышел в большой зал. Прошелся, осматриваясь, добрался до груды коробок, пнул одну. Сигналка и шансон продолжали орать, на них никто не обращал внимания.

— На ремонт, значит, бабки нашла, — лысый сплюнул на пол. — А говорила, что денег нет.

— Я расширяюсь, — Рита глянула на Глеба. Тот повернулся и теперь подпирал стенку плечом, руки сунул в карманы.

— Да не вопрос, — раздалось из кресла, — заплати и расширяйся сколько влезет.

Лысый заржал, Глеб вполне себе натурально зевнул, точно скучно ему было. Лысый подошел к Рите и встал напротив, от него несло перегаром и картошкой из фастфуда.

— А ты сама не работаешь? — Лысый подошел к ней вплотную и лыбился в

лицо. — Я бы тебе заплатил. У вас почасовая оплата или как?

— Или как, — Глеб оказался рядом, — отвали.

— Или что? — лысый подтянул треники. — Что будет?

Глеб вывернул ему руку за спину, толкнул жирдяя коленом в зад и схватил за волосы. Тот забился, задергался, Глеб еще немного дожал ему запястье, и жирный заорал от боли. Рита забежала за стойку, точно та могла ее защитить.

— Хорош, — бросил из кресла небритый бандит в кожанке, — руки убрал.

— Газуй отсюда, — посоветовал ему Глеб, не забывая выкручивать жирному руку, — в смысле на хер идите.

— А то я Бондарю позвоню, — выкрикнула из-за стойки Рита, — и он вас живыми в асфальт закатает. Я же говорила, что ему плачу, с ним разбирайтесь.

— А теперь нам будешь платить, — небритый сел ровно и распахнул свою вонючую куртку. — Отпусти его, быстро.

Глеб послал его по матери, жирный грохнулся на колени и уже натурально выл и ерзал по полу. Глеб дернул его за волосы, второй бандит резко выкинул руку вперед, и Глеб отшатнулся, отпустил жирного.

— Ух ты, — Глеб по шажку отступал к баннеру с красоткой, — вот это поворот. Он хоть настоящий?

Рита замерла на месте и вцепилась в стол обеими руками: небритый целился в нее из пистолета.

— Настоящий, не сомневайся, — бандит чуть прищурил правый глаз, — или не веришь?

— Где ты его откопал? — Глеб вжался в стенку. — На какой помойке?

— На той же, где тебя нашли, — лысый поднялся с пола и повернулся к Глебу. Тот дернулся с места, и тут грохнуло так, что уши заложило, запахло гарью и еще чем-то душным, перед глазами поплыл сизый дым.

Бандит в кожанке рывком поднялся с места, вот точно пружина распрямилась. Глеб влип в стенку и следил за ним, Рита не двигалась.

— Завтра в это же время приедем, готовь деньги, — он назвал сумму, — или хоронить будет нечего. Понимаешь, о чем я?

Бандит спрятал пистолет за спину под куртку, Рита кивнула, Глеб смотрел вбок. Жирный врезал ему ногой по голени, Глеб побледнел и прикусил губу, небритый скривился.

— До завтра, киска, — он послал Рите воздушный поцелуй и вышел из салона. Жирный убрался следом, сигналка заткнулась, рыкнул двигатель, и шансон тоже сгинул к чертовой матери. Рита села на стул и все еще не решалась разжать пальцы, так и держалась за край стола. Глеб похромал к окну, споткнулся о коробки, выругался смачно и открыл окна. Сизый дым и душную гарь унесло сквозняком, только на стенке под баннером темнело что-то непонятное. Глеб подошел, присел на корточки, потрогал пальцем это что-то, поддел ногтем, показал Рите небольшой темный комочек.

— Пуля калибра предположительно девять миллиметров...

— Почему девять? — перебила его Рита. Она уже все прекрасно поняла, только разум пока отказывался принять эту реальность и всячески ей сопротивлялся.

— То есть пуля — это для тебя нормально, — уточнил Глеб, — и тебя волнует только ее калибр? А то, что эти девять граммов могли оказаться у меня в пе-

чени, например, тебе пофиг?

Руки у него слегка подрагивали, лицо бледное, в глазах злость и испуг.

— Нет, — Рита разжала наконец пальцы, хотела встать, но ноги не слушались. Представила вдруг себе, чем могло все закончиться — Глеб стоял под баннером, дырка в стене чуть левее, и если бы бандит получше прицелился, то... Лучше об этом не думать.

— Это не воздушка, не газовый пистолет, это нормальный нарезной ствол, и эта сука им вполне уверенно пользуется. Такой опыт не пропьешь.

Раздались громкие голоса, шаги, в дверь постучали. Рита и Глеб глянули туда, друг на друга, Рита поднялась с места.

— Закрыто! — крикнула она, Глеб зажал пулю в кулак.

— Полиция, — донеслось с той стороны, — откройте.

Глеб кинулся к двери, шарахнулся назад и закрыл собой дыру в стене. Рита выбралась из-за стойки, кое-как доковыляла до двери, обернулась и махнула Глебу:

— Левее, еще, вот так.

Теперь дырка была надежно закрыта, Рита толкнула открытую дверь и посторонилась. В салон ввалились два полицейая в полной защите, в бронежилетах, шлемах и с «калашами»-«укоротами», за ними вошел невысокий тощий их командир с погонами капитана и жутко уставшим лицом. Бойцы разбежались по сторонам и шустро осматривали салон, капитан посмотрел на себя в зеркало и повернулся к Рите.

— Сообщили, что тут стрельба у вас, — он быстро осмотрелся, — что можете сказать?

— У нас ремонт, — очаровательно улыбнулся от стенки Глеб, — может, упало что-то, фиг знает. А соседи сразу бог знает что подумали. Да вы сами смотрите.

Он гостеприимно развел руками, а сам точно прилип к стенке, Рита тоже улыбалась, и получалось вроде бы вполне натурально. Бойцы в броне вернулись к двери, капитан прошелся по большому залу, оглядел коробки и ободранную стенку.

— Что тут у вас будет?

— Салон красоты, — сказала Рита, — стрижка, окрашивание, косметология, ногтевой сервис.

— Понятно. — Капитан показал на выход, бойцы моментально выскочили на улицу. Рита заметила напротив крыльца полицейский «уазик», рядом с ним прыгала та самая бабка в розовом халате.

— Вы уж потише, — сказал капитан и пошел к двери, — все-таки люди тут живут. Строительные и ремонтные работы должны проводиться в строго определенные часы, а в выходные шуметь вообще запрещено.

— Не вопрос, командир, — Глеб еще плотнее вжался в стенку, — передай, что мы извиняемся, если что не так. Шуметь не будем, обещаю.

Капитан кивнул и сбежал с крыльца. Рита закрыла за ним дверь, заперла на замок и привалилась к створке. Глеб присел на корточки около черной дырки на белой стене.

— Они завтра придут, — услышала Рита, — что делать будем?

Хороший вопрос, очень хороший. Они придут, это само собой, но платить им она не будет. И в конце концов, почему она должна решать этот вопрос? Ее

дело работать и приносить деньги настоящей крыше, а не этим ханурикам, пропахшим картошкой фри. Хотя у них есть оружие. Тем более это не ее дело.

Рита нашла в телефоне нужный номер, нажала вызов. Гудки длились как-то очень долго, потом раздалось настороженное «але».

— Мне Бондарь нужен, — капризно сказала Рита, — надо поговорить. Очень срочно!

Почти выкрикнула это срочно, с надрывом, с истерикой, так обычно визжала мать, когда требовала что-то невыполнимое: например, чтобы Рита завтра же вышла замуж, а послезавтра преподнесла ей двух чистеньких очаровательных разнополых внуков, чтобы было чем заткнуть рот подружкам. Вот и моя дочь не хуже, тоже замужем, и детки имеются, и уж получше ваших!

В трубке слышались голоса, Рите показалось, что этот некто, ответивший на ее звонок, говорит по другому телефону, потом куда-то идет, будто по вокзалу — такой фон вокруг, только что рейсы не объявляют. Потом резко тишина, неразборчивый женский голос неподалеку, снова тишина и резкое «слушаю».

— Почему я должна ему платить? — выкрикнула Рита. Глеб вздрогнул и повернулся к ней, покрутил пальцем у виска. Рита отбежала к окну и чуть не налетела на коробки, пнула одну и чуть не заорала от боли — внутри было что-то очень тяжелое. Глеб еще раз крутанул у виска пальцем и принялся заделывать чем-то дырку.

— Кому? — буркнул Бондарь. — Я ни хрена не понял.

— С какой стати Витя Северный требует от меня денег? — накручивать себя уже не требовалось, Рита орала во весь голос. — От него приперлись бандиты, угрожали мне, требовали денег, стреляли!

— Не ври, — оборвал ее Бондарь, — хорош выдумывать. Готовь бабки, твой платеж пятого числа.

— Я не могу! — завизжала Рита. — Мне нечем платить вам обоим! Разберитесь между собой, я не обязана знать всех бандитов в этом городе! Вернее, мне пофиг, кому, хоть Вите, хоть тебе, хоть Гончарову! Где он, кстати? Он мне денег должен!

Глеб с интересом смотрел на нее и, кажется, забыл про дырку. Рита поняла, что сболтнула лишнего, но было уже поздно.

— Разберись с этим Витей, я ему ничего не должна!

— Совсем обалдела, — прикрикнул Бондарь, — хорош придуриваться. Стреляли в нее... Пятого приедет мой человек, отдашь деньги ему.

И отбился, зараза, Рита врезала кулаком по стене и прикусила губу от боли. Вот так, крутись как хочешь, платить придется обоим. Непонятно одно — Бондарь не захотел за нее вписываться или этот Витя не существует и ее недавно пытались взять на гоп-стоп?

— Ну что, — Глеб законопатил дырку и любовался делом своих рук, — не надоело в бизнес-леди играть? Это тебе не ноготочки пилить или кино для взрослых снимать. Тут тебя прихлопнут и не заметят. Может, ну его на фиг? Продадим салон, бабки пополам и разбежимся. Или снова кино замутим, девок полно, на все согласны...

— Таких денег на кино не заработаешь, — Рита смотрела в окно. — Я все улажу.

Паника и злость пропали, схлынули, как дурной сон. Пока ясно только одно: Бондарь, скорее всего, не соврал, и за этими двоими никого нет, они сами

по себе, ловят рыбку в мутной воде. Но у них оружие, и это аргумент, как ни крути.

Зазвонил зажатый в ладони телефон, Рита посмотрела на экран. Выждала еще немного, отошла в сторонку и ответила.

— Обедать идем? — бодро поинтересовался Черников. — Выходи, я тебя в машине подожду.

Вот елки, а ведь правда уже перерыв. И они вчера договорились пообедать вместе, правда, сегодня все изменилось. Ну, не то чтобы все, но очень многое.

— Заканчивай тут, — сказала Рита Глебу, — а до завтра еще дожить надо. Я подумаю, что можно сделать. Позвоню вечером.

Рита пошла в обход, чтобы сделать вид, будто вышла из банка. Остановилась в сквере напротив остановки, поглядела по сторонам, потом на себя в зеркальце. Нормально, губы не трясутся, только лицо бледное и взгляд тревожный. Она улыбнулась своему отражению, и стало гораздо лучше, совсем уж беззаботный вид принять не получилось, но так тоже неплохо. «Ровер» стоял почти под слагбаумом, Черников помигал ей фарами, Рита села назад, и машина тронулась. Выехали на проспект, повернули, Рита смотрела в окно, Черников поглядывал на нее в зеркало на лобовом стекле. «Ровер» остановился на светофоре, красный горел слишком долго, народ брел по зебре как-то уж очень неторопливо, точно по парку, а не переходил проезжую часть. Черников постукивал пальцами по рулю, молчание делалось невыносимым.

— Сейчас расскажешь или сначала поедим? — Черников тронул машину с места, включил поворотник, и тот угрожающе затикал, будто вот-вот рванет. В зеркало можно не смотреть, Рита чувствовала на себе взгляд Черникова и собиралась с силами. Главное — говорить спокойно, никаких эмоций, никакой паники.

— К тебе приходили, звонили? — Черников свернул в слишком узкий для «Ровера» переулочек и аккуратно ехал мимо вереницы припаркованных машин, пристально смотрел на дорогу. Впрочем, про зеркало тоже не забывал, Рита перехватила его взгляд и решилась.

— Кто такой Витя Северный?

Она хотела сказать совсем другое, но вопрос вырвался сам собой. Машина дернулась, Черников обернулся.

— Кто? — он посмотрел на Риту. — Кто? Северный? Откуда ты его знаешь?

— Это он меня откуда-то знает, — Рита снова смотрела в окно. Получалось, что она лягнула нечто неприличное, что ли, чем шокировала Черникова до глубины его души.

— Обалдеть, — тот нашел наконец место и ловко припарковал машину, — вот это номер. Витя Северный, какая неожиданность. Пошли закажем что-нибудь, я с утра ничего не ел, даже чай выпить было некогда.

В этом месте Рита оказалась впервые, зал был очень большой и довольно темный. Плотные шторы на окнах не пропускали свет, но мрак был даже приятный. Со стен тепло светило множество круглых лампочек, точно гирлянда, огромные телевизоры бросали на столы и стены таинственные разноцветные пятна света от включенных экранов. И везде был спорт, на любой вкус и выбор: футбол, хоккей, баскетбол, бокс и даже керлинг, на самом дальнем от входа экране, правда. Народу было немного, ровный гул голосов не мешал, не раздражал, Рита скоро перестала его замечать.

— Ты уверена? — спросил Черников, когда сделали заказ. — Точно Витя Северный?

— Они так сказали.

Рита была уже мало в чем уверена, страх еще не отступил, и она всерьез раздумывала над словами Глеба. «Может, и правда послать все куда подальше? Продам салон, отдам Бондарю деньги, и пошли они все со своими разборками. И уеду отсюда...»

— Они? — Черников откинулся на стуле и пристально посмотрел на Риту. — Они, значит. Подробности будут?

— Сегодня пришли двое, потребовали заплатить Вите Северному, сказали, что мой салон находится на его территории.

— Прекрасно, — Черников потянул за узел галстука, — просто прелестно. Ты отказалась, и что дальше? Они угрожали, пугали, предъявляли аргументы?

— Они стреляли.

Черников оставил галстук в покое и выпрямился. Рита не знала куда деться под прямым требовательным взглядом, смотрела то по сторонам, то на огромный экран, где мяч летел в кольцо и здоровенный негр колотил себя кулаками в грудь. Черников молчал, и Рита не выдержала:

— Да, стреляли, из пистолета калибра девять миллиметров, едва не прострелили Глебу печень.

— Это твой педик из Голландии? — уточнил Черников. Рита вцепилась себе в волосы на макушке и так застыла.

— Да. Это что-то меняет? Лучше бы в меня стреляли, да?

Черников бесстрастно смотрел куда-то мимо нее, на другой экран. Там на ринге руками и ногами дрались два мужика, зал бесновался, зрители явно требовали крови.

— Девять миллиметров — это аргумент, — протянул Черников и умолк, пока официант расставлял на столе тарелки. От одного взгляда на салат затошнило, но Рита принялась за еду. Черников сосредоточенно жевал и не отводил от дальнего экрана глаз, точно забыл про Риту.

— Мы пулю из стенки вытащили, — сказала она, — потом менты приехали, их соседи вызвали. Но все обошлось.

— Ты уверена, что эти отморозки приходили от Вити Северного? — оборвал ее Черников. Рита швырнула вилку на стол.

— Нет, я глухая и тупая овца, я ничего не слышала и не поняла, — прошипела она, перегнувшись через стол. — Я похожа на тупую курицу? Похожа?

Черников отодвинул свою тарелку и подозвал официанта.

— Девушке вина принесите, я покурю пока.

И выбрался из-за стола, пошел к выходу.

— Курить вредно, — бросила ему вслед Рита и с ненавистью посмотрела на свой салат, точно он был всему виной.

— Вам какое? — вежливо поинтересовался официант.

— Красное, — огрызнулась Рита, — самый большой бокал тащи.

Официант быстро вернулся с огромным бокалом темно-рубинового вина, запах был довольно приятный, вкус тоже не подкачал.

— А пить полезно. — Рита пересела на место Черникова и стала смотреть бокс. Мужики били друг друга самоотверженно, с упоением и полной самоотдачей, на сосредоточенных физиономиях обоих было полно крови. Не то что-

бы это было неприятное зрелище, но уж не противное — точно.

— Ну как? — вернулся Черников и сел рядом с Ритой, задвинул ее к стенке и тоже уставился на экран.

Рита вжалась в угол и допивала свое вино, Черников быстро переговорил по телефону и расплатился.

— Поехали. — Он подал Рите руку, та мрачно глянула на него, на протянутую ладонь, поставила пустой бокал на стол и поднялась с места. Ноги вдруг подкосились, пол поехал вбок и вниз, Черников обнял ее за талию и прижал к себе.

— Спокойно, — услышала Рита как сквозь туман, — сейчас отпустит. Это нормально, так бывает, так должно быть. Пошли, пошли, вот так, молодец.

Он буквально вынес ее к машине, на них смотрели и даже оборачивались, Рите было стыдно и жутко одновременно: во-первых, все подумали, что она алкашка и нарезалась до того, что идти не может. «Как Руснакова», — воспоминание колыхнулось где-то на краю сознания и сразу исчезло. Больше волновало во-вторых: как с одного бокала вина можно прийти в такое неменяемое состояние? Или туда что-то подмешали, снотворное, например, как Женька хотела?

Звонил где-то телефон, но Рита даже не пыталась его найти. Черт с ним, пусть звонит, может, это Ирка или Юлька ее потеряли, или Глебу что-то понадобилось. Подождут, пошли они все куда подальше.

Она пришла в себя в машине, «Ровер» стоял на пустой парковке у парка. Тут было хорошо и тихо, березы и липы сбрасывали листву, она красиво ложилась на дорожки и приятно шуршала под сильными порывами ветра. Черников курил около машины, через открытые окна в салон попадал дым. Рита отмахнулась от него, Черников отбросил окурок и сел за руль, повернулся к Рите.

— Ну вот, а ты не верила, — он смотрел на нее как врач, изучающе и пристально.

Рите стало не по себе, она отвела взгляд и застегнула куртку, вцепилась в ворот обеими руками. Черников поднял стекла, в машине стало тихо, ветер остался снаружи.

— Это шок был, — услышала Рита, — это нормально. Полегчало?

— Ужас какой, — Рите было очень стыдно, — я так напилась... Позорище.

Черников без улыбки смотрел на нее, и Рите уже не хотелось отводить взгляд, огрызаться или говорить гадости. Просто сидеть бы вот так дальше, в теплой машине под серым небом на пустой парковке и смотреть друг на друга, в тишине, под шорох мелкого дождика.

— Ты как с ними договорилась?

— Они завтра за деньгами придут. — Рита принялась терзать молнию на сумке, открывала-закрывала ее, руки снова дрожали, стало холодно, точно начался озноб. Черников накрыл ее руки ладонью, Рита замерла, не поднимая головы.

— Я дам тебе людей, — сказал Черников, — это хорошие специалисты, я сам их отбирал. Они помогут.

— А у них оружие есть?

Черников сжал ей пальцы:

— Разберемся. Во сколько они припрутся?

— Без понятия, — Рита не двигалась, не убирала руки, — они не сказали. Но завтра точно заявятся.

— А сегодня как было?

Глаза закрывались сами собой, голову тянуло вниз. Через закрытые окна в машину непонятно как затянуло туман, сквозь него было плохо видно. Да и слышно тоже неважно.

— Ритка, Рита, не спи, — тормозил ее Черников, она кое-как справилась с собой и подняла голову. — Ну, сосредоточься, — улыбался ей Черников, — давай, вспоминай.

Чего там вспоминать, это было несколько часов назад.

— Мне позвонили, — сказала Рита, — Глеб позвонил...

— Педик, — уточнил Черников, — из Амстердама.

— Ну да, да, — Рита еще раз мысленно извинилась перед Глебом, — он ремонт делает, даже не ремонт, а так, перестановка. Эти приперлись, потребовали денег, Глеб позвонил мне, я пришла. Дальше ты знаешь.

Черников отпустил ее руки и завел машину, сдал назад. «Ровер» тяжело разворачивался на парковке, выехал на дорогу и рванул вперед, парк с березами и липами пропал из виду.

— Завтра, как только они объявятся, сразу звони мне, — сказал Черников. — Позвонишь — и никуда не ходи. Я тебе потом все расскажу. Договорились?

— Хорошо. — Рита нашла в сумке телефон. Два пропущенных с незнакомого номера, может, это снова те двое. Хотя утром они звонили с другого, но это ничего не значит.

— Отлично, — Черников сбросил скорость, повернул, и тяжелую машину занесло, Рита ухватилась за ручку на двери. — А сейчас давай домой, я скажу Шумилиной, что ты заболела.

— Ты скажешь?

Их взгляды снова встретились, Рита глаз не отводила, Черников смотрел на нее в упор.

— Да. А что такого?

— Ничего.

— Вот и я говорю, что ничего. Твои бездельники полдня и без тебя обойдутся.

Дома она первым делом перезвонила, но сначала не ответили, а потом нарывалась на автоответчик. Посидела в кухне, не включая свет, позвонила Глебу.

— Нормально все, — устало доложил тот, — почти все готово. Диваны твои на месте, шторы, и есть место, где девкам задницей покрутить. Нормальный такой бордель получился, осталось только тут прибраться. И можно звать гостей.

— Завтра придут, — усмехнулась Рита, Глеб нервно фыркнул.

— Бабки нашла?

— Нашла, нашла, — успокоила его Рита, — не волнуйся. Завтра сразу звони, я подойду. Стрелять они больше не будут, мы им живые нужны.

— Тьфу, тьфу, тьфу, — Глеб демонстративно сплюнул и отбился. Рита так и сидела в темноте, смотрела на тени, что скользили по потолку. Голова еще немного кружилась, но в остальном было все хорошо. Черников прав, вино ни

при чем, это стресс и эмоции. И все пока позади, завтра все решится.

Телефон зазвонил, заерзал по столу, Рита поймала его на краю. Звонили с того же незнакомого номера, голос тоже был незнакомый.

— Мне вас рекомендовали, — уверенно заявил заметно картавый голос молодого, судя по интонациям, и резкого мужика. — Нам с партнерами надо поговорить, организуйте все, мы заплатим, как положено. Завтра вечером, часов в семь будет нормально.

— Сколько вас?

— Четверо, — помедлив, отозвался картавый.

— Конечно, — улыбнулась Рита, не сводя глаз с переплетения теней на стенах и потолке, — жду вас завтра к семи. Девушки будут чуть позже.

И от души понадеялась, что к семи вечера завтрашнего дня проблема с Витей Северным будет решена окончательно, фактически раз и навсегда. Уснуть в ту ночь не получилось, она крутилась до трех, потом слонялась по квартире, пыталась смотреть фильм, но бросила, снова легла. Мысли о предстоящем не давали покоя, Рита перебрала в голове множество ситуаций: а если бандиты не позвонят и вечером все сорвется? Придется отказываться, извиняться, а это урон репутации, ее трудно заработать и легко потерять. А если эти отморозки начнут стрелять с порога — у трупа гораздо легче забрать деньги, чем у живого человека, верно? А если Черников забудет про свое обещание? А если...

От этих «если» жутко разболелась голова, пришлось искать таблетки. То ли в темноте перепутала, то ли усталость свое взяла, но Рита проспала и начало рабочего дня, и Иркины звонки, аж три штуки, начиная с половины десятого утра. Пришлось перезванивать.

— Заболела, — без зазрения совести соврала Рита, — голова, горло болит, температура. Отсижусь сегодня, завтра к врачу пойду, если лучше не станет.

— Лечись, лечись, — заботливо сказала Ирка, — ты нам нужна здоровая.

— И живая, — донесся Юлькин голос, Рита усмехнулась. Коллеги так трогательно о ней заботились, что стало немного стыдно.

— Анька бабу похоронила, — сообщила Ирка, — завтра на работу придет. Анька в смысле. Мы ей деньги сами отдадим, если ты не выйдешь. Ты не против?

— Конечно, — Рита была совсем не против, — можешь ей хоть сейчас на карту кинуть.

— Точно! — обрадовалась Ирка. Эта простая мысль почему-то не пришла ей в голову, и на это были причины. Ирка резко посерьезнела и понизила голос: — По банку рассылка была — вклады не выдавать, только по записи и только по сто тысяч в день. В допофисах охрану усилили, боятся вкладчиков.

Вкладчики — страшная сила, Рита это знала хорошо. На одном семинаре им рассказывали о последствиях отзыва лицензии у небольшого банка с филиалами на северных территориях. Там так же начиналось: сначала вклады отдавали по записи, в порядке очереди и копейки, если учесть, что на счетах у многих лежал не один миллион. Потом прекратились операции по картам — почти месяц валили на dos-атаку, а потом Центробанк прекратил агонию отзывом лицензии. Так вкладчики побили стекла в отделениях и охрану заодно и сожгли пару банковских машин.

— Фиговые дела, — подвела Ирка итог, — придется нам на биржу труда идти. Ты не знаешь, где это?

— Без понятия, — Рита быстро распрощалась с Иркой. И без нее на сегодня полно дел. Но было в новостях и приятное — Рита от души порадовалась, что успела вынести деньги из кабинета. Надо бы забрать их, перепрятать в более надежное место, чем дыра в стене старого дома, пусть и под крылом химеры. Рита собиралась и поминутно смотрела на часы. Вчера бандиты нарисовались где-то в районе полудня, до него чуть меньше часа. Нервы были уже ни к черту, Рита психовала от каждого резкого звука и едва сдержалась, чтоб не заржать, когда со стола упала маленькая ложка. Рита швырнула ее в мойку и позвонила Глебу.

— Тихо пока, — отозвался тот, — припрутся, не сомневайся. И не психуй, я сам боюсь. Вдруг они с порога палить начнут.

— Не начнут, — попыталась успокоить его Рита.

— Или не с порога, дверь сначала закроют, — согласился Глеб. Пообещал звонить сразу, как только отморозки заявятся, и отбил.

Рита выдернула зарядку из телефона, бросила его в сумку, оделась. Постояла немного на пороге, глядя на дверь, и развернулась. В кухне за рядами банок и коробок лежал толстенький конверт с наличкой, Рита высыпала содержимое на стол, пересчитала. Здесь как раз та сумма, что вчера запросили бандиты за покровительство Витьки Северного, едва ли не в два раза больше того, что она должна платить Бондарю. Рита убрала деньги в конверт, положила его в сумку и вышла из дома. Погода дрянь, совсем не для прогулок: мелкий дождь и холодный ветер порывами налетали со всех сторон, с деревьев сыпались мокрые листья и прилипали к зонтику. Рита быстро дошла до банка, но миновала его по другой стороне дороги, перебежала дальше, у поворота, и оказалась на узком тротуаре. Тут начинался тот самый забор и ворота, о которые она дорвала плащ, вылезая с огороженной территории.

Старый дом был отсюда хорошо виден, облетевшие клены почти не скрывали его, химера на крыше сама походила на растопыренный кленовый лист, казалось, дунь на нее — и улетит. Рита прошла вдоль забора и сквозь щели в листьях рассматривала территорию. Вроде никого на первый взгляд, с той стороны пусто, только накопились перед крыльцом огромные лужи, а кучи песка и мешки завалили листья. Очень хотелось добежать до черного входа-портала, промчаться мимо чудесной кованой лестницы в большой разгромленный зал и проверить в дальней слева от входа колонне — все ли там в порядке. Вряд ли, конечно, кто-то будет прицельно искать именно там, если только не следил за ней той ночью. Но в доме она была одна. Кажется, одна. Или не одна?

Зазвонил телефон, Рита дернулась и едва не столкнулась с толстым юношей, что лопал шаурму на ходу и смотрел в смартфон. Юноша прошипел что-то, уронил кусок еды на асфальт, снова чертыхнулся и двинул дальше. Рита выхватила из сумки телефон — звонил Глеб.

— Ну че, — донеслось из трубки, — платить будешь или как? Хочешь, чтобы мы твоему дружку уши отрезали или еще что-нибудь, самое дорогое?

Кто-то рядом заржал, послышался спокойный голос Глеба. Рита вдохнула глубоко, задержала дыхание, выдохнула.

— Я уже иду, деньги со мной. Мне надо десять минут.

— Пять, — бросили из трубки, — две уже прошло.

Понеслись короткие гудки. Рита сжимала телефон в дрожащих руках и

прикусила губу, чтобы успокоиться. Ничего они Глебу не сделают, он мастер спорта по боксу, он им морды легко разобьет. Но их двое, у них оружие, пистолет калибра девять миллиметров.

И кинулась к салону со всех ног, выскочила на дорогу, промчалась перед затормозившей в последний момент «Маздой», побежала дальше. Снова визг тормозов, вопли и проклятья на ее голову, потом какая-то белая иномарка окатила Риту водой из лужи.

— Дура, глаза разуй! — донеслось из окна, Рита выскочила на тротуар и кинулась по мокрой траве газона. Ноги вязли, кроссовки моментально промокли, сердце колотилось где-то в горле, Рита чуть сбавила шаг, чтоб перевести дух, и тут сообразила, что забыла позвонить Черникову. Тот ответил моментально.

— Они в салоне, — Рита старалась говорить спокойно, пыталась улыбаться, но выходило неважно.

— Я понял, — отозвался тот, послышался тихий стук и звуки шагов. — Ты все помнишь?

— Да, — Рита еще раз вдохнула-выдохнула, пригладила волосы.

— Я перезвоню.

Он отбился, Рита побежала к салону. Та же иномарка стояла напротив дверей, только на этот раз двери закрыты, музыки тоже не слышно. Рита влетела на крыльцо, осмотрелась. «Может, не надо?» — крутилось в голове. Черников же обещал помочь, он сейчас приедет, с ним будет еще кто-то, и проблема решится. Или не приедет? Ирка говорила, что в допофисах усилили охрану с сегодняшнего дня и Черникову некогда? И он просто так сказал, чтобы она не лезла в разборки?

Минута, две, три — Рита все глядела по сторонам, но «Ровера» не видно, рядом вообще никого не было. Зато из салона послышались громкие голоса, потом матюки, потом что-то зазвенело, довольно сильно. Рита дернула дверь на себя и ворвалась в салон.

Круглый столик валялся на полу, зеркало над ним пересекала ломаная трещина, на полу валялись мелкие осколки. Глеб облизывал костяшки пальцев, пропахший фастфудом юноша повернулся к Рите. По его подбородку расплзлось красное пятно.

— Опаздываешь, — раздалось из зала. Второй с вовсе уж зверской рожей показался в дверях. Он распахнул свою вонючую кожанку, на поясе висела открытая кобура, из нее торчала рукоять пистолета.

— Я принесла деньги, — Рита принялась копаться в сумке.

— Как это мило, — еле слышно отозвался Глеб. Руки задрожали, конверт выпал обратно, Рита кое-как подцепила его негнуцимися пальцами и бросила на стойку.

— Посчитай, — распорядился бандит, не двигаясь с места. Жирный юноша вывалил деньги из конверта, бросил его на пол и сгреб купюры. Рита наблюдала за ним, с трудом скрывая желание выцарапать ему глаза. Ради этого она работала, рисковала, чтобы какая-то жирная сволочь хватала ее деньги?

— Настоящие? — ухмыльнулся жирный, показав желтые зубы. — Сама рисовала?

— Ага, — вырвалось у Риты, — для тебя старалась, всю ночь.

— Ночью другими делами надо заниматься, — небритый так и стоял в две-

рях, сунув руки в карманы, — или приласкать некому? Так ты только скажи...

Дверь открылась, вошли двое. Одного Рита узнала сразу, тот самый высокоченный блондин, что выпроваживал ее недавно из банка, второго она видела впервые. Чуть ниже ее ростом, с бородкой на остром лице, он вошел первым. Жирный бросил деньги на пол, небритый потянулся к пистолету.

Высокий парень легко сдвинул Риту себе за спину, Глеб моментально пропал из виду.

— Стоять! — заорал кто-то из бандитов, и Рита не видела, кто именно. — У нас ствол, валите на хер!

Тот, что с бородкой, вдруг исчез, будто и не было его, просто сгинул с глаз долой. Высокий оттолкнул Риту к двери, перехватил руку жирного и неожиданно легко швырнул его на пол. Звук был, точно селедку уронили, вот очень похоже, здоровенную мокрую селедку, та рыпается, бьет хвостом, но ей уже плавники чуть ли не с корнем вывернули и давят коленом в хребет.

— Лежи, или морду разобью. — Высокий парень мельком глянул на Риту и еще сильнее придавил жирного коленом между лопаток. Тот оказался сообразительным и больше не шевелился, лишь смотрел на Риту безумными глазами. Из зала донесся еще крик, звуки ударов, потом по полу с грохотом проехал пистолет, закрутился и уткнулся в плинтус, издали послышался тихий нехороший хруст. Открылась дверь, и в салон вошел Черников.

В костюме и новой рубашке, в ней его Рита еще не видела, серьезный, спокойный, он мельком глянул на нее, на Глеба — тот отсиделся за стойкой, шагнул вперед и придавил ботинком пистолет. Высокий поднялся, дернул за шкурку жирного, тот завозился на полу.

— Мёрлок, что у тебя? — Черников заглянул в зал.

— Не волнуйся, командир, — раздался невнятный голос, — порядок. Зря ты не сказал, что посторонние тут будут, я бы по-другому все сделал.

Черников повернулся к Рите.

— Ждите там.

Он показал в сторону коридора. Спорить или возражать Рита не решилась, подобрала деньги и вслед за Глебом прошмыгнула мимо высокого парня и стоявшего на коленях жирного в проход. В зеркале увидела отражение второго бандита: тот лежал ничком и крутил разбитой башкой, на полу была кровь. Черников вытащил из кармана бумажную салфетку, бросил ее на пистолет, подобрал. Глеб дернул Риту за рукав, и они оказались в тупике около двух дверей.

— Охренеть, — Глеб ошалело смотрел на Риту, — вот это монстры. С одного удара челюсть сломать. Зверюга просто. Ну и дружки у тебя.

— Это из банка. — Риту колотило от страха, она скомкала деньги и распахивала их по карманам. Несколько купюр выпали, Глеб присел на корточки, Рита тоже, и они стукнулись лбами.

— Хороший банк, — Глеб кусал губы, — очень хороший. Может, мне там вклад открыть?

Он запихнул деньги Рите в карман.

— Не советую. — Она схватила Глеба за руку, они посмотрели на поворот коридора. Послышался звук удара, потом еще один, потом еще, заорал, кажется, жирный, второго Рита не слышала.

— Витя Северный, значит? — заговорил Черников, потом что-то лязгнуло

металлом о металл, и это был довольно приятный звук. — Разве не его в девяносто пятом около бани на Рабочке пристрелили? Из «калаша» очередями, когда он свой юбилей отмечал, тридцать лет? Воскрес, что ли?

— Мы ошиблись, — слышался неуверенный голос, — извините.

— Критическая ошибка, — спокойно сказал Черников, и снова зазвенел металл. — Кто вас прислал?

Раздался тяжелый стук, будто кто-то теперь раскладывал этот металл по стеклу, по стойке, например, или по низкому круглому столику. Рите очень хотелось посмотреть, что там делается, но что-то подсказывало, что сейчас ей лучше не высовываться.

— Сиди, — Глеб точно читал ее мысли, — у твоего дружка рука тяжелая, я помню. Он точно в банке работает? Я банкиров как-то по-другому представлял.

— Мы сами, — человека будто держали за горло, или рот у него был забит ватой или чем-то вроде того, — мы только денег взять хотели. Ничего бы ей не сделали...

— Бегом отсюда, — распорядился Черников. — Увижу в городе — закопаю. Валите.

Глеб перекрестился, слышались быстрые шаги, грохнула дверь. Глеб выглянул из-за угла, потом вышел, посторонился, пропустил Черникова. Тот влетел в тупик, покрутил головой, увидел Риту, остановился.

— Я там уберу, — попятился Глеб и пропал бесшумно. Черников подошел к Рите, толкнул дверь за ее спиной.

— Педик, говоришь? — Черников обернулся. — Ну допустим. А нормальный такой бордель у тебя.

— Это не бордель, — Рита отступала, Черников шел прямо на нее. Правый карман его пиджака странно оттянулся, будто там лежало что-то тяжелое.

— Нормально, — повторил Черников. — Почему берешь за услуги?

— Я не работаю. — Рита оказалась прижата к стенке. Дальше отступать было некуда, Черников захлопнул дверь и оказался напротив Риты. Она смотрела ему в глаза и не могла оторваться, точно гипноз, как наваждение — ни двигаться, ни говорить не было сил.

— Ну девушки-то у тебя тут есть. — Черников взял ее за подбородок и приподнял голову, сгреб волосы на затылке в ладонь.

— Тебе какие нравятся — рыжие, блондинки, темненькие?

Язык заплетался, перед глазами все плыло. Черников наклонился к ней.

— Умные есть? И непослушные.

— Странный выбор...

Черников не дал ей договорить, поцеловал ее, Рита отвечала, голова кружилась, стало вдруг темно, и в темноте мерцали золотые искры. Черников залез ей под футболку, руки были теплые, но Риту бросало в дрожь. Она приподнялась на носки, обхватила его обеими руками, прижала к себе крепко, насколько хватило сил, и тут в коридоре слышались голоса и звуки шагов. Черников отпустил Риту, открыл дверь, сказал что-то негромко, вышел. Рита заметила в коридоре Глеба и бородатого парня, он быстро отступил, Черников скрылся следом. Глеб пристально посмотрел на Риту, оглядел ее с ног до головы, Рита поправила одежду и тоже вышла в коридор. Бородатого уже не было, Черников стоял у входа.

— Работай спокойно, — сказал он, — это залетные были.

— В смысле? — не понял Глеб. Черников коротко глянул на него, потом на Риту.

— Я позвоню.

И вышел, в приоткрытую дверь Рита заметила, как «Ровер» разворачивается на дорожке, а серой иномарки нет. Дверь закрылась, глухо рыкнул двигатель, и все стихло. Глеб посмотрел на Риту, она отвернулась, осмотрелась. На полу темнело большое, кое-как затертое пятно, разбитое зеркало стояло у стенки, в остальном все было в порядке. Мебель, правда, была сборная, зато шест для танцев новенький и приятно блестел. Рита крутанулась вокруг него, Глеб показал ей большой палец.

— Нравится?

— Пойдет. — Рита прошлась по салону. Ей почти все нравилось, особенно шторы, они идеально подходили к темно-серым стенам, правда, кое-где ободраным. Но невозможно в такой короткий срок навести идеальный порядок, да и клиенты тут не особо привередливые, как она успела заметить. — Пойдет. — Она вернулась к стойке у входа.

Пятно на полу подсохло и было уже не так заметно, но все же бросалось в глаза. Дырку от пули вообще не видно, особенно если не знать, куда смотреть.

— Позвони Текиле и Мелиссе, — сказала Рита, — пусть готовятся сегодня к семи. И еще кого-нибудь на твой выбор. И музыка нужна.

— Будет исполнено, — Глеб издевательски поклонился ей, — еще приказы будут?

— Деньги пополам, — напомнила ему Рита, Глеб перестал ернически улыбаться.

— Организую в лучшем виде, — пообещал он.

Рита пошла домой и по дороге не раз ловила себя на том, что глупо улыбается, вот просто по-идиотски, и ничего не могла с собой поделаться. И тут навалилась такая усталость, вот реально, будто мешок с песком на спину взвалила. Дома она легла, положила рядом телефон и проспала весь дождливый день, до самого вечера. И едва не опоздала к семи, прибежала за несколько минут до прихода «гостей».

Они немного опоздали, в четверть восьмого в салон ввалились четверо здоровых молодых мужиков. Все трезвые, серьезные, со смартфонами и ноутбуками, одеты обычно — на бандитов они ничем не походили. Правда, у молодого мужика с длинной рожей и залысинами надо лбом имелась татуировка на пальцах, но и только, остальные ничем не отличались от людей из толпы. Правда, вещи у них были довольно дорогие, те же джинсы, например, или кроссовки.

— Куда нам? — картаво поинтересовался гость с татуировкой. Его лицо Рите показалось знакомым, но никак не удавалось вспомнить, где она его раньше видела. Картавый мужик держал под мышкой большую плоскую сумку, что-то вроде портфеля, довольно тяжелую по виду. И поглядывал то на экран смартфона, то на Глеба, что с улыбкой вышел из сумрака коридора и остановился рядом с Ритой.

— Вот сюда, — она показала в сторону большого зала, — вам там будет удобно.

Компания двинула туда, гости завалили стол гаджетами, трое уселись на

диване, один, круглолицый, с ухоженной бородкой, даже попрыгал на нем, потом посерьезнел и открыл ноут.

— Если что-то понадобится... — Рита не договорила. В салон влетела Мелисса, вся в черном, с обычным сногшибательным декольте, за ней проскользнула гибкая Текила, вся в облегающе-блестящем, потом прокралась Пума. Текила метнула на Глеба испепеляющий взгляд и отвернулась.

— Привет, — Мелисса осмотрелась, — ух ты, как классно все сделали! А это... вау!

Она кинулась к шесту, ухватила за него рукой и принялась крутиться во все стороны, поджав колени, запищала от восторга. Мужики замерли за столом, их точно вкопали в диван, третий, наголо бритый очкарик с дорожными швейцарскими часами, аж привстал, его дернул за пиджак круглолицый — ему было плохо видно.

— Отойди, — Текила отодвинула Мелиссу, взялась за шест, прошла вокруг, волнительно размахивая бедрами, обхватила шест согнутой в колене ногой, повернулась и буквально взлетела чуть ли не к потолку, развела ноги и плавно съехала вниз. Перевернулась боком и встала нормально, поправила волосы. На Глеба она даже не взглянула, тот пялился на нее исподлобья и даже малость побледнел.

— Вы мешаєте, — Рита поманила девок к себе, — выйдите пока.

— Не надо! — хором крикнули мужики. — Пусть сидят! Выпить есть? А музыка?

Все было в наличии. Глеб достал виски, хотел разлить, но Мелисса отобрала у него бутылку и стаканы.

— Мы сами, — она почуяла добычу и вся аж светилась: клиентуру она всегда чувствовала хорошо, и тут пахло неплохими деньгами за вечер.

— Хорошо, хорошо, — Рита придержала ее за локоть, Мелисса недовольно обернулась. — Прыть сбавь, — улыбалась ей Рита, — ты на работе. Иди к ним, наливай, танцуй — все, что угодно, лишь бы они были довольны. И слушай, о чем будут говорить, потом мне скажешь. Остальным тоже передай.

— Подслушивать? — скривила Мелисса идеально накрашенную физиономию. — Я тебе кто? Ты меня за кого держишь?

— За сведения добавлю треть к обычному тарифу.

Рита отпустила ее, Мелисса взмахнула бутылкой и отошла. Рита посмотрела ей вслед: девка разлила мужикам по стаканам выпивку, поулыбалась, посветила прелестями и пошла к своим. Быстро шепнула им что-то на ухо, те сначала насторожились, потом Пума засмеялась. Мужики дружно накатили и уткнулись в ноутбук. Рита закрыла дверь.

— Супер, — сказал Глеб, — ты королева этого борделя. Прямо как родилась для этого. Может, мне тоже выпить?

— Ты на работе вообще-то, — напомнила ему Рита, прислушиваясь к звукам за дверью. Там становилось весело, вискарь делал свое дело, скоро дверь открылась раз, другой, а потом вообще перестала закрываться. Девки шастали туда-сюда, мужики немного побычили друг на друга, поорали матом, разбили два стакана, потом картавый закрыл ноут, усадил Мелиссу на диван и полез ей под юбку. Мелисса визжала и прижималась к своему кавалеру, мужик в очках следил за Текилой, что змеей скользила по шесту, трогал ее за разные части тела и допивал виски. Пума куда-то подевалась, как и щекастый юноша.

Телефоны, ноут и портфель валялись на столе, на них никто не обращал внимания.

Текила отобрала у мужика стакан, допила виски, взяла кавалера за руку, невзначай коснувшись обалденных часов, и повела за собой. Прошла мимо Глеба, не глядя на него, пропала в темноте коридора.

— Я тебе точно тут нужен? — страдал Глеб. — Все спокойно, мужики тихие: накидались, сейчас потрахаются и свалят. Их там две машины ждут, водилы обкурились уже. Я пойду?

— А убирать тут кто будет? Впрочем, если тебе деньги не нужны, я и сама могу. Топай, пожалуйста.

Глеб мужественно терпел и остался до самого конца. Первой из зала вышла недовольная Мелисса, от ее радости и следа не осталось. Она подошла к Рите, отвернулась и выпятила нижнюю губу.

— Про «Астру» какую-то говорили, — еле слышно выдала она, — что ее Игошину отдают, это вон тот, «р» не выговаривает. Он еще завод с трубами хотел, но ему сказали, что руки короткие и его Бондарев какой-то заберет. Деньги давай.

Рита отдала ей оговоренную сумму, Мелисса вызвала себе такси и ушла. Потом выплыла невозмутимая Текила, покрутилась перед зеркалом, подозвала к себе Риту.

— Все торговые центры и рынок моему клиенту отдали, он с них бабки брать будет. Он еще трубный завод хотел, но его отговорили.

«Какой еще завод?» Рита никак не могла сообразить, о чем речь. В городе были когда-то заводы, но в основном оборонные, они давно умерли и развалились, и вряд ли Бондаря заинтересовало бы производство оптики для подводных лодок, например, или патронов. Хотя вот это запросто...

Рита заплатила ей, и Текила ушла. Глеб в это время смотрел в смартфон и делал вид, что ничего не замечает. Потом подтянулись мужики, от них разило перегаром, они перешептывались, часы у очкастого были на месте, глаза блестящие. Он свалил первым, оставил денег больше, чем договаривались, как и круглолицый юноша. Он нарисовался из темноты, зачем-то отозвал Риту в сторонку и вручил ей деньги.

— Очень понравилось, — сказал он взволнованно, — удобное тихое место, красивые девушки и прелестная хозяйка. Я буду вас рекомендовать с вашего позволения. Тут очень удобно, очень.

И тоже сгинул, только с улицы донесло гул двигателя. Появилась Пума, она на ходу застегивала платье и все никак не могла справиться с молнией на спине. Рита помогла ей. Пума покрутилась перед зеркалом.

— Мой со строителей будет бабки стричь, — сказала она, — уже договорились. Все новостройки его, и если кто магазин захочет построить, то ему надо будет платить. Деньги давай.

Она забрала свое и ушла, Рита прислушивалась к звукам из коридора. В душе лилась вода, потом стало тихо, потом показался картавый мужик. Он будто и не пил, был собран, деловит, забрал свой ноут, открыл крышку, закрыл и подозвал к себе Риту.

— Такое дело, — голос у мужика был хоть и картавый, но приятный, музыкальный, что ли, — мне вас рекомендовал один... проверенный, скажем так, человек. Маргарита, верно? Я Колодин Михаил, у меня сеть строительных

фирм в городе.

Рита вспомнила, где видела его раньше — в местных новостях. Этот Колодин строил дома, вернее, как строил: брал деньги за не существующие еще квартиры, а потом банкротил свои конторы, дольщики оставались ни с чем. Были даже митинги по этому поводу и обращения в прокуратуру, но Колодин непостижимым образом держался на плаву и продолжал грабить людей как ни в чем не бывало. Рита улыбнулась ему, пытаясь сообразить, к чему тот клонит. Уж явно не предложение интимного характера будет делать, Мелиссы ему за глаза хватит. А что тогда?

— Попрошу вас об одолжении, — Колодин явно торопился, у него уже несколько раз принимался звонить телефон, и мужик несколько раз скидывал звонок.

Рита продолжала улыбаться, радуясь, что Глеб еще здесь. Хочется верить, что еще до одной лужи крови или дырки в стене не дойдет.

— Попрошу вас, — Колодин чертыхнулся: снова загудел вызов, нервно и противно, точно сирена. — Оставьте это пока у себя. — Он покосился на экран, сунул дрожащий телефон в карман джинсов и подал Рите портфель. Она еле удержала его в одной руке, пришлось перехватывать обеими. — Это ненадолго, я заберу через неделю или две. Вот, возьмите за вечер и за беспокойство.

Он подал Рите пачку купюр, перехваченную банковской лентой, и буквально вылетел за дверь.

— Аллилуйя, — обрадовался Глеб, — мы свободны. Мою долю сейчас отдашь или я завтра заберу?

Рита сорвала ленту с пачки, поделила ее пополам и отдала одну часть Глебу. Тот развернул деньги веером, поцеловал их и сразу спрятал во внутренний карман куртки.

— А это что? — Глеб смотрел на портфель.

— Без понятия. — Рита поставила его на пол. Затренькал мобильник на стойке, Глеб кинулся туда, Рита присела на корточки и открыла портфель. Он оказался доверху набит деньгами, пачками в таких же банковских лентах, крупные купюры лежали плотными рядками, их было так много, что у Риты перехватило дух. В сумке за старой кирпичной стеной было гораздо больше, но тут тоже огромная сумма.

Глеб закончил говорить, прощался с кем-то, Рита закрыла портфель и небрежно оставила его в сторонку.

— Бумаги какие-то, документы, — сказала она Глебу. — Устроили тут камеру хранения.

— Процент бери за конфиденциальность, — предложил Глеб. — Ну иди уже, я уберусь тут и все закрою.

— Я сама, — оборвала его Рита, — ты же куда-то торопился.

Глеб моментально свалил, Рита осталась одна. Она схватила портфель, огляделась: прятать его было некуда, не в диван же запихивать, в самом деле. В коридоре тоже места нет, шкафы чисто декоративные, створки стеклянные, все на виду. В комнатах — она по очереди заглянула в каждую — ни тайников, ни сейфов не предусмотрено, хоть специально стенку долби, причем немедленно. «Домой забрать?» Руки затекли, портфель сделался вовсе уж неподъемным, Рита держала его из последних сил. И тут зазвонил ее телефон, и этот звонок она не пропустила бы ни за что в жизни.

— Как ты? — сквозь зубы спросил Черников и глубоко вдохнул.

— Курить вредно, — Рита с ногами уселась на диван и любовалась на роскошные красные шторы.

— Я устал, — сказал Черников, — очень устал. Очень хочу спать. И есть тоже. Может, сходим куда-нибудь?

— Сейчас? Уже первый час ночи?

— Да ладно... Я и не заметил. Не разбудил?

— Ну так, — Рита вскочила: в голову ей пришла отличная мысль, и ее следовало немедленно проверить. Она выбежала в коридор, повернула и остановилась перед душевой. Тут имелась еще одна дверь в каморку, крохотную, одному не развернуться, с коробками, ведрами и тряпками, а также всякой «бытовухой» для наведения порядка. Стеллаж справа был завален разным барахлом, Рита приподнялась на носки и принялась расчищать место.

— Извини, — послышался щелчок зажигалки, — у тебя все в порядке?

— Да. — Полка почти опустела, осталось только закинуть на нее портфель. Одной рукой это было сделать невозможно, но Рита все-таки попыталась.

— Их уже нет в городе, — сказал Черников, — и они не вернутся. Можешь не волноваться.

— Ты уже это говорил, — Рита улыбнулась и тут же прикусила губу: портфель больно прищемил ей палец.

— Я говорил?

— Ты. Забыл? Я напомню.

Портфель плюхнулся на полку, полетела пыль. Рита отвернулась, закрыла лицо ладонью, чтобы не расчихаться.

— Напомни, — врасстяжечку произнес Черников, — уж будь добра.

— Да хоть завтра. — Рита включила свет и собирала тряпки, коробки — все, что попадалось под руку. Зря она тогда выкинула рваный плащ, сейчас бы он отлично подошел для маскировки. Ну ничего, найдется что-нибудь другое.

— Сегодня, — поправил ее Черников, — уже сегодня. Я позвоню.

— Пока.

Рита спрятала умолкший телефон в карман и закидала портфель барахлом. Посмотрела с одной стороны, с другой, включила и выключила свет — вроде не видно, если точно не знать, куда смотреть и что искать. «Нормально». Она закрыла кладовку, навела порядок в салоне, все закрыла и пошла пешком к дому. И дождь не казался противным, и ветер не раздражал, и было не страшно, совсем не страшно идти одной по темной улице. После прогулки и горячего душа она спала как младенец, еле-еле открыла глаза по звонку будильника — пора было идти на работу.

Вот зачем ей, спрашивается, было тащиться туда, да еще и с утра пораньше, с больной головой, невыспавшейся и злой на весь мир? «Бондарь уже забыл про меня», — крутилось в голове, пока Рита обходила лужи по дороге к банку. Можно прекращать этот спектакль, ее просто напугали тогда, и нет ни одной причины прикидываться банковской служащей. Так ради чего терять время?

Она даже не опоздала, вошла в кабинет ровно в девять часов, и все уже было на месте, что сразу показалось Рите странным. Даже Анька, похудевшая и бледная, точно неделю не спала, торчала за своим столом и бубнила что-то в телефон.

— Привет, — бросила Ирка, не отрываясь от монитора, Юлька махнула Рите

и уткнулась в свой телефон. Рита закрылась у себя, с ненавистью посмотрела на пыльный стол, на комп — раз пришла, придется включать, разбирать почту, вникать в ненужные ей дела. «Уволюсь к чертовой матери», — Рита смотрела в окно на старый дом. Рядом никого, вдалеке за деревьями мелькает какая-то тень, но отсюда не разобрать. Сердце екнуло, Рита всмотрелась в переплетение облетевших веток, но толком ничего не разглядела. Надо забрать деньги и найти им место поприличнее и понадежнее...

— Ничего я тебе не должна, понятно? — Рита аж вздрогнула от Анькиного визга: та голосила недорезанной свиньей и совсем забыла, где находится. — Приходи, приходи, скотина, да хоть всю полицию приводи, я тебя с балкона выкину! Сука ты! Правильно твой муж тебя бросил!

Рита выглянула в общий кабинет. Ирка демонстративно зажала уши, Юлька пристраивала на голову наушники. Анька металась по проходу и ничего не видела вокруг себя.

— Это моя квартира, моя! Мне ее бабка отписала! Где завещание? Сама догадаешься или сказать? Я ничего отдавать не собираюсь, мне жить негде, моим деткам тоже!!

— Детки у луковицы, — пробормотала Ирка, — у людей дети.

Анька ее не слышала, она так орала, что у Риты реально заложило уши.

— Давай в суд, давай! Хоть в три суда! Я на тебя бандитов натравлю, порчу наведу! Сдохни, сука!

— Можно потише? — попросила Рита. — Аня, ты не на рынке. Мы тут все же работаем, если ты не заметила.

Анька злобно зыркнула на нее и выскочила в коридор. Побежала под фikus, можно не сомневаться, будет там орать.

— Что это с ней?

— Квартиру бабкину делят, — Ирка смотрелась на себя в зеркальце, — у Аньки еще сестра незамужняя с детьми имеется, ей деньги срочно нужны, а в бабкиной квартире есть доля. Теперь она требует от Аньки, чтобы та либо выметалась из квартиры, чтобы ее продать, либо выкупала часть. Короче, не обращай внимания, обычное дело.

— Сначала рожают, потом думают, — пробормотала Юлька, — прикинь, если родственники Аньку на улицу вышибут. Вот кино будет...

Ирка насладились своей красотой, поднялась со стула и сладко потянулась.

— Пойду к бухам. — Она взяла специально приготовленную папку с черновиками, чтобы сделать вид, что пришла по делу. — Узнаю там, что да как.

И когда выходила из кабинета, донесло из коридора Анькин ор: та крыла родную сестру на чем свет стоит. Юлька красиво пожалала плечами, Рита ушла к себе, закрылась изнутри и принялась сводить свой баланс по салону. Прикинула все затраты, учла долю Глеба и плату девкам, выпивку и ремонт, вычла из полученного «гонорара» и поняла, что Пофигист прав. Если продолжать такими темпами, то через полгода примерно можно закрываться и жить в свое удовольствие, мало в чем себе отказывая. И какого черта он тут делает, спрашивается?

Дверь дернулась раз, другой, потом сообразили постучать.

— Рита, Рита, — Ирка крутила ручку двери, — открой, пожалуйста. Скорее!

Можно подумать, что их там Анька покусала или вот-вот покусает, Юлька уже заражена, а Ирка не хочет обращаться в бесквартирного зомби. Пришлось

открывать. Взволнованная Ирка прикрывалась папкой, обернулась на целую и невредимую Юльку, что качала желтыми ушами и рассматривала платя на мониторе, и громко зашептала:

— Рита, бухам рассылка пришла про сокращение, — Ирка еле выговорила это слово, — там все в панике. Говорят, чуть ли не половину под нож, чтобы банк выжил. А у нас что-то было?

«Хороший вопрос». Рита закрыла перед Иркой дверь и включила компьютер. Едва почта открылась, сразу посыпались письма, от Милютина было сразу два. Их Рита открывать не стала, она и так знала, что там очередные изящно сформулированные гадости. Заметила свой черновик, незаконченное письмо насчет сроков отчета, пожалела, что ответная гадость не удалась, и нашла, что искала. Еще утром пришла рассылка по руководителям подразделений от кадров, обезличенная подпись и требование сообщить о прочтении. А также представить ФИО сотрудников на сокращение для оформления соответствующей документации, для начала — вручения извещения за два месяца, как и положено по закону. Их отдел мог откупиться малой кровью — сократить требовалось только одного. «Хорошо, что Руснакова нас покинула». Рита отвернулась к стенке и смотрела на драные обои. Овуляшка, пенсионерка и тупица — кого выбрать? Хоть монетку кидай, вот честное слово.

«Себя сократить? Все равно я тут не останусь». Рита открыла приложенную к письму форму. Но не выйдет, в нее уже кто-то заботливо вписал три фамилии, оставалось только выбрать жертву. Хотя некогда ей об этом думать, есть дела поважнее.

Рита распечатала листок, машинально расставила пропущенные запятые и вышла в общий кабинет. Ирка с Юлькой уставились на нее во все глаза, Анька сморкалась в платок и привычно пряталась за монитором.

— У нас сокращение, — сказала Рита, — во всем банке, это решение учредителей. Банк сократит свое присутствие в регионе, нагрузка уменьшится и будет распределена между оставшимися. В нашем отделе и так работать некому. — При этих словах Ирка сквозь зубы бросила Юльке что-то вроде «я тебе говорила» и снова воззрилась на Риту. Она положила на ее стол распечатку. — Поэтому у нас сократят только одного. Кто это будет — решайте сами. Вы все мне дороги, я вас давно знаю и не готова расстаться ни с кем из вас. Но не в моих силах что-то изменить. У вас две недели, здесь будет нужна подпись того, кто согласится. Пока это добровольно, но если вы сами не сможете решить вопрос, то я сделаю это сама.

И ушла к себе, как сбежала, снова закрылась и прислушалась к звукам за дверью. С минуту там стояла реально гробовая тишина, потом послышались шаги и шорох.

— Сволочи, — громко сказала Юлька, — вот гады. И что теперь делать?

— Надо кого-то выбрать, — протянула Ирка, — никто не хочет? По сокращению увольняться хорошо, три оклада дадут и на бирже труда еще платить будут.

— Давай ты, — предложила ей Юлька, — раз все так хорошо.

— Не, мне до пенсии надо доработать, — открестилась Ирка, — раньше я отсюда только вперед ногами. Даже не рассчитывайте на меня, решайте между собой.

Кресло скрипнуло так, будто не стройная Ирка в него уселась, а слон упал.

— Деловая, — протянула Юлька, — мне тоже нельзя, я рожать собираюсь. Кто мне декретные заплатит? Анька, подпиши, тебе кучу денег дадут, квартиру у сестры выкупишь.

— Не хватит, — глухо бросила Анька, — она уже оценщика приводила. Почти полтора миллиона надо, где я их возьму?

Рита смотрела на старый дом за голыми кленовыми ветками. В кирпичной стене под грудой хлама лежало состояние, два состояния или три, если особо не шиковать. Не покупать бриллианты килограммами, например, или не кидать деньги из окна. А этой курице всего-то нужно полтора миллиона, чтобы обезопасить от опеки свой выводок.

— Ипотеку возьми, — сладко пропела Ирка, — потом рефинансируешься, ставку скинут.

— Сама ипотеку бери! — гавкнула Анька. — Я ничего подписывать не буду! У меня дети малолетние, меня нельзя сокращать! Вы между собой разбирайтесь, а меня не трогайте! Забудьте, нет меня!

— Это только до трех лет нельзя, — заявила Ирка, — а потом очень даже можно, закон не запрещает.

— Рожай третьего, Анька, срочно! — выкрикнула Юлька. — И будете вчетвером по лужайке скакать!

Анька что-то рыкнула в ответ, но неразборчиво, Юлька рассмеялась.

— А если сестра тебя выселит, — Ирка, судя по голосу, улыбалась, — то детей у тебя опека заберет и в детдом сдаст. И тебя с работы сразу выкинут потому, что ты порнуху по всему банку разослала.

Анька вполне отчетливо послала Ирку по матери и сбежала из кабинета.

— Вот дура, — спокойно сказала Юлька, — счастья своего не понимает. Ушла бы с деньгами, устроилась бы на работу рядом с домом или с детьми сидела бы круглые сутки. Не умеет она приоритеты расставлять. Дура.

В тот день Рита уходила последней. Даже на обед не пошла, проспала, закрывшись за хлипкой дверкой, потом начались звонки. Пофигист, потом еще двое с его подачи точно очередь занимали, да так оно и было: салон не мог вместить толпу, и Рите пришла мысль о расширении. Но тогда придется забирать деньги из тайника. И наверняка это вызовет подозрение, да еще и Бондарь размер дани увеличит. Наврать ему, что взяла кредит? Но это легко проверить. Пусть все пока остается как есть.

Рита позвонила Глебу, чтобы тот готовился и оповестил девок, выглянула в пустой темный общий кабинет. Распечатка нашлась на холодильнике, подписи нет, и если будет, то не скоро. «Как бы они тут не передрались». Рита закрыла и опечатала кабинет, пошла сдавать ключ. И глазам своим не поверила — на охране сидел тот самый бородатый парень, в костюме и белой рубашке, как положено, спокойный, точно сонный даже. Он мельком глянул на Риту и сделал вид, что не узнал ее. Она расписалась в журнале и вышла из банка. И едва открыла зонтик, как зазвонил телефон. Черников снова куда-то ехал, причем с открытым окном, и Рита едва разбирала его слова в общем шуме и гуле.

— Что завтра делаешь? Давай к собакам съездим, — предложил Черников.

На завтра у нее было намечено два мероприятия из списка. Приедет Пофигист со своими клиентами, от него подлянки можно не ждать. Если она не успеет, то Глеб встретит их, и вообще ему будет полезно поработать самостоятельно.

— Поехали, — согласилась Рита, — давно не были. Что купить?

— Завтра решим. У тебя все нормально?

— Я с работы иду, — сказала Рита и остановилась у светофора. Держать одновременно телефон и зонт было неудобно, ветер рвал его из рук, в лицо летели холодные капли дождя. — Под твоей охраной целый день сидела. Сам сказал, что они профи.

— Очень хорошо, — усмехнулся Черников, — все правильно. Все, я из области еду, тут движуха какая-то нездоровая пошла. Я тебе утром позвоню.

Попрощались, Рита позвонила Глебу, предупредила, что завтра он работает один. Тот не сопротивлялся, пообещал звонить, если что-то пойдет не так. И этот день, эта неделя наконец закончились, Рите всю ночь снился толстый щенок, хромавший на переднюю лапу. Она знала, что он будет так хромать всю жизнь, а щенку было все равно: он ласкался к ней, играл со своим хвостом и смешно лаял — искалеченная лапа не мешала ему радоваться жизни.

Накупили собакам еды и игрушек, поехали за город уже ближе к полудню. Погода сжалилась в выходной, осень никуда не делась, было тепло, правда, серо, без яркого солнца. Но и без дождя. Удачно по объездной миновали пробки, немного постояли на переезде и вырвались за город. В поселок въехали точно в сказку: лес вокруг еще не окончательно облетел, золото листьев и увядших трав переливалось торжественно и светло, а пахло так, что кружилась голова и почему-то хотелось плакать. В собачьем приюте было полно новостей: нашла новый дом красотка-азиатка, в ее вольере поселился доберман, тощий и пугливый, как лань. Было странно и смешно смотреть, как здоровенный черный с подпалом кобель жметя к стенке и прижимает острые уши. На голове у него имелся свежий шрам, еще не совсем заживший, на боках виднелись подозрительные вздувшиеся полосы.

— Его на даче бросили, — сказала девушка-хозяйка, — он выл несколько дней, в него камни кидали, а потом пристрелить хотели. Мы к себе забрали, может, найдем ему хозяев.

Черников смотрел на вжавшегося в пол добермана. Тот скулил, потом гавкнул несмело и снова прижал свои прекрасные острые уши к раненой голове. Овчарка из соседнего вольера гавкнула пару раз для порядка и на людей внимания больше не обращала, ротвейлер в крайнем от дорожки вольере лежал носом к стене: на шее пса имелся конус-воротник, и пес обиделся на все человечество и не хотел больше иметь с ним дела.

— Ушки лечим, — девушка хлопнула ладонью по сетке, но ротвель не шевельнулся, — иди сюда, иди, иди. Ну как хочешь...

Раздался тонкий лай, Рита оглянулась. От дома к ней бежал-торопился белый ушастый щенок: Тимка уже заметно подрос, окреп, но передняя лапа постоянно подламывалась, пес падал, вставал и бежал дальше. Рита присела на корточки и схватила малыша на руки, тот принялся скулить, закрутился и целовал ее всю, и никак не мог успокоиться.

— Какие нежности, — фыркнул Черников и погладил щенка по спинке. Тот извернулся, лизнул Черникову руку и прижался к Рите, она чувствовала, как бьется маленькое сердечко.

Вольер Каштана был пуст, песок перерыт, кругом следы лап и валяются какие-то странные мелкие то ли щепки, то ли пруттики желто-белого цвета. Черников повернулся к девушке, та достала ключи и открыла вольер.

— Здесь он, здесь. Наказан.

Каштан будто этого и ждал, залаял так, что Тимка вздрогнул и еще сильнее прижался к Рите. Отозвались овчарка и доберман, правда, тот скорее выл, чем нормально лаял. Раздался нервный визг — это подскочила рыжая такса и тоже встряла в перепалку.

— Что натворил? — Черников вслед за девушкой вошел в вольер. Та открыла будку в его дальнем конце, Каштан пулей вылетел оттуда и кинулся на Черникова. Заметался рядом, закрутил хвостом, лаял, скулил, кидался на него передними лапами и перепачкал ему толстовку и джинсы пылью и землей.

— Тихо, тихо, — Черников трепал его за шкуру на шее, гладил по лобастой башке и едва не упал, когда Каштан снова кинулся ему на грудь передними лапами.

— Ну ты зверюга, — ворковал Черников, успокаивая пса, — красавец. А за что наказан?

— Веник сожрал, — девушка подняла прутик, — мы тут убирались и оставили, а он сожрал. В смысле разодрал на части.

Части были очень мелкие, видно, Каштану было очень скучно или его что-то сильно расстроило. Весь вольер был в этой трухе, пес увидел остатки веника у девушки в руках, прижал уши и спрятался за Черникова.

— Протестовал или жрать хотел? Отвечай, зверюга...

Он легонько толкнул Каштана в бок, тот и ухом не повел, будто не слышал.

— Мы всех собак хорошо кормим, — вдруг обиделась девушка, — я могу вам чеки показать. Все ваши деньги тратим только на них. Вам отчет нужен?

— Не надо, не надо, — Черников отступил, Каштан шустро переместился следом и опасно поглядывал на девушку. — Я вам верю, он килограммов пять прибавил за это время или больше. Ну, что такое? Чем тебе веник помешал?

Черников подобрал щепку и показал ее Каштану. Тот лег на песок, спрятал морду в передние лапы и закрыл глаза. Черников рассмеялся. Рита отпустила вертевшегося щенка, Тимка подбежал к Каштану и уселся рядом с ним, поднял мордочку и смотрел на людей.

— Увезу их от вас, — сказал Черников, — через месяц или чуть больше. К зиме их тут точно не будет.

— Мы только рады, — девушка подбирала остатки веника, — но вы знаете наши правила. Если кто-то другой захочет забрать их раньше, то придется отдать. Мы не можем держать их здесь вечно — места не хватает, а собак, которым нужна помощь, очень много.

— Да понятно, понятно, — Черников посмотрел на Риту, на собак. — Договоримся, я думаю. Пойдемте, я там вам еды привез для собак.

Тимка подскочил, будто его персонально пригласили, побежал за Черниковым. Каштан сунулся следом, Черников придержал его за ошейник.

— Тут сиди, ее охраняй, — он показал на Риту. Каштан подбежал к ней, ткнулся мокрым носом в ладонь. Было так тепло и тихо, что мир казался нереальным, пахло песком, опилками и сухой травой. Рита села на доски, что грудой лежали у сетчатого забора, Каштан подбежал к ней и замахал хвостом.

— Ты зачем веники жрешь? — сказала Рита. — Не стыдно тебе? Такой большой — и разодрал веник.

Каштану было очень стыдно, и слово «веник» он запомнил очень хорошо.

На полусогнутых лапах он подошел к Рите и ткнулся лбом ей в колено. Рита увидела, что на морде у него полно седых волосков, погладила пса между ушей, тот негромко заурчал — то ли жаловался, то ли пытался сказать что-то в свое оправдание.

— Мы тебе мясо привезли и кости. — Каштан слово «мясо» тоже очень хорошо знал, поднял голову и насторожил уши. Рита погладила его по загривку, пес отряхнулся и закрутился рядом, заскулил, загавкал негромко и положил голову ей на колени, зажмурился. Рита почесала его за ухом.

— И новую игрушку еще привезли, — вспомнила вдруг она, — мячик и такого же страуса. Где старый, кстати? Ты его еще не съел?

Каштан ее отлично понял, кинулся в свою будку и выволок оттуда какие-то лохмотья, принялся трепать их так, что чуть башка не оторвалась, терзал зубами и лапами, да еще и угрожающе рычал при этом. Дни старого страуса были сочтены, срочно нужен новый. Рита вышла из вольера и остановилась — навстречу ей топали двое. Одного она мигом узнала — «бычок» с недовольной рожей, что вез ее на рынок, второго, тоже злобно-мрачного, как напарник, она видела впервые. И сразу все поняла — это Бондарь передает ей привет таким образом. Рита попятилась, но бандиты быстро обогнали ее, окружили.

— Тебе хозяин что сказал? — сразу перешел к делу старый знакомый. Ростом он был ниже Риты и глядел снизу вверх маленькими черными глазенками. Второй неуловимо походил на безбровую торговку шубами — так же поджимал губы, будто хотел их проглотить, и зверски щурился при этом.

— Какой хозяин? — удивилась Рита. — Ты меня с кем-то перепутал. Ты кто такой вообще? Катись отсюда.

— Не хами, — «бычок» дернул ртом, показались желтые зубы, — тебе сказали, чтоб из города не уезжала? Сказали. А ты куда поперлась?

— Выражения выбирай! — прикрикнула на него Рита. — Ты тут никто, дворняжка подзаборная. Тебя послали сказать, так говори и проваливай. С твоим хозяином я сама разберусь.

Говорила, смотрела в мелкие, мигом озверевшие бандитские глазки и очень надеялась, что голос звучит уверенно. И поняла отчетливо и ясно, что за ней следили все это время и будут следить дальше, что Бондарь от нее не отвяжется и она не сможет забрать деньги из старого дома. И что эти деньги, общак, пока не нашли, иначе ее бы уже в живых не было.

— Рот закрой, — рыкнул «бычок», его напарник подошел ближе, — поехали. Хозяин с тобой поговорить хочет.

— Мало ли что он хочет, — Рита так и смотрела в болотного цвета глаза, а саму только что не тошнило, — перехочет. Будет время — сама заеду. Я ему плачу вообще-то.

Второй вдруг схватил ее за руку и чуть вывернул запястье. От боли свет в глазах померк, Рита прикусила губу и пнула бандита ногой по голени. Тот удивленно матюгнулся, «бычок» схватил ее за другую руку, и тут между ними и Ритой взметнулась земля. Черно-рыжий вихрь метался с оглушительным лаем, бандиты пропали из виду, Рита поняла, что свободна, а Каштан только входил в раж. Он прыгал выше ее головы, кидался на бандитов, то и дело мелькали превосходные белые клыки, песок и опилки летели чуть ли не до небес.

— Собаку убери! — «бычок» шарахнулся назад, Каштан опередил его и уку-

сил за ногу. Второй швырнул псу в морду горсть песка, Каштан вовремя увернулся и ринулся на врага, вцепился в предплечье и так повис. Бандит заорал, грохнулся наземь, Каштан бросился к убежавшему «бычку», загнал его в вольер и кидался на каждого по очереди, не пуская вперед ни на шаг. Риту схватили за плечи и оттащили от забора. Черников буквально отпихнул ее подальше и встал в проходе. Подбежала девушка-хозяйка с Тимкой на руках, рядом волновалась, тонко и зло заливалась лаем рыжая такса.

— Красавец, умница, — восхищался Черников, — до чего же хорош! Молодец, молодец, отлично, рви их, как веник рвал, можно!

Каштан обернулся на него и уже молча кинулся на «бычка», сшиб его с ног и вцепился зубами в плечо. Тот орал, бился на земле, второй вскочил и что-то вытащил из кармана.

— У него нож! — крикнула девушка. — Осторожно! Уберите Каштана! Ко мне, ко мне, быстро!

Сетка мешала, Рите было плохо видно, что там происходит. Она сунулась вперед, Черников вытянул руку вбок:

— Стой там, не подходи. А лучше топайте все отсюда.

Тимка лаял, крутился и тоже рвался в драку, такса верещала, Черников прошел еще немного вперед, свистнул коротко. Каштан оторвался от «бычка», насторожил уши.

— Взять, — Черников показал на второго, Каштан ринулся туда, не бежал — летел над землей, увернулся от удара, перехватил руку с ножом и впился в нее клыками. Бандит грохнулся на колени и завыл, перекрывая добермана — тот как завел свою волчью песню, так и не собирался ее прекращать. Нож пропал в песке и опилках, Каштан моментально затоптал его и с упоением рвал упавшего бандита: тот прикрыл голову руками и не шевелился.

— Убери собаку! — орал «бычок». Он отползал к забору, налетел на доски и свалился на них задом. Каштан оторвался от жертвы, кинулся к доскам и впился «бычку» в ногу. На драных джинсах появились темные пятна, девушка-хозяйка вскрикнула:

— Прекратите, вы что делаете! Нас полиция закроет! Пожалуйста, заберите его!

Она чуть не плакала, Черников побежал в вольер, присел на корточки и нашел в песке нож. Отбросил его к входу, свистнул. Каштан нехотя оторвался от «бычка» и побежал на зов. Черников схватил его за ошейник, щелкнул пальцами:

— А ну на хер отсюда, быстро. Считаю до пяти и отпущу собаку.

Каштан лаял и рыл землю лапами, шерсть на загривке у него стояла дыбом, уши слились с головой, клыки блестели. Бандиты по доскам полезли на забор, первый свалился мешком на ту сторону, «бычок» чуть задержался.

— Тебя, сука, все равно найдут! — крикнул он, Черников отпустил Каштана.

— Не надо! — закричала девушка, Рита подобрала с травы нож. Каштан в два прыжка оказался у досок, взлетел на них и вцепился бандиту в ляжку. «Бычок» повис пузом на заборе и орал матом во всю глотку, Каштан не отпускал его и глухо рычал. Черников подошел неторопливо, снова свистнул. Каштан отпустил того не сразу, но подбежал-таки, сел с Черниковым рядом и снова зарычал.

— Я тебя сам найду, — пообещал Черников, — так своему хозяину и передай.

«Бычок» с матюками перебрался на ту сторону и грохнулся в траву. Черников посмотрел на Каштана и хлопнул себя по груди. Пес подобрался и пружинной ринулся вверх, Черников подхватил его на руки. Каштан плюхнулся ему на плечо, обнял лапами и принялся тыкаться носом в лицо и шею.

— Ужас какой, — у девушки аж зубы стучали, — а если они нас ночью подожгут, что тогда? Зачем вы так?

Она отпустила щенка, Тимка шустро поковылял к Черникову, уселся на песок и затыкался. Каштан спрыгнул наземь и толкнул Тимку мордой. Черников стряхивал с себя песок, опилки и пыль.

— Не сожгут, — уверенно сказал он, — вы им не нужны. У вас есть мой телефон, звоните сразу, если что случится. А ты тут за порядком следи, — он потрепал Каштана по загривку, — и веники больше не жри, я тебе мяса купил и костей. Не только тебе, конечно, один ты обожрешься. Поехали домой.

Он отобрал у Риты нож, рассмотрел хорошенько и спрятал в карман толстовки. Рита на прощанье погладила Тимку, девушка закрыла вольер. Каштан кинулся на сетку и заскулил по-щенячьи.

— Тихо, тихо, — Черников прижал к сетке ладонь, — не ори. Я скоро приеду, домой тебя заберу. Договорились? Вот и хорошо.

Он быстро пошел к машине, Рита еле успевала за ним. Почти пробежали мимо ошалевшего ротвейлера, проспавшего все самое интересное, мимо настороженной овчарки и дрожащего добермана с разбитой головой. Но тот уже не жался к стенке, а прыгал около калитки и даже грыз замок. Девушка-хозяйка не скрывала радости, что они уезжают, и даже не махнула вслед машине, как делала это раньше. «Ровер» мотало в колеях, потом машина выбралась на бетонку, а с нее на шоссе. Поток был неплотный, Черников сразу выехал в левый ряд. Но особо разогнаться не получилось, впереди дымила фура, и обогнать ее не было никакой возможности — дорога сужалась, скорость падала.

— Они точно ничего собакам не сделают?

Черников опустил стекло и закурил, в салоне запахло дымом.

— Какой смысл? — сказал Черников. — Для Бондаря это слишком мелко. Другое дело, если ты еще раз нарушишь его приказ, то запросто.

— Почему я должна слушаться какую-то сволочь? — у Риты от злости аж язык заплетался. — Кто он такой, чтобы мне указывать? Я плачу ему, как договаривались, он получает деньги, ничего не делая! Он даже не помог с этими... залетными, да еще и запретил мне выезжать из города!

Злость кипела и рвалась наружу, и ей не было выхода. Черников нашел-таки просвет на дороге, «Ровер» резко рванул вперед, Рита откинулась на спинку сиденья. Машина пролетела вдоль отбойника, оставила позади дымную громаду на десяти колесах и вырвалась на простор.

— Придется, — сказал Черников, — надо делать, что он скажет, если хочешь выйти из этой заварухи живой.

— А если он скажет мне голой на столе танцевать? Тоже слушать и выполнять?

Черников посмотрел на нее в зеркало на лобовом стекле и промолчал. В сумке тренькнул телефон, сообщение от Глеба. «Завтра придет Пофигист, просит, чтобы ты тоже была». — «Передай ему, что я приду. Олесе позвони». —

«Уже. Время он позже скажет, с ним еще кто-то будет, как я понял».

— Бандиты заново поделят город, и Бондарь забудет про тебя, — Черников крутил головой по сторонам, высматривая что-то, — а поделят они его очень скоро. Потом ты либо будешь платить, как все, либо продашь бизнес и уедешь. Короче, сможешь делать все, что захочешь. Погоди-ка...

«Ровер» мотнуло вправо, он остановился на обочине. Черников выскочил из машины, на ходу вытащил из кармана нож и с размаха зашвырнул его в болотину, поросшую камышами и осокой. Лезвие тускло блеснуло в полете, нож сгинул в мутной воде. Снова тренькнул телефон, на этот раз смс со смутно знакомого номера. «Еще раз — и шашлык из твоих собак сделаем». Первым порывом было отшвырнуть телефон, написать в ответ какую-нибудь гадость в том же духе, но Рита сдержалась. Черников неторопливо шел обратно, Рита отвернулась и ткнулась лбом в стекло. Мимо неслись машины, их обогнала та самая фура, собрав на хвосте вереницу машин. Одна отвалила, остановилась неподалеку от «Ровера». Серая «Шкода», номера замазаны грязью — Рита сразу узнала ее, в этом корыте ее везли на рынок. Вернулся Черников, уселся за руль, обернулся.

— Что? Что случилось?

Рита отдала ему телефон, Черников прочитал сообщение, потер подбородок.

— Уроды.

— Вон они, — Рита показала вперед, — на «Шкоде».

Ее точно там услышали, из переднего окна высунулась рука и сделала жест, издавна оскорбляющий человеческое достоинство. Черников завел двигатель, «Ровер» выехал на дорогу, «Шкода» тронулась чуть раньше и тащилась впереди.

— Это я типа за ними ехать должен? — Черников привстал на сиденье, точно плохо видел, что делается на дороге.

— Придется слушаться, — отозвалась Рита, — а то Бондарь расстроится.

Черников опустил стекло, выглянул зачем-то наружу и снова закурил. «Шкода» катила перед носом «Ровера», со стороны все выглядело пристойно.

— А ты как думала? — Черников одной рукой держал руль, второй стряхивал пепел на дорогу. — Что тебе дадут жить в свое удовольствие? Надо было сразу из города уезжать, в тот же день. А теперь сиди и не высовывайся.

— Я не высовываюсь, — отрезала Рита, — я хочу, чтобы от меня отстали эти... уроды. И чтобы собак не трогали. Я же не за границу уехала и даже не в Москву.

И отчетливо, в красках представила, как бандиты следили за ней все это время: как она идет в банк, как в салон, как возвращается домой, как ходит по магазинам. Значит, они были в курсе ее дел все это время, просто держали на длинном поводке, а сегодня дернули, точно по команде «к ноге».

— Я договорюсь с приятелем, — Черников поднял стекло, — у него свой дом, места много. Попробуем пристроить собак пока ему. Держись.

Рита ухватилась обеими руками за ручку на двери, Черников выжал газ, «Ровер» рванул с места и мигом сделал «Шкоду» как стоячую.

— Пусть светит месяц — ночь темна, — Черников добавил еще и посмотрел в боковое зеркало. Отбойник, до этого плавно тянувшийся слева, слился в сплошную серую полосу, деревья мелькали, а машины точно остановились.

— Пусть жизнь приносит людям счастье... Да куда вам, куда лезете-то... Ну ладно, ладно, уговорили.

Про Риту он точно забыл, она оглянулась — «Шкода» осталась далеко позади, гналась за «Ровером» по левой полосе, но силы были неравны.

— В моей душе любви весна не сменит бурного ненастья. — Черников притормозил, отбойник снова потянулся тягучей серой полосой, деревья по краям дороги тоже сбавили прыть. «Ровер» свернул вправо, вклинился между «Маздой» и очередной фурой, по обочине проскочил какой-то хитро-нарезанный олень на «Опеле», ему гудели вслед, но тот быстро пропал из виду. «Шкода» пролетела мимо, на ее переднем сиденье Рита заметила коротконового «бычка» с недовольной рожей.

— Ночь распростерлась надо мной и отвечает мутным взглядом, — Черников посмотрел «Шкоде» вслед, — ну куда же ты, скотина!

Рита обеими руками держалась за ручку и смотрела вперед. «Шкода» куда-то подевалась, точно взлетела над оживленной федеральной трассой, а до города уже оставалось всего ничего. Поток машин перестраивался вправо к съезду на прилегающую дорогу, из вереницы машин вынырнула «Шкода» и рванула прямо. Черников резко вывернул руль влево и дал по газам, подрезал бандитов.

— На тусклый взор души больной. — Машину занесло, она развернулась и перегородила полосу. Риту швырнуло вбок, она намертво сжала пальцы и смотрела только перед собой.

Деревья, отбойник, полоса асфальта промелькнули перед глазами почти одновременно, пропали, осталась только белая разметка на серой дороге и «Шкода», уткнувшаяся носом в тот самый отбойник.

— Облитой острым сладким ядом. — Черников подался вперед, потом плюхнулся на место и опустил стекло. Рита присмотрелась — морда «Шкоды» всмятку, на дорогу вытекает бензин, бампер валяется у переднего вывернутого колеса. Покусанный Каштаном «бычок» блюет на дорогу: видно, башкой приложился, второго не видно.

Черников развернул машину под крики и гудки других водителей, вернулся на свою полосу и поехал в город. Рита разжала пальцы и обернулась. «Шкода» стояла у отбойника, ее объезжали другие машины, она скоро пропала из виду.

— А дальше что? — она сжала кулаки, чтобы руки не дрожали.

— Штраф, как обычно, — отозвался Черников, — прав не лишат, поругают немного, и все. Никакой уголовщины же не было, и я трезвый. Скажу, что не справился с управлением.

— В стихотворении, — перебила его Рита.

— А, — Черников махнул куда-то в сторону моста, что тянулся сбоку, — не помню, забыл. Я его в школе учил, нам задали любое на свой выбор выучить, мне это понравилось. А учитель мне трояк поставил, сказал, что плохое выбрал.

Рита обняла его за плечи, сцепила пальцы и уткнулась лбом в подголовник. Черников сжал ей руку и не отпускал, пока ехали к дому. Остановились на засыпанной листьями парковке, Черников заглушил двигатель. Но выйти из машины не было сил, да еще и дождик пошел, мелкий, но он уверенно набирал силу. По лужам бежали круги, Рита смотрела на них, а злость поднима-

лась с новой силой. Ну никак не укладывалось в голове, что эта картофельная рожа распоряжается ее жизнью, ставит условия — куда ходить, куда нет, да еще и подсылает бандитов следить за ней. Радует только одно, что ее упустили тогда у старого дома или слежка началась позже. Но сегодня этот Бондарь, кем бы он ни был, позволил себе слишком много.

— Не бойся, — сказал Черников, — тебе ничего не будет. Это они так... пугали. Ты вернулась домой, об этом уже доложили, не сомневайся. И поняли, что бежать ты никуда не собираешься.

— А если его убить? — вырвалось у Риты. Она прикусила язык, но было поздно, мысль оформилась, слово сказано, его не вернуть. Черников повернулся к ней.

— Бондаря? — уточнил он. Рита кивнула. Черников в упор смотрел на Риту.

— Ну допустим, — начал он, — грохнули твоего Бондаря. Он, если ты забыла, сейчас что-то вроде исполняющего обязанности местного крестного отца. Он как разводящий над всеми интересантами в этом городе, без него на рынок и бабу творогом торговать не пустят.

— А еще он хочет отжать себе трубный завод и доить владельцев.

Черников смотрел ей в глаза, Рита не выдержала и отвернулась.

— Это точно или так, сплетни?

— Точно, — помедлив, сказала Рита. — Точнее некуда.

— Нормально так, — отозвался Черников, — у нашего гробовщика хороший вкус. Если учесть, что владельцы только-только подписали контракт на поставку труб для компании, где сбываются мечты, то у Бондаря проблем не будет. Владельцы пойдут на любые его условия, лишь бы завод работал бесперебойно. Любая заминка грозит им такими неустойками, что проще сразу застрелиться.

— А ты откуда про контракт знаешь? — теперь пришла очередь Черникова отводить взгляд.

— Сорока на хвосте принесла, — буркнул он неопределенно. — Так вот, если Бондаря сейчас завалят, то передел начнется по новой, разводить бандитов будет некому, на тот же завод накинется свора желающих поиметь с него свой процент за покровительство. И тогда начнется настоящая война, как тридцать лет назад, когда Витю Северного и замочили. Только не у бани, а у подъезда его дома, я перепутал. Этого хочешь?

— Я спать хочу, — сказала Рита и выбралась из машины под дождь. Черников вышел, загородил Рите дорогу. — А ты не думал насчет своего бизнеса? — вдруг выпалила Рита. Черников удивленно глянул на нее и помотал головой.

— Нет, я наемник, всю жизнь таким был.

Он взял Риту за руку и потянул к себе.

— Может, сходим куда-нибудь? Посидим, вина выпьем.

Это было самым лучшим вариантом на сегодняшний вечер, да и на любой другой тоже. Вечер, ночь, утро, другой день — это лучшее, что он мог предложить ей. Черников наклонился к Рите, от поцелуя перехватило дыхание, а дождь стал теплым, будто июльский ливень.

— Пойдем, знаю место, — улыбался Черников, — там хорошо, тебе понравится. И это в городе, далеко ехать не надо.

— У меня дела завтра, — Рита отстранилась. — Буду жить обычной жизнью. Надеюсь, что салон не сожгут сегодня ночью.

Черников отпустил ее, Рита отошла на несколько шагов.

— Давай тогда завтра, — сказал Черников, — вечером. Я заеду часов в восемь.

— Договорились, — улыбнулась Рита, — до завтра.

Черников махнул ей и уехал, Рита пешком пошла к себе наверх. И с каждым шагом, с каждой ступенькой все больше и больше ненавидела Бондаря, этот город, саму себя за то, что ничего не может сделать, что живет как в тюрьме. А если ей завтра запретят выходить из дома — тоже придется подчиниться? Да, Глеб прав, надо бросать это дело. Продать салон к чертовой матери — за него много дадут, он в хорошем месте, продать квартиру и уезжать отсюда. Денег хватит до конца дней и еще останется, даже если каждый день пить ведрами «Вдову Клико».

Рита остановилась на предпоследней площадке, посмотрела в окно на мокрые крыши, на купола и кресты церквей, на высотки и старые хрущевки, на деревья и мутное небо над городом. «Отпусти меня, проклятое место, я тебя ненавижу», — попросила она, чувствуя, что еще немного и разревется. То ли усталость, то ли страх сделали свое дело, она еле держалась на ногах, кое-как добралась до квартиры и плюхнулась на табуретку в коридоре. Стащила кроссовки и так сидела, бессмысленно глядя перед собой. Мысли перестали вихрем крутиться в голове, эмоции пропали, страх тоже исчез, все лишнее слетело, как шелуха. «Это все Бондарь, — будто кто-то шепнул ей на ухо, — не будет его, и все твои проблемы закончатся, можно даже никуда не уезжать».

Рита побрела в кухню, включила газ под чайником и села за стол, устала в стенку. Было уже темно, узоры на плитке расплывались мутными пятнами, но Рите было все равно, уже другие мысли не отпускали ее. Черников говорит, что не станет Бондаря, то начнется кровавая каша и всем мало не покажется. Но он уже предрекал войну после смерти Гончарова, а прошел почти месяц, все тихо, никто не стреляет, если не считать тех двоих, залетных. Или нарочно сказал, чтобы напугать ее, чтобы избавиться от нее и заставить уехать из города? Да даже если и начнется как в девяностых, то это будет не ее, Риты, проблема. Ей не нужен контроль над трубным заводом, не нужны торговые центры, рынки, кладбища и похоронные конторы. Ей нужна спокойная жизнь в достатке и безопасности, и все это можно купить за деньги, а их у нее теперь полно. Так что надо хорошо подумать.

Пришло сообщение от Глеба: «Пофигист приедет завтра в шесть вечера, Олеся в курсе, остальные тоже будут. Тебя ждать?» — «Обязательно», — ответила Рита, сделала себе чай и все думала, думала, искала выход до тех пор, пока не остался один. Первый, что пришел ей в голову, и единственный, верный, решавший все ее проблемы.

В салон она пришла первой, за полчаса, никого еще не было, и первым делом пошла в кладовку, раскидала тряпки и коробки на стеллаже. Туго набитый портфель лежал на месте, Рита встала на табуретку, вывалила из портфеля деньги и пересчитала. В сумке, спрятанной в старом доме, было намного больше, но и тут оказалась неплохая сумма в рублях. Рита принялась быстро складывать пачки обратно и едва успела все спрятать — пришли Глеб с Текилой, потом Олеся, стало шумно. Примчалась Мелисса, Пофигист в своей манере приехал минута в минуту и не один. Первым делом он погладил Олеся по заднице, потом подошел к Рите.

— У нас сегодня сделка, — он показал на своих спутников, — подпишем все и отметим.

С ним приехали еще двое: рыхлый рыжий мужик с красными пятнами на лице и руках, он старательно делал недовольную рожу и пялился на Мелиссу, что будто невзначай сновала мимо. Второй, высокий, тощий и сутулый, с блестящей лысиной, но молодой еще мужик, поначалу растерялся. Он прилип к стойке у входа и глазел по сторонам, Глеб предложил лысому вискаря, тот махнул порцию, лысина его порозовела.

Время шло, но к делу не приступали, мужики трогали девок, те уже накатили по первой и глупо хихикали, а трезвая Текила разминалась у шеста. Лысый присел на диван напротив, развалился и щурился на нее. С улицы донесло рев музыки — чертов шансон, как табачный дым, лез во все щели. Пофигист насторожился, подобрался, только что не принял.

— А вот и наш нотариус, — Рита посмотрела на Пофигиста, на дверь. На счет нотариуса разговора не было, девок только трое, срочно нужна еще одна. «Пуме позвонить?» Дверь распахнулась, в салон ввалилась огромная баба в черных лосинах и черной же майке под красной короткой кожанкой. Мелисса перестала улыбаться рыжему — декольте бабы крыло ее собственное, как бык овцу, и тоже было натуральным, своим, природой данным. Тетка пнула каблучком дверь и оглядела всех. Глеб опустил голову и сделал вид, что читает этикетку на бутылке вискаря, то ли состав изучает, то ли еще что, а сам очень старается не ржать. Тут было с чего: волосы у тетки были расцветки платиновый блонд, черные у корней и с начесом на макушке, жидкие прядки размазаны по лбу, розовая перламутровая помада, грудка золота на пальцах, в ушах и на шее, что переходила в чудовищный бюст. Баба жевала жвачку и прижимала локтем к боку черную, раздутую от бумаг папку.

— Здорóво, — бросила баба, — давайте по-быстрому, у меня еще дела сегодня.

— Разумеется, — Пофигист оторвался от Олеси, — мы вас не задержим.

Баба ввалилась в большой зал, уставилась на Текилу и сплюнула жвачку на пол, обернулась.

— Реально бордель, а я думала, что врут, — она орала так, точно Пофигист и все остальные разом оглохли, скалила подозрительно белые зубы и топала ногой. Мелисса надулась и пропала из виду, Текила повисла на шесте вниз головой, подметая волосами пол. Лысый вскочил, снова сел, потом неспешно поднялся и двинул к громоздкой бабе. Та проявляла нетерпение, крутила головой, от нее разило сладко-приторными духами, золотые колье, подвески, цепочки и перстни бросали зайчики на стены и стекла шкафов.

— Вот здесь вам будет удобно, — Рита хотела открыть дверь ближайшей к залу комнаты, но баба оттолкнула ее руку.

— Еще всякая шлюха будет мне тут указывать, — рыкнула она и презрительно поморщилась. Глазенки у нее были мелкие, густо покрашены черным стрелки, а брови, наоборот, тонкие-тонкие, буквально по одному-два волоска в линию. Ростом она была выше Риты на целую голову, угрожающе наклонила коротко стриженную башку и выпятила нижнюю челюсть.

— Шлюхи там, если вам так приспичило, — Рита показала в зал, где еще топтался лысый: его раздирало — он то пялился на Текилу, то на напарника-рыжего, что из последних сил держал невозмутимую физиономию.

— Но лесби по двойному тарифу, и то, если девушки согласятся.

— Ты вообще кто? — спросила баба и бросила в рот новую пластинку жвачки.

— Это Марго, наша хозяйка, — Пофигист вклинился между ними, — а это Лилия Гранина, наш нотариус.

Глеб как-то очень быстро слинял в сторону душевой, прокрался боком по коридору и был таков. Мелисса устроилась в белом кресле, положила ногу на ногу и улыбалась бабе, Олеся налила себе мартини и пошла смотреть на Текилу.

— Я думала, ты из этих, — Гранина мотнула башкой в сторону зала, — вот же... твою мать. Ну пошли, что ли, у меня времени мало.

И первой ввалилась в комнату, швырнула на диван папку и куртку. Пофигист пробрался к окну, рыжий с лысым устроились на свободном краешке дивана, Рита закрыла за ними дверь.

— Ну у нее и задница, — сказала Мелисса, — это просто позор. Как она с ней из дома выходит?

Они просидели почти два часа, из-за двери постоянно доносились голоса, то тише, то громче, Гранина временами орала так, будто стояла рядом. Обсуждали какой-то торговый центр и парковку при нем, периодически что-то грохотало, кто-то закурил, и дым моментально расползся по салону. Потом высунулся лысый с багровой рожей и попросил водки. Глеб отнес им бутылку и стопки, стало малость потише, потом снова понеслись матюки. Потом зашуршали бумаги, Гранина начала ржать, в салон вошел Черников. Посмотрел на Глеба, на притихших девок, подошел к Рите.

— Еще не все, — она показала на кабинет, — придется ждать.

— Да иди, — вырвалось у Глеба, — я тут сам...

Дверь точно с петель сорвали, она чуть ли не вывалилась в коридор. В клубах дыма показалась Гранина с сигаретой в зубах, с голыми мощными плечами, вся в золоте и поту. Следом топали бледный рыжий дядя и второй с розовой лысиной и довольной рожей, Пофигист плелся последним. Он метнулся к стойке, накатил еще водки и повернулся к Рите. Только хотел что-то сказать, как Гранина снова принялась ржать, потом кинула куртку и папку на стойку, Глеб едва успел поймать стаканы, убрал их подальше. Гранина затянулась глубоко, выпустила дым в потолок.

— А неплохо, — она прошла вокруг Риты и Черникова, — очень даже неплохо тут у тебя. Ты прости, подруга, я не сразу поняла, что к чему, — она хлопнула Риту по плечу и еще раз обошла их. Черников следил за ней, не поворачивая головы, и выглядел очень сосредоточенным. — А мужской стриптиз у тебя есть? — Гранина оглядела Черникова с ног до головы. — Я бы заплатила, хорошо заплатила, вот тебе.

Ее бюст оказался у Черникова перед носом, в ложбинке заманчиво мерцала подвеска с довольно крупным бриллиантом. Гранина тряхнула башкой, вздыбила волосы на затылке, грудь заколыхалась, Черников улыбнулся ей, как тогда бабам в магазине шуб. Гранина выпятила губы и уперлась рукой в бедро.

— Шампанского? — предложил Черников и взял Гранину под руку.

— Можно, — снизошла нотариус, — эй, подруга, шампанское есть у тебя, или пусть сгоняет кто-нибудь... Я гуляю сегодня!

— Пожалуйста, — Глеб мигом выставил на стойку бутылку зеленого стекла

и два бокала. Черников ловко ухватил все это одной рукой и повел Гранину в сторону душа, в самую дальнюю комнату, Рита слышала, как захлопнулась там дверь.

— Лилия очень хороший нотариус, — Пофигист выглядел уже гораздо лучше, — просто ас своего дела. Обращайтесь к ней, Рита, если понадобится. Вы всегда найдете ее в «Мануфактуре», каждый день с трех до пяти, там у нее что-то вроде офиса и приемной. Лилия дорого берет за свои услуги, но они того стоят, уж поверьте мне. Лилия очень умная и богатая женщина, правда, характер у нее не очень.

— Я заметила. — Рите стоило больших усилий, чтобы и дальше улыбаться, слушать их разговоры, следить за девками, угождать, угадывать желания, закрывать и открывать двери. Лысый накидался и дрых на диване, Текила крутилась на шесте чисто для своего удовольствия, рыжий и Мелисса закрылись в кабинете, где недавно проходили переговоры, пьяный в стельку Пофигист читал Олеся матерные стихи. Та зевала украдкой и страдальчески смотрела на Риту, а она делала вид, что ее не интересуют происходящее в дальней комнате. Вот совсем не интересуется, нисколечко.

Первым свалил рыжий, он увел лысого под руку, не забыв рассчитаться мятыми трепаными купюрами. Бросил их целый ворох на стойку и свалил. Рита заплатила Текиле и Мелиссе, жутко злой и недовольной.

— Ну что за люди, — ворчала она, аккуратно складывая деньги, — либо пить, либо секс. Будто не знают, что если перебрать, то будут проблемы и вообще кайфы нельзя смешивать. Только время потеряла.

Из зала вышла Олеся, за ней плелся Пофигист, он еле держался на ногах.

— Дамы, прошу прощения, — он отвел Риту в сторонку и отдал ей деньги, — у меня был сложный день. Марго, вы на высоте, обожаю вас.

И ускребся в темноту, Олеся вздохнула ему вслед.

— Да нормальный день. Деньги давай, я поеду.

И как только она ушла к подъехавшему такси, в коридоре послышались голоса, шаги. Выплыла Гранина на подгибавшихся ногах, Черников поддерживал ее под локоть.

— Супер, — бормотала нотариус, — реально антистресс, я так давно не отдыхала. Телефон мой запиши. Ну, запиши, говорю.

Черников помог ей надеть куртку и приготовился записывать номер. Гранина кое-как продиктовала его, чмокнула Черникова в нос и снова огрела Риту лапой по плечу.

— Молодец, подруга, хороший бизнес, и мужики клевые. Я еще загляну к тебе.

Она аккуратно по стеночке добралась до двери, распахнула ее и вдохнула шумно, как лошадь. В салон ворвался холодный ветер, запахи сырости и опавших листьев, залетели мелкие капли дождя.

— Осторожно, — Черников помог Граниной спуститься по ступенькам и повел к огромной черной «Тойоте», оскаленной башкой пантеры во всю заднюю дверь. На передней красовался портрет собственно Граниной на белом фоне, точно на облаке, над мелированной головой явно просматривался золотой полукруг. Гранина рухнула за руль, внедорожник покачнулся.

— Может, лучше такси? — предложил Черников.

— Да какое, на...й, такси, — заржала нотариус, — первый раз, что ли. Меня

все менты знают, откуплюсь. Ты мне завтра позвони, не забудь.

«Тойота» тяжело тронулась с места, ее мотнуло вправо-влево, она заехала на газон, вспахала его колесами и укатила в сторону проспекта. Черников вернулся, остановился у входа и подкинул брелок сигнализации, поймал на лету.

— Идем? — Черников смотрел на Риту. Она помотала головой.

— Не могу, тут еще все закончить надо.

— Я все сделаю, — сказал Глеб, — иди. Я напишу, когда закрою.

Пришлось выйти под дождь. Черников взял ее под руку и повел к «Роверу», что мок неподалеку от входа. С газона на дорожку тянулись черные грязные следы, валялись рваные листья. Рита остановилась.

— Поехали, поехали, — тянул ее Черников, — посидим, вина выпьем.

— Да ты вроде уже. Может, хватит на сегодня?

Черников повернулся к ней, посмотрел удивленно.

— Я не пил, не заметно, что ли?

— Ну и зря, — Рита вырвала руку, достала зонтик. Чертова кнопка не хотела нажиматься, ее снова заклинило в неподходящий момент, оставаться под дождем и на ветру не было уже сил. Черников взял ее за плечи и улыбнулся.

— Рита, она в одно лицо выжрала бутылку шампанского. Я просто наливал и разговаривал с этой бабой. Это был лучший выход, ты разве не видела, в каком состоянии она была? Или было бы лучше, чтобы она устроила дебош, ты этого хотела?

— Я бы хотела, чтоб Бондарь исчез раз и навсегда, — Рита смотрела Черникову в глаза. — Вот чего я хочу больше всего.

Черников сжал пальцы, и ей стало больно, но Рита терпела. Они смотрели друг на друга, ветер рвал остатки листьев у них над головой, трепал волосы, лез под одежду. Рита вздрогнула от холода, Черников отпустил ее, отступил на шаг.

— Я не могу, — услышала Рита, — нет. Я не могу. Да и зачем? Скоро все решится, ты же сама видишь, скоро все закончится.

Он говорил что-то еще, но Рита не слушала. Зонт открылся наконец, Рита отвернулась и пошла к дому. И почти мгновенно от тротуара отъехала светлая машина: то ли белая, то ли серая, в темноте не разобрать. Рита сразу заметила ее, сбавила шаг и обернулась. Черникова уже не было видно, «Ровер» исчез в темноте за деревьями, светлая машина остановилась. И сразу тронулась с места, едва Рита пошла дальше. И ехала за ней до самого дома, затормозила только перед воротами. Рита вошла в подъезд, поднялась на третий этаж и посмотрела вниз. Видно было не очень хорошо, угол дома частично закрывал обзор, но машина была еще там. Она разворачивалась неторопливо и так же неторопливо отвалила с глаз долой. «А ты как хотела?» — крутилось в голове, и ответа у нее сейчас не было.

В банк утром она шла через туман, такой густой и плотный, что было тяжело дышать. Машины и люди скользили бесшумно, точно призраки, устрашающе кружились над головой последние опадавшие листья, светофоры мерцали размытыми огнями, точно из преисподней. Крики из кабинета Рита услышала еще на подходе, сбавила шаг, собралась с духом и вошла. На ее приветствие последовало несвязное мычание, листок так и лежал на холодильнике. Ирка при виде Риты отвернулась к монитору, Юлька кинулась ставить чайник, зареванная мятая Анька что-то писала на листе, писала, зачеркивала и начина-

ла снова.

— Форма четырнадцать в пятницу, — напомнила Рита, — можете начинать потихоньку и пересылать мне, я проверю.

И закрылась у себя, взгляделась в туман за окном. Где-то в его недрах за толстыми, в несколько кирпичей, стенами лежали ее деньги. Очень хотелось немедленно пойти и посмотреть, что там делается, проверить, на месте ли сумка, но сейчас это было смерти подобно. Если ее выследят, то конец, закопают в тех же руинах, но у нее на жизнь другие планы. Придется ждать.

Из кабинета слышались голоса, они звучали все громче и громче. Вернее, только один голос, Анькин, она орала, точно в лесу.

— Не обязана я тебе квартиру освободить, где я с детьми жить буду? Купи мне такую же, тогда и поговорим... Это тебе хрен, сука жирная! На улицу? Я тебя сама на улицу выкину!

— Анечка, потише, — вежливая Иркина просьба потонула в отборных матюках, Рита и не предполагала, что мать двоих детей не просто знает такие слова, но и так заковыристо употребляет, и в таких количествах.

— Да чтоб ты от рака сдохла! — ревела Анька во всю глотку. — А дети твои под забором подошли!

Рита не выдержала, вышла в общий кабинет. Ирка с Юлькой пригнулись и опасно поглядывали на Аньку, та вскочила из-за стола, била сапогом по стулу. Тот жалобно попискивал, отъехал к стенке, и дальше деваться ему было некуда. Анька колотила его каблуками, лягалась чисто как лошадь, побагровела, плевалась и рыдала одновременно. Из трубки несся тихий жутковатый смех и что-то вроде «после тебя, сестренка, сразу после тебя». Анька еще раз вломила сапогом по стулу и пнула мусорку. Та перевернулась, высыпались бумажные обрывки, яблочные огрызки и еще какая-то дрянь. От удара перевернулась чашка, по столу растекся чай, пакетик упал Аньке на ногу, но она его не заметила.

— Сука, сука, — Аньку будто заело, она твердила одно и то же, на губах у нее появилась пена, глаза закатились. Из трубки снова смеялись — видно, Анькина сестра подготовилась к разговору и сыпала убойными аргументами, доводившими Аньку до исступления. Дела ее были плохи, но она пока отказывалась это признать. — Сдохни! — во весь голос проревела она в телефон, Рита подошла и ударила кулаком по столу. Чайные брызги полетели Аньке в лицо, она осеклась, выкатила глаза и заткнулась.

— Еще раз такое услышу — выкину тебя отсюда, — пообещала ей Рита.

— У меня дети! — завизжала Анька. — Не имеешь права! Их в опеку сдать хотят, в детдом!

— Правильно, ты же бездомная, — ввернула Ирка, — правильно делают. А ты как хотела — наплодила заек от разных мужиков.

Анька послала ее так далеко и такими словами, что покраснела бы даже Гранина. Ирка же только хлопала глазами и смотрела то на Риту, то на Юльку. Та копалась в ящичке своего стола и чем-то шуршала там. Анька посмотрела на умолкший телефон, на Ирку и вдруг ринулась из-за стола, Рита едва успела загородить ей дорогу.

— Ты, курва старая! — вопила Анька. — Седая крыса! Да я за своих деток порву всех, и тебя порву! Иди сюда, мразина, иди, говорю!

И замахнулась телефоном.

Рита держала ее из последних сил, отдохлой Аньки она такой прыти не ожидала. Ту трясло, она рвалась к Ирке, будто та была причиной всех ее бед, Рита уже хотела звонить охране. Деваться некуда, придется звать на помощь, они сами не справятся — Анька явно тронулась умом, тут нужны специалисты. Но если эту дуру заберут в психушку, то ее обожаемые дети точно загрямят в детдом. И вот что теперь делать?

— Аня, Анечка, — промурлыкала Юлька откуда-то сбоку, — посмотри на меня, лапочка. Я тебе кое-что скажу!

Анька повернула башку, и тут в лицо ей плеснули водой. Мощно так, от души, хорошим потоком, будто из поливочного шланга. Анька отшатнулась, захлопала глазами и принялась облизываться. Струйки воды лились с головы на одежду, Анька покрылась пятнами, как жираф, и все трясла башкой. Но хоть не орала и не рвалась никуда, уже хорошо.

— Святая вода, — Юлька встряхнула полупустую пластиковую бутылку, — я ее у мощей набрала. Говорят, что для зачатия хорошо помогает и от бесов тоже неплохо.

— Анька, ты теперь точно третьего родишь, — подала голос Ирка, — а сестра твоя от зависти удавится. Дай-ка сюда.

Она забрала у Юльки бутылку и отхлебнула почти половину от остатка, брызнула немного на стол и пол рядом.

— Ты тоже в декрет собралась? — удивилась Юлька.

— Не, в горле пересохло. А это, чтобы бесы не лезли.

Ирка плеснула в проход еще немного воды и отдала бутылку Юльке. Та допила остатки и бережно положила пустую бутылку в ящик.

Анька зашаталась, ухватила за стол, уронила на него телефон.

— Что-то тебе не помогла вода, — сквозь зубы проговорила она, — не родила и хрен родишь. Вы все бесплодные, а я святая...

Она плюхнулась на место и закрыла лицо руками. Ирка покрутила пальцем у виска, Юлька пожалала плечами. И тут три телефона тренькнули почти одновременно, Ирка сообразила первой.

— Зарплата пришла! — оповестила она всех и прищурилась, читая эсэмэску. Рита убедилась, что Анька больше не опасна, что она выдохлась и на второй приступ ее не хватит и что толку от нее, как обычно, ноль. Пошла к себе, но добралась только до двери.

— Рита, — окликнула ее Ирка, — Рита, погоди. А почему так мало?

— Да, — Юлька недоуменно смотрела то на свой телефон, то на Риту. — Почему? Почти наполовину.

— Где премия, Рита?

Ирка поднялась из-за стола и показала ей зачем-то свой телефон. Издалека было плохо видно, но все стало и так понятно: Милютин осуществил задуманное и отомстил ей. Им всем четверым отомстила эта жирная сволочь. Анька туло паялилась в свой телефон и, кажется, ничего не понимала.

— А вы как хотели, — развела руками Рита, — надо было вовремя новый отчет сделать. Сорвали сдачу отчетности, получите теперь.

О том, что она сама хотела написать служебку насчет сроков и нормативки по этому поводу, Рита старалась не вспоминать. Не до того тогда ей было, а премия... Ну что премия, это же сущие копейки.

— Ты же сама обещала его доделать, — угрожающе проговорила Ирка, — и

нас еще домой тогда отпустила. Рита, ты нас подставила. Ну ты и дрянь.

— Ты как Соловьева стала, даже хуже. — Юлька отвернулась и уселась за свой комп, Ирка быстро вышла из кабинета. Анька тупо смотрела на всех и крутила мокрой башкой, ничего не понимая. Даже слово «премия» ускользнуло от ее помутившегося рассудка.

Рита закрылась у себя, подошла к окну. Да, нехорошо получилось, но, в конце концов, они же на работе, деньги просто так не платят. Да, банк на ладан дышит, но это не повод забыть на свои обязанности.

Туман потихоньку рассеивался, стали хорошо видны деревья и очертания мощных стен за ними. Рита смотрела вниз: кажется, там кто-то есть, кто-то бродит в тумане недалеко от дома. Или показалось?

Зазвонил сотовый, Рита достала его и снова подошла к окну, всмотрелась в редующую муть. Там никого, а звонят снова с незнакомого номера, значит, это клиенты Пофигиста.

— Добрый день, слушаю вас, — сказала Рита с улыбкой. В трубке послышалась какая-то возня, потом эхо голосов, потом что-то звякнуло негромко, и в замке отчетливо повернулся ключ. Рита ждала и продолжала улыбаться: так голос звучит приветливее, клиенту будет приятно.

— Рита? — раздался торопливый женский голос. — Рита, это ты?

— Да, — она растерялась: голос показался смутно знакомым, она не слышала его давно, очень давно.

— Рита, — женщина перешла на шепот, — это тетя Тамара со второго этажа, ты с моим Костяном в школе училась, он к тебе еще подкатывал. Помнишь?

Конечно, она ее помнила, невысокую полноватую, всегда улыбчивую женщину, с темными волосами до плеч и хитрым взглядом. У нее еще собака была, черный спаниель, он всегда выбегал на улицу так, точно его вели гулять в последний раз. А вот Костяна не помнила, вертелся на задворках памяти какой-то смутный образ высокого, чуть сутулого длинноволосого парня, и все. Но как же давно это было, точно и не с ней...

— Рита, твоя мама умерла вчера, — выпалила Тамара, — пошла в магазин и упала. Сказали, что инфаркт, мгновенная смерть. Рита, ты меня слышишь?

— Я перезвоню.

Рита нажала отбой и уставилась в стенку. Новость не задела ее, пронеслась мимо, точно машина на большой скорости. Рита села на стол, поднялась, прошла по кабинету, сжимая телефон в руке. Туман снова сгустился, стало темно и хотелось включить свет. Позавчера умерла ее мать. Рита открыла черный список номеров — там было несколько пропущенных от матери, последний почти полтора месяца назад. Накрыло вдруг воспоминание совсем уж из далеких лет: зима, ранние сумерки, у Риты болит горло и температура. Дома она одна, в школу не пошла, в большой квартире темно и жутко. Рита начинает плакать, ждет маму, чтобы пожаловаться ей на страх и на боль, чтобы мама помогла, вылечила, взяла на руки, успокоила и пожалела. А вместо мамы приходила вечно недовольная очкастая тетка, от нее даже пахло злостью, она с порога начинала орать на Риту, кричать, что та заболела нарочно, назло. Мама не пришла ни разу, а всегда... эта. Всегда. Но больше она никогда не придет, ее голос и проклятья навсегда умолкли. Осталось похоронить ее.

Рита нашла нужный номер, нажала вызов. Ответа пришлось подождать,

она то ходила по кабинету, то стояла у окна, прижимаясь лбом к стеклу. Было очень душно, хотелось открыть окно, но там было так мрачно и серо, точно мир посыпали пеплом. Наконец из трубки раздалось наглое алле.

— Мне Бондарь нужен, — сказала Рита.

— Занят, — отозвались в ту же секунду с той стороны.

— Мне пофиг! — выкрикнула Рита, как недавно Анька. — По херу на его занято, так и передай! Он мне сейчас нужен, или не заплачу ему ни копейки и расскажу, что он трахается с мужиками! С тобой, например! Что он педик! Нравится?

На той стороне притихли, слышались фоном голоса, потом наступила во все уж мертвая тишина. Потом заговорил Бондарь.

— Слушай, истеричка. Ты знаешь, что за такие слова бывает? — вместо приветствия рыкнул он. — От тебя мокрое место останется, ты и так неслабо накосячила. Я тебе что сказал?...

— Мне уехать надо на два-три дня, — перебила его Рита, — у меня мать умерла. Ее хоронить некому, кроме меня. Можешь своих псов отправить, они и так за мной каждый день таскаются.

— Мои? — как-то очень искренне удивился Бондарь, помолчал, пошлепал губами.

Рита скривилась, она точно видела перед собой его мятую картофельную рожу, поросшие шерстью пальцы и скользкий взгляд. Руки дрогнули, она едва не выронила телефон.

— То Витя Северный к тебе приходит, то мать умирает, — проговорил Бондарь, — хорош мне мозги парить, сиди тут и не дергайся. Иначе твоим псам конец придет, их на шашлык пуццу.

— Ты не понял, — у Риты сорвался голос, и она шептала, как недавно Тамара, — у меня мать умерла. Моя мать. Ты меня слышишь, педик старый?

— Мои соболезнования.

Из трубки понеслись короткие гудки, Рита швырнула телефон на стол, распахнула окно и вдохнула холодный сырой воздух. Хотелось орать, плакать, сломать что-нибудь, но тогда она будет похожей на Аньку, на эту мятую бестолочь, что не смогла заработать на квартиру своему выводку. Рожать ума хватило, а сделать бизнес, хоть какой — нет.

Рита позвонила Тамаре, та ответила сразу, будто смотрела на телефон.

— Тетя Тамара...

— Рита, ты поплачь, поплачь, — быстро заговорила та, — так легче будет. Потерпи немного, это пройдет. Мы сами только сегодня узнали, она в морге пока.

— Тетя Тамара, — Рита собралась с духом, — тетя Тамара, сделайте, пожалуйста, все, что нужно, я не могу приехать. Я вам заплачу, скажите, сколько. У вас карта к этому номеру телефона привязана или к другому?

— Ах ты дрянь, — выдохнула Тамара, — да как ты можешь! Да твоя мать только о тебе и говорила, только и думала что о тебе. И какая ты умница, и красавица, и что у мужиков ты нарасхват, — она уже кричала в голос и плакала при этом, — а как она радовалась, когда тебя повысили! Сказала, что ты лучшая из всех, что из нескольких выбирали. Гадина ты, Рита! Гадина и дрянь!

Ее крик оборвался, тишина давила на уши. Стены кабинета точно сжались,

Рита задыхалась, оставаться тут она больше не могла. Оделась кое-как и выскочила за дверь, бросила на ходу «я к врачу» и вылетела прочь.

— Катись, — донеслось ей вслед, она не поняла, кто это сказал, да и без разницы ей это было. Выбежала из банка и шла вдоль дороги, сворачивала куда придется, куда ноги вели. Выдохлась уже у старого парка, у входа на центральную его аллею, остановилась и тяжело дышала, точно бежала все это время, а не шла. Рита убрала с лица мокрые пряди, постояла немного, переводя дух. Надо проверить номер Тамары по базе банка, попросить процессинг, чтобы выяснили, где у нее счет — это будет небольшое должностное преступление, но банку все равно конец, и никто не узнает. Перевести ей денег с запасом, чтобы точно на все хватило...

Снова ожил мобильный, этот номер Рита узнала сразу — Пофигист собственной персоной.

— Марго, у нас сегодня важные переговоры, — пропел-промурлыкал он, — и я надеюсь на ваше гостеприимство. В семь, как обычно.

— Разумеется, — Рита смогла улыбнуться. — Буду ждать и сейчас же предупрежу Олеся.

— Вы прелесть, — ворковал Пофигист, — когда все закончится, у меня будет к вам предложение. Нет, не руки и сердца, а нечто более выгодное для нас обоих! До вечера!

Столько народу, как в тот вечер, в салоне не было еще ни разу. Заняты все комнаты, в большом зале, где на шесте отжигала Текила, не протолкнуться, дым ходит клубами, девки визжат. Мелисса напилась и бурно радовалась жизни, Олеся ласково улыбалась мужикам и всех отшивала — ждала Пофигиста. Тот засел со знакомой парочкой, рыжим и лысым, в дальней комнате, и сидели они там уже давно. За столом у окна что-то перетирали сразу пятеро, склонились над разложенными по столу бумагами и на Текилу почти не обращали внимания. Голова кружилась, мыслей не было, Рита неважно соображала, что происходит. Что-то говорила, улыбалась, как кукла, считала деньги и то и дело смотрелась в зеркало. «Это точно я?» — она будто сама себе не верила. После банка успела переодеться, надела зачем-то блестящие шмотки Текилы и черную толстовку сверху. Узкие брючки висели свободно, не помешал бы ремешок, Рита то и дело поправляла их, а потом надоело. Глеб наливал кому-то коньяк и фирменно улыбался, тяжелый запах ударил в голову, Рита едва не задохнулась. «Сука ты, — крутилось у нее в голове, — сука, гадина, дрянь». Целый день со всех сторон одно и то же, будто других слов для нее в мире и осталось.

Ее тронули за локоть, Рита обернулась слишком резко и едва устояла на ногах. Это оказался Колодин, он неделю назад оставил ей на хранение деньги. Сейчас она не видела, как он вошел, хотя старалась никого не пропустить. Выглядел строитель неважно: заросший, заметно похудевший, рот перекошен, глаза тусклые.

— Я за своими вещами, — тот оглянулся. Его толкнула Пума, она пробиралась по коридору следом за седым высоким мужиком со стеклянными безразличными глазами. Он старался держать рожу кирпичом, что называется, но сам уже взмок, покрылся красными пятнами, а Пуму держал так, будто вознамерился вырвать ей руку с корнем.

— Конечно, — Рита посторонилась, — одну минуточку.

Подумала, что вытаскивать портфель из кладовки сейчас не очень удобно: рядом полно народу и ее обязательно заметят. С другой стороны — какая разница, ее салон, что хочет, то и делает. Она не будет никому мешать.

— Я вас там подожду, — Колодин двинул к шесту, Рита посмотрела в зал. Надо бы проветрить, от дыма дышать нечем и плохо видно. Или это у нее в глазах потемнело?

— Ты чего? — Глеб смотрел на нее в упор. — Заболела? Выглядишь как-то странно.

— Нормально все, — Рита снова поглядела на себя в зеркало и пошла в кладовку. В коридоре было темно, Рита остановилась, прислушалась. Из-за крайней двери доносятся приглушенные матюки, там спорят так яростно, что того гляди подерутся. Делят какой-то очередной торговый центр, судя по знакомому названию, за ближней дверью слышится характерная возня и тихий смех. Рита боком пробралась в кладовку, встала на табуретку, нашарила под завалами портфель, и тут входная дверь грохнула так, что стены задрожали. Рита замерла на табуретке, через секунду раздались голоса, крик и визг — девки орали так, что перекрыли все остальные звуки. Табуретка покосилась, Рита чудом не свалилась с нее, прыгнула на пол и кинулась в коридор.

— Всем лежать! — раздалось из-за угла, Рита выскочила из темноты и отшатнулась — в нее целились из автомата. Здоровый, весь в черном и в черной маске мужик с шевроном ОМОН на рукаве показал ей в сторону стенки.

— Вы с ума сошли? — заорала на него Рита. — Вы что себе позволяете? Вам что тут надо?

Ее оттолкнули еще два здоровых омовца, ринулись в коридор, там тоже раздался грохот, захлопали, двери, завизжала Пума.

— Стоять там, — омовец снова показал стволом «калаша» на стенку, Рита отошла и встала так, чтобы все видеть. Ну, все — это громко сказано, за спинами омовцев она только и могла разглядеть, как ее гостей укладывают лицом в пол, обыскивают и скидывают мобильники, документы, ключи и прочую мелочь в большой пакет. Его держал высокий поджарый мужик в гражданке, но по выправке и манерам было понятно — он тоже из этих, что сейчас обыскивали салон. Протащили Пофигиста и парочку лысого с рыжим, при этом рыжий орал и вырывался, а лысый прикусил губу и весь сжался, точно старался сделаться меньше, чем есть на самом деле.

Выскочила пьяная Мелисса в одной майке, накинулась на ближайшего омовца:

— Пошли вон, вы не имеете права! Убирайтесь, свиньи!

Ее аккуратно взяли за плечи и толкнули к Рите, Мелисса обняла ее, прижалась горячим боком и жалобно ругалась. Прибежала Пума в полотенце, обняла Риту с другой стороны и заплакала. Толпа немного разошлась, кого-то вытащили на улицу, дверь висела на одной петле, стеклянные дверцы шкафа разбиты, баннер перекосялся. В белом кресле валяется пакет с мобильниками, оттуда несется музыка, звуки сливаются в жуткую мелодию, и Рита почувствовала, что ее вот-вот стошнит.

— Суки, твари, — плакала Пума, — какого хрена им надо!

«Вот и мне тоже это интересно», — Рита справилась с собой и смотрела во все глаза. Протащили на выход Колодина, вынесли под руки во двор и положили лицом в асфальт. Омовец пинком раздвинул ему ноги, Колодин при-

крыл голову руками и не шевелился. Рядом с ним Рита увидела Глеба: тому досталось место у лужи, но Глеб не жаловался, тоже лежал себе тихонько в белой рубашке на дороге и смотрел в асфальт. Толпа чуть поредела, Рита увидела Олесю — та красиво стояла с поднятыми руками и улыбалась омоновцам. Текила сидела у шеста и поправляла прическу.

— Чисто! — выкрикнули сбоку. Из коридора вывалился омоновец, глянул в прорезь маски ярко-синими глазами на Мелиссу, на Риту и, сжав кулак, показал им большой палец. Поджарый мужик в штатском обошел зал, двинул к Рите.

— Чисто, командир, — повторил омоновец, — только девки остались.

— Ну а что девки, — командир остановился напротив Риты. Мелисса перестала дрожать и выпрямилась, предъявила свои аргументы пятого размера, Пума отвернулась к стенке.

— Девки нам пока без надобности, — мужик прошелся мимо них, разглядывал, не стесняясь, подергал полотенце, за которым пряталась Пума. — Работайте, девки, работайте пока.

В открытую дверь задувал ледяной ветер, Пума дрожала и лязгала зубами. Рита толкнула ее в коридор:

— Иди отсюда, простудишься. И ты топай.

Мелисса утопала следом за Пумой, Олеся сидела на подлокотнике дивана и смотрела в открытую дверь. Там Пофигист, Глеб, Колодин, лысый, рыжий и еще несколько человек так и лежали вниз лицом, а к салону подъехал микроавтобус с тонированными стеклами. Пять или шесть омоновцев стояли неподалеку, и за их спинами собралась толпа. В неверном дерганом свете фонарей Рита узнала и бабушку в неизменном розовом халате, и еще нескольких человек, что жили в этом доме. Были еще подростки и вполне себе взрослые люди, почти все за каким-то чертом снимали происходящее на телефоны, омоновцы не вмешивались.

— Я так понимаю, что на сегодня все, — подала голос Текила. — Вечер пропал, кто заплатит мне неустойку?

— И мне, — улыбнулась Олеся.

— Да, — поддержала их вполне одетая Мелисса, — что насчет неустойки?

— Половину отдам, — Рита следила, как всех поднимают с асфальта, подводят к автобусу и пинком отправляют внутрь. Глеб исчез там одним из первых, за ним шел Пофигист — он все оглядывался, крутил головой, но его быстро затолкали внутрь.

— Половину? — возмутилась Мелисса. — Мы так не договаривались.

— Форс-мажор, — пояснила Рита и, видя, что ее ни фи́га не поняли, пояснила: — Непредвиденные обстоятельства. И откуда мне знать, что это не вы ментов натравили. Половины хватит.

Девки примолкли, Рита заплатила им, и они свалили. Автобус уехал, толпа разошлась, стало пусто и очень холодно. Рита хотела навести порядок, но сил не было. Поправила баннер, проверила портфель в кладовке, убрала осколки с пола. Потом кое-как закрыла дверь, даже ключ в замке повернулся, и пошла к дому. Вечер закончился раньше, чем она планировала, времени было полно. Мысли обжигали, Риту то и дело бросало в жар, она расстегнула пальто и уже хотела снять его, но одумалась. Шла еле-еле, нога за ногу, и думала о том, кто и как будет хоронить ее мать, что деньги Тамаре надо перевести завтра же и

кто мог навести ОМОН на салон. Целью была не она, это понятно, а кто-то из ее гостей. Пофигист говорил что-то насчет переговоров — может, кто-то хотел сорвать их и устроил эти маски-шоу. Вспомнилось слышанное давно, что за такой вызов силовики берут от пятидесяти тысяч рублей. Не такие уж большие деньги для ее гостей. Рита посмотрела на светлую машину, что ехала за ней от самого салона, и повернула к своему дому.

На этот раз, редкий случай, поднялась в лифте — до того устала, что упала бы по дороге. Вышла из кабины, достала ключи, и тут дверь сама открылась от легкого толчка. В квартире было темно, Рита не сразу поняла, что происходит. «Я забыла ее закрыть», — пришла мысль, и Рита сразу решила, что так оно и было. Прибежала из банка, быстро переоделась в яркие шмотки и сразу пошла в салон. А дверь не захлопнула, вылетело из головы. Вошла в прихожую и включила свет.

Бардак был такой, точно тут год или два не убирали, да еще и проживала толпа бомжей. Все вещи, все до единой, валялись на полу в комнате и коридоре, в кухне даже крупу рассыпали из банок, все шкафы настежь, в ванной в раковине лужа из «химии», вся косметика раскидана где придется. Рита прошла по квартире, чувствуя, как внутри все холодеет. Телевизор валялся на полу, с кровати сорвано покрывало, матрас выворочен, штора оторвана и валяется рядом. На гардеробную вообще лучше не смотреть, там все, что лежало на полках, в ящиках и коробках, грудой валяется на полу, сами полки некоторые сломаны, другие зачем-то сняты и брошены где придется.

Из подъезда раздался тихий звон лифта, открылись двери. Рита кинулась туда и в последний момент успела захлопнуть дверь перед Шуваловой — та все-таки успела сунуть нос в квартиру и вытаращила глаза от увиденного. Грохнула соседняя дверь, загремели замки и задвижки, и вот тут стало реально страшно. Рита вспомнила, что закрыла дверь, закрыла на два оборота, как всегда, на два замка, верхний и нижний. Но кто-то легко открыл их, причем тоже ключом, дверь не взломана, открыл и устроил тут разгром.

Перед глазами потемнело на какое-то время, Рита прикусила губу и пришла в себя. Выскочила из квартиры, вытащила телефон, сжала его в руке. Постояла так с минуту, спиной чувствуя, как Шувалова разглядывает ее в глазок, отошла к подоконнику. Еще немного постояла, глядя на город внизу, посмотрела на телефон и позвонила Черникову.

— Можешь приехать? — выпалила она единым духом. — Да, сейчас. Увидишь. Хорошо, я жду.

И едва не разревелась, когда увидела подъехавший к подъезду «Ровер». Черников вышел из лифта, покрутил головой, заметил Риту. Та показал ему на свою дверь.

— Смотри. Только в обморок не падай.

— Даже не знаю теперь, — он потянул створку на себя, перешагнул порог и присвистнул. — Мать моя. — Черников исчез в квартире.

Рита постояла еще немного и вошла следом. От вида разгрома стало вовсе уже тошно, теперь надо кого-то нанимать, чтобы навести тут порядок, и уж точно не сегодня. Черников поставил на место стол, закрыл выдвинутые ящики и прошелся по квартире. Рита села на тумбочку у двери и ждала, когда закончится этот день.

— Кто-то неплохо постарался, — Черников вышел из ванной, закрыл

дверь. — Бабки гончаровские искали.

— Думаешь? — Рита подняла голову. Черников прошел в кухню, под его подошвами тошно заскрипела рассыпанная крупа. — Может, им надо что-то другое?

— А какие еще есть варианты? — донеслось оттуда.

Вариантов не было вообще никаких. Вот до чертиков хотелось закрыться изнутри в гардеробной, лечь на кучу барахла и лежать ночь, день, сутки, двое, и чтобы рядом никого, чтобы никто не трогал.

— Кстати, где они? — Черников появился на пороге и посмотрел на Риту.

— В надежном месте.

— Отлично, — улыбнулся Черников, — было бы обидно так глупо потерять кучу денег. Ты предусмотрительная.

Рита пошла в кухню, Черников посторонился, пропустил ее. Рита осмотрелась уже почти спокойно. Бандиты хорошо поработали здесь, даже чай из коробки высыпали, даже соль и корицу. Рита подобрала с пола вилки и ложки, бросила их в мойку и повернулась к Черникову.

— Отвези меня в отель, пожалуйста. Я не могу здесь оставаться. Хотя нет, не надо, уже поздно. Я такси вызову.

Она сама не понимала сейчас, зачем позвонила ему. Надо было сразу вызвать такси и уезжать отсюда. Это был просто порыв, ошибка, она не должна была ему звонить, ему не надо все это видеть.

— Поехали.

Черников вышел в подъезд. Рита взяла с полки уцелевшую при разгроме бутылку коньяка, положила ее в сумку, закрыла дверь как обычно, на два замка по два оборота ключа каждый, и вошла в лифт. Черников нажал кнопку первого этажа.

Дождь был какой-то странный, тягучий, капли будто висели в воздухе, падали медленно-медленно, точно нехотя. Рита запахнула поплотнее пальто, подняла голову и сообразила, что это идет снег. Первый снег этой осени.

— Зима близко. — Черников поежился на ледяном ветру и открыл машину. — Садись уже, замерзнешь.

Средство для тепла у нее было с собой, лежало в сумке на коленях. Рита смотрела на дорогу впереди, на огни машин, домов и подсветки, что уже радовало глаз и вселяло крохотную надежду выжить в подступавшей непроглядной ночи. Это чувство обманчиво: стоит погаснуть огням, и ты останешься один на один с болью, одиночеством и тоской. Благородный напиток, выдержанный в дубовой бочке, лишь снимет симптомы, а когда хмель пройдет, дальше выкручиваться придется самостоятельно.

— Тебя хотели напугать, — сказал Черников, — показать, кто в доме хозяин. Если бы против тебя у Бондаря было что-то, он бы говорил с тобой по-другому.

Так оно и есть, наверное. Можно расценивать это как месть за покусанных братков и за старого педика заодно. «Завтра мать похоронят, как раз третий день». Огни расплылись перед глазами, слились в яркое месиво, Рита зажмурилась, но было поздно.

— Ритка, ну не надо, не надо, — Черников заметно растерялся, — не бойся, все закончилось. Не тронет он тебя, а скоро вообще о тебе забудет.

— Надо просто еще немного подождать, — гнусаво сказала Рита.

Черников не ответил и даже не посмотрел на нее, глядел только на дорогу, ну и в телефон еще, что то и дело гудел негромко. Машины остановились, светофор далеко впереди горел красным, потом появился зеленый свет, но поток сдвинулся ненамного, снова застряли намертво. Было уже довольно поздно, а пробка образовалась как днем в час пик, сверху сыпался мокрый снег и на асфальте превращался в ледяную кашу. Черников по-прежнему молчал, Рита бессмысленно смотрела в окно. Место было знакомым, она жила тут в хостеле в прошлом году, в той забегаловке как-то ела бургер, а вон по той улице слонялась, ожидая, когда у соседей по комнате закончится пьянка и можно будет идти спать.

— Поверни направо, — попросила Рита.

Черников выехал почти к бордюру и вписался между «Газелью» и «Фордом», обогнал их.

— Теперь еще раз направо, теперь прямо. На другую сторону, еще немного вперед. Приехали.

Она смотрела на отель, где ночевала после первых своих склеек, когда смогла заплатить за приличное жилье и уже скоро купила свое. Год прошел, целый год, а она и не заметила.

— И что, это нормальный отель? — Черников открыл дверь и рассматривал вывеску с четырьмя звездами. «В прошлом году был неплох».

Рита выбралась из машины и пошла внутрь. За стойкой дежурила та же девушка, что и год назад, Рита сразу узнала ее. Та выглядела уставшей и замученной, но гостям улыбнулась, сделав вид, что чертовски рада их видеть.

— У вас был номер с джакузи, — сказала Рита, — сколько стоит за ночь?

— Он занят, — девушка состроила страдальческую физиономию, — но есть тоже очень хороший, там большая лоджия и прекрасный вид на город.

Большая лоджия поздней осенью, да еще и в мокрый снег с дождем оказалась чудо как актуальна, но Рите было наплевать. Она принялась выгребать из карманов и сумки деньги, бросала на стойку скомканные купюры.

— Сколько ночей? — пришла в себя девушка. Она обалдело глядела на Риту и, кажется, тоже узнала ее.

— Не знаю, — вдруг стало так холодно, точно ветер снес закрытую тяжелую дверь и ворвался в теплое уютное помещение. — На две, на три. Дайте ключ, пожалуйста.

Очень хотелось в горячую ванну и спать, спать хоть сутки, хоть двое, можно даже не есть, а только спать. Чтобы было темно, тихо, и даже холодно пусть будет, лишь бы тихо. И немедленно.

Девушка положила ключ на стойку, Рита схватила его и тут же выронила, пальцы отказались подчиняться. И тут же на пол грохнулась сумка, пошел такой гул, будто в колокол ударили. Рита присела на корточки, дверь снова распахнулась, вошел Черников. Он быстро оказался рядом, поднял ключ, сумку, взвесил ее на руке, встряхнул. Коньяк торжественно булькнул внутри, Рита поднялась на ноги и забрала у Черникова ключ.

— Сдачу возьми, — Черников показал на стойку.

Рита собрала аккуратно сложенные купюры и сунула их в карман. Черников держал сумку чуть на отлете и пристально смотрел на Риту.

— Чего надумала? — Он отступил на шаг, Рита молча пошла к нему. Черников отошел еще дальше, они оказались у кофейного автомата. Тут пахло так,

что Рита едва не потеряла сознание. Черников тоже принялся и улыbnулся, сумку он держал за спиной. — Не уютно ли кофейку?

Рита мрачно смотрела на него, сжимала ключ в кулаке. Черников принял-ся шарить одной рукой по карманам, нашел несколько монет. Хотел кинуть их в автомат, но Рита не пускала, преградила Черникову дорогу и молчала.

— Ритка, не делай глупостей, — тихо сказал Черников, — это того не стоит. Да, неприятно и противно, даже очень. Но могло быть гораздо хуже, уж поверь.

— Мне радоваться? — перебила его Рита. — Радоваться, что эта мятая сволочь меня не убила, а просто по его приказу взломали дверь и перерыли всю квартиру? Я очень рада, честное слово. Дай сюда.

Она попыталась вырвать у Черникова сумку, но тот ловко увернулся, и Рита оказалась зажатой в угол. Черников уперся рукой в стенку возле ее головы, наклонился, и тут Рита разревелась. Сил даже стоять ровно не осталось, ноги подкашивались, слезы лились сами собой, стало тяжело дышать. Черников испугался, закрутил головой, зашептал тревожно:

— Не плачь, не надо, ну что ты, что ты. Ну прости, если я фигню сказал, только не реви. Да что ж такое...

Девушка за стойкой если и видела Риту, то сделала вид, что ничего не замечает. Уткнулась в монитор на стойке и притихла, как мышь под веником. И сидела так почти четверть часа, пока Рита приходила в себя. Слезы высохли, дышать стало легче, ноги уже не подкашивались. Черников пристально посмотрел на нее, отступил и протянул ей сумку. Рита прошла мимо него к лифту, нажала вызов. Черников оказался рядом и снова подал Рите ее сумку.

— Не тяжело? Донесешь? — Рита вошла в кабину, потянулась к кнопке третьего этажа.

— Не вопрос. — Черников шагнул в кабину и сам нажал кнопку.

Номер был в конце коридора, довольно далеко от лифта. В коридоре лампы горели через одну, по стенам и потолку прыгали жутковатые тени. Рита открыла номер, вошла, осмотрелась. Девушка не обманула, вид отсюда был на миллион долларов, если бы кто-то заплатил этот миллион за пребывание в их дыре. Домов напротив не было, город лежал внизу как на ладони, весь в мерцающих огнях под мокрым снегом. Рита отдернула шторы и поняла, что свет можно не включать, хватит и городских огней. Справа от лоджии помещался телевизор с двумя креслами рядом, слева довольно большой столик, а в дальнем, самом темном углу напротив окна стояла огромная кровать. Черников быстро осмотрелся и поставил сумку на стол. Рита скинула пальто и достала бутылку, взяла со столика стакан и налила себе почти половину.

— Куда тебе столько, — Черников отобрал у нее коньяк и налил себе. Рита вдохнула божественный запах и снова едва не упала. Господи, из чего они его делают, как? Нет, понятно, что шампанское делается только в провинции Шампань, коньяк — в одноименной провинции, но все равно это магия, вот стреляйте — но магия чистой воды. И отпила немного.

Черников не сводил с нее взгляда, тоже чуть пригубил и выдохнул с довольным видом.

— Вещь...

— Фигни не держим. — Рита заметила под столом что-то вроде сейфа, открыла — это оказался мини-бар. Кола, шоколадки, чипсы и орехи моменталь-

но оказались на столе, Рита взяла себе шоколадку и уселась в кресло. Черников стоял у окна и все смотрел на город, не мог оторваться. Рита сделала небольшой глоток, коньяк таял на языке как шоколад, но все равно было еще холодно, а пальцы точно судорогой свело. Вспомнила, как покупала этот коньяк, и вино заодно, несколько бутылок отличного французского вина. Если и продавать душу дьяволу, то за сабли или совињон, оно того стоит.

«Это дерьмо, дорогая», — раздался вдруг в голове голос матери. Рита точно снова видела ее перед собой: в тот день она прилетела из тура по Франции, вся легкая, радостная, нагруженная подарками — вином и косметикой, разбирала чемодан. Разбирала и рассказывала матери и про Аркашонский залив, про устричные фермы, об океанских приливах в Сен-Мало, о замках долины Луары и бескрайних песках в дельте Сены, где великая река сливается с Атлантикой, о том, что вино, сделанное из винограда с вершины холма, гораздо дороже вина из винограда равнины. Мать слушала ее, не перебивала, кивала, моргала из-под очков, а когда Рита выдохлась, сжала кулаки, ссутулилась и принялась так ходить по комнате.

— Ну все, это был последний раз. В последний раз ты съездила, никуда больше не поедешь. Денег не будет, времени не будет, заболеешь. В последний раз, в последний раз...

Она повторяла это как заведенная и все смотрела на Риту и улыбалась при этом, особенно когда говорила этот свой «последний раз». И от отпуска не осталось ничего, точно и никуда она не уезжала, не проехала и не пролетела несколько стран и много тысяч километров, этот «последний раз» придавил ее, как плита к земле. А потом мать открыла сабли.

— Что это за гадость? — бросила она, едва вдохнув запах белого вина.

— Это бургундское сабли.

— Это дерьмо, дорогая, — мать скривилась от первого глотка, — настоящее дерьмо. Если у тебя нет вкуса, это не значит, что его нет и у меня. Тебя в роддоме подменили, наверно, в кого ты такая кляча уродилась — не пойму. Вроде родители приличные.

Золото Бургундии полетело в раковину, следом мать швырнула бокал, и у него от удара отломилась тонкая ножка.

— Ритка, не пей столько, — Черников уселся на ковер и сам накатил хорошо так, от души. Потянулся за орешками, поглядел на крохотный пакетик и разорвал его. Рита улыбнулась и отпила еще, прикусила шоколадку. Черников шуршал пакетом, вылавливал там последний орех.

Потолок вдруг пошел вверх, стены разошлись, и Рита снова оказалась в больничной палате. Огромное помещение старой постройки пугало ее, на потолке были когда-то то ли картины, то ли фрески, их закрасили, но силуэты проступали, особенно по ночам, и Рита, ей было тогда семь или восемь лет, боялась их до истерики, до дрожи. Но сейчас она отходила от наркоза — ей вырезали аппендицит, операция прошла хорошо, сказал врач, и скоро надо будет вставать, чтобы шов зарастал правильно. Мать всю ночь сидела рядом с ней, и когда Рита отошла от наркоза, то первым, что она услышала, было:

— Ты сама виновата, если бы не ела столько семечек, тебе бы не делали операцию. Ты сама виновата. Ты еще долго теперь будешь болеть и не сможешь бегать.

Рита подумала тогда, что хорошо бы сейчас умереть и не мешать матери

жить. Она же так страдает из-за своей дочери, а когда та умрет, ей сразу станет хорошо.

Коньяк вдруг потерял вкус и запах, Рита пила его глотками, как воду — такое с ней было уже, летом, кажется, чувство было очень знакомым. Она взяла бутылку, Черников отобрал ее у Риты и сам налил ей немного, едва прикрыл дно.

— Еще, — потребовала она и протянула стакан.

— Нефиг в одно лицо, — проворчал Черников, но все же долил немного, — алкаши так бухают. Как Руснакова твоя.

Перед глазами возник и мигом пропал образ косматой пьяной бабы, Рита помотала головой и выпила еще. Коньяк стал прежним, обжигал еще сильнее, шоколадка уже закончилась, и закусывать было нечем. Черников открыл колу и протянул ее Рите. Она отказалась, поднялась с кресла и подошла к окну. Мерцание огней завораживало, снег будто таял от неживого света, над городом крутился мутный вихрь, как бездомный, и не знал, куда бы ему прибиться и перезимовать.

— Руснакова, — Рита поежилась. Черников так и сидел на ковре с полупустым стаканом и не сводил с Риты глаз. — А ты как в банк попал? — вдруг вырвалось у нее.

— Служил срочную, потом еще три года по контракту. — Черников обхватил стакан обеими руками, точно грелся или, наоборот, согревал коньяк. — Потом вернулся домой — работы нет. Пришел по объявлению, что нужен охранник, Тарновский проводил собеседование. Я ему понравился. — Черников отпил немного, хотел встать, Рита толкнула его в плечо, и Черников остался на месте.

— А потом? — Она обошла Черникова, снова встала у окна. Тот заметно напрягся и не сводил с Риты глаз.

— Работал, учился в универе, Тарновский меня заставил, потом дорос до его зама. Женился, развелся. А что?

Он залпом прикончил коньяк, взял пустую бутылку и поглядел ее на просвет. Чуда не произошло, она не наполнилась, на дне остались несколько капель. Черников поднялся, поставил все на стол и шагнул к Рите. Она отошла вбок, залпом допила свое и тоже поставила пустой стакан на стол. И показала Черникову на кресло:

— Сядь туда.

— Зачем? — Он нервно улыбался, но сел-таки на самый край, готовый сорваться с места.

«Типа мужик приватный танец заказал». Текила будто рядом стояла и говорила Рите, что ей делать. Она скинула толстовку, Черников подался вперед, Рита толкнула его обеими руками.

— Ты чего? — Он подчинился, Рита встала напротив, раздвинула ему колени и развернулась. «Нужна музыка, не медляк, а что-то поживее», — музыки нет, да и черт бы с ней. «Красный свет, больше красного света, он тебя спасет», — красного тоже нет, есть подсвеченная огнями города комната и жар, что пробивается изнутри, жар, кураж и душа, что загорелась от одной спички.

Рита делала все, как говорила ей Текила, делала так, будто репетировала сотни раз и еще больше раз выступала в клубе. Черников тянулся к ней, пытался схватить, Рита била его по рукам и продолжала танцевать. Отскочила в

конце, как показывала Текила, но Черников угадал маневр. Он схватил Риту обеими руками, притянул к себе.

— Куда собралась? — услышала она его шепот, хотела оттолкнуть, а тот вдруг сам отошел на шаг, всмотрелся в темный пол: — Что это там?

Рита повернулась, Черников наклонился и схватил ее под коленки, поднял к потолку. Рита схватила Черникова за плечи.

— Уронишь. — Она не сопротивлялась, Черников еще сильнее прижал ее к себе и смотрел уже без улыбки. — Пусти. — Рита уперлась ему в плечи, Черников чуть ослабил хватку, опустил Риту немного ниже, развернулся, и через несколько шагов они оба оказались на кровати, откуда не вставали до самого рассвета.

Почти зимнего, мутного и белого, когда непонятно, что за окном — туман или снег. Рита проснулась первой, лежала, кутаясь в простыни, и смотрела в утренние сумерки. В номере вперемешку валялись одежда, обертки от шоколадок, на столе почему-то лежит пустая бутылка от коньяка, стаканы на полу, рядом еще какая-то рваная яркая упаковка. И слышно, как гудит телефон, непонятно чей и непонятно где, и что время уже девятый час утра, но это неважно, сейчас совершенно неважно.

Черников лежал на животе в обнимку с подушкой, Рита повернулась к нему. Ночью ей кое-что показалось странным, и только сейчас она разглядела на его левой лопатке длинный белый шрам и под ним еще один, только короче. Рита осторожно коснулась его пальцем, провела вниз по ломаной вздувшейся над кожей кривой линии.

— Доброе утро, — буркнул Черников в подушку.

— Что это? — Рита вела пальцем дальше, Черников дернулся, будто ему было неприятно. Рита накрыла шрам ладонью.

— Сувенир, — сказал Черников, — со службы остался.

— Больно было? — Рита плотнее прижала ладонь к теплой коже, и Черников замер.

— Забыл давно.

Он перевернулся на спину, потер лицо ладонями и принялся хлопать по кровати вокруг себя.

— Где телефон, сколько времени?

— Ты все равно опоздал. — Рита накрылась до подбородка и смотрела, как Черников после душа собирает вещи, как ищет свои вещи, как чертыхается, глядя в телефон. И не выдержала, рассмеялась, Черников сел рядом с ней на кровать и еще минут десять ни смеяться, ни говорить она не могла.

— Надо идти, — Черников отпустил ее, — я правда не могу. Меня зампредаправления разорвет на мелкие кусочки.

— Иди, наемник, — Рита оттолкнула его, — иди скорее. Ты мне живой нужен, целый и здоровый.

— Я позвоню, — Черникова раздирало между Ритой и гудящим телефоном.

— Звони, — разрешила Рита и потянулась, — я пока тут останусь. На работу попозже приду, скажу, что зуб лечила.

И когда осталась одна и хорошенько рассмотрела себя в зеркало, поняла, что на работу она опоздает очень сильно. Красные пятна на лице и шее можно было скрыть только одним способом, но требовалось время. Отель предлагал завтрак, Рита даже успела поесть и вышла в снежную мусть, закуталась в

пальто и посмотрела по сторонам. Ветер пробирался под легкие шмотки, было чертовски холодно, зато сон как рукой сняло. Рита быстро шла по улице и вернула в первый же салон красоты, что попался по дороге. Она была первым клиентом в этот день, все внимание персонала досталось ей.

— Мэйк надо, — сказала Рита, и ее поняли с полуслова. Серьезная девушка пристально осмотрела ее и взялась за дело.

В банк Рита пришла через два часа после начала рабочего дня, и это было вторым ее преступлением. Первым стало вопиющее нарушение дресс-кода: если бы ее увидела Шумилина, Рита писала бы заявление по собственному прямо в коридоре. На нее пялились все, начиная от охранника, которого она раньше не видела, до Милютин, что аж дар речи потерял и только моргал мелкими глазенками.

— Доброе утро, Алексей Алексеевич, — улыбнулась ему Рита, — как ваши дела, как спалось? Надеюсь, хорошо? И это замечательно!

Милютин вякнул что-то ей вслед, но Рита уже ушла, ей было с ним неинтересно. Дальше она столкнулась с Галановой, та поливала пальму в углу и вцепилась в лейку обеими руками.

— Ритка, — Галанова обошла Риту вокруг, — вот это да. Это обалдеть. Ты чего такая красивая?

— Фотосессию для сайта знакомств хочу сделать, — улыбнулась Рита, — может, замуж позовут.

— Оно тебе надо? — сразу расстроилась Галанова и вернулась к пальме. — Лучше так ходи, на хрена тебе замуж.

Рита пошла в свой отдел, подумала по дороге, что в обед надо купить какие-то вещи попроще и переодеться. Ехать в разгромленную квартиру не хотелось, в отеле, как выяснилось, она вчера заплатила за три ночи, и можно будет продлить.

На приветствие ей ответили мычанием и несвязными словами, Рита сделала вид, что все в порядке, и быстро закрылась у себя. Старый дом пропал в тумане и снежной мути, Рита не видела ничего, как ни вглядывалась в смутные очертания стен и крыши. Включила компьютер, направила рассылку по своему отделу с напоминанием о форме четырнадцать и сотый раз, навверное, поглядела на себя в зеркало. Следы бурной ночи надежно скрывал макияж, Рита ни разу не видела себя такой и подумала, что неплохо бы сделать несколько фото.

— Наша-то на свиданку с утра собралась, — раздалось из-за двери. Ирка не особо старалась понизить голос, Рита улыбнулась, сделала несколько селфи и скинула их Черникову. Тот прислал падающий в обморок смайлик и коротенькое сообщение: «Обалдеть. Надеюсь, что к вечеру ничего не изменится». Рита подтащила стул к окну, закинула ноги на подоконник, стала смотреть на старый дом, что постепенно выплывал из снежных вихрей, и ждать, когда наступит вечер. Из-за двери доносились шаги, голоса, отзвуки Анькиной истерики, а Рита все смотрела в окно. Дела начались ближе к обеду. Первым позвонил Глеб.

— Я дома, — сообщил он, — полчаса назад отпустили. Ночка в отделении полиции — так себе удовольствие, скажу я тебе.

— Поздравляю, — Рита реально была рада, что с Глебом все обошлось, что он на свободе и в безопасности.

— Ты же понимаешь, что я ничем не могла тебе вчера помочь, — сказала она, Глеб уткнул и добавил:

— Против лома нет приема, понятное дело. Я бы тоже с ОМОНОм в драку не полез. Только вот еще что — у меня сотряс, я вчера балдой неслабо так приложился. И рожа поцарапана. Отлежаться хочу. Справишься без меня сегодня?

— Лечись, конечно. — Планов на сегодня не было. Видимо, отпустили только Глеба, и, кроме него, ей пока никто не звонил. И только отбилась, как по-неслось: сначала процессинг, хорошая знакомая, с ней вместе Рита пришла в банк на работу несколько лет назад. И тихо-тихо, на грани слышимости, продиктовала Рите номер карточного счета Тамары.

— Ритка, только я тебе ничего не говорила, — из трубки доносился умоляющий голос, — это повод для должностного расследования, ну ты же понимаешь.

— Понимаю. Не волнуйся.

Рита не собиралась никому ничего говорить, перевела на счет половину, что было на карте (а зарплату она не снимала уже несколько месяцев), потом добавила еще. «Этого должно хватить». Рита закрыла приложение и снова посмотрела на дом. Его уже было хорошо видно, особенно химеру с мордой, облепленной мокрым снегом. Чудище точно обалдело от такой наглости природы и на всякий случай не шевелилось, чтобы не прилетело еще чего похуже. Внизу у старых кленов никого, торчит трава из-под снега, следов нет, ни людских, ни звериных. Чисто, пусто и очень холодно, небо темнеет на глазах — на подходе новая буря. И тут снова ожил мобильник, этот номер Рита узнала сразу и поторопилась ответить.

— Только что отпустили, — сообщил ей Пофигист, — я домой еду. Никогда в жизни так не хотелось в душ! Так вот, вчера какая-то сволочь сорвала нам переговоры. Мы продолжим сегодня, если вы не против.

— К семи, как обычно? — уточнила Рита.

— Лучше пораньше, в шесть, — изменил своим привычкам Пофигист, — будут новые люди, это займет больше времени.

Рита сразу согласилась на новые условия, еще посмотрела в окно и позвонила Черникову.

Тот сначала сбросил ее и через несколько минут перезвонил сам.

— Я к шести иду в салон, — сказала Рита, — сколько там пробуду — не знаю. Какие-то новые люди сегодня будут, это может затянуться надолго.

— Я заеду за тобой, как освобожусь, — бросил Черников и отбился. Рита еще посмотрела в окно, потом на себя в зеркало и принялась обзванивать девок.

Вечером пришли все, ни одна не опоздала, и все дружно накинулись на Риту, едва та закрыла за собой дверь.

— Накрасилась наконец-то, — Текила оценивающе оглядела ее, — свершилось.

— Тебе хорошо, очень хорошо, — в один голос твердили Мелисса и Пума, Олеся просто показала большой палец и устроилась на диване. Пофигист чуть опоздал, зато притащил с собой сразу четверых, двух вчерашних: рыжего с мерзкими, точно стеклянными глазами, и лысого. Тот первым делом начал трогать девок за все места и все посматривал на Риту. Она же разглядывала своих новых гостей. Один невысокий, с длинным лицом и залысиной, при-

крытой серыми волосами, но еще молодой, резкий, он едва глянул на Риту и переключился на Мелиссу. Та благосклонно улыбалась ему, мужик жадно глядел на нее и все никак не мог оторваться. Второй был на голову выше напарника, подтянутый, собранный, скуластый, с хитрым взглядом зеленых глаз, светлые волосы зачесаны назад, двигается быстро. В темном костюме и светлой рубашке без галстука, он первым делом осмотрелся, поулыбался девкам, показывая роскошные белые зубы, подошел к Рите.

— Это вы Марго, хозяйка этого милого заведения?

По тону было непонятно, издевка это или неуклюжий комплимент. Рита тоже улыбнулась и кивнула, присматриваясь к незнакомцу. Тот прижал ладонь к груди и склонил голову.

— Антон Шалаев, будем знакомы. Мне рекомендовали ваше заведение как исключительно удобное для конфиденциальных встреч. Вижу, что не наврали.

Это было уже почти от души, Шалаев улыбнулся шикарно и поцеловал Рите руку.

— Сюда проходим, — распорядился рыжий. Он пристально смотрел на Шалаева, тот сунулся в кабинет, покрутил головой.

— Не тесно. Давайте тут, — он показал на угловой диван в большом зале, — тут будет удобно. Девчонки, вы нас там подождите...

Текила закрутилась у шеста, рыжий и лысый сели так, чтобы ее видеть, Пофигист устроился сбоку, второй новичок сел к Текиле спиной. Послышалась музыка, Текила разминалась все активнее, Шалаев подошел к Рите.

— Профессионалку сразу видно, — он качнул головой в сторону Текилы, — кстати, я в детстве занимался бальными танцами. Угодно ли тур вальса, Марго?

Рита ничего не успела сказать, Шалаев обнял ее, крепко взял за руку и прошептал ей на ухо:

— Если не умеете, я научу, это легко. Давайте на счет три. Раз, два...

— Вы мне ноги оттопчете, — Рита высвободилась, — я слышала, в танцах виноват тот, кому наступают на ноги.

— Уважаемый, — подал голос рыжий, — у нас еще другие дела есть. Но ради вас мы готовы отложить сделку.

И улыбнулся первый раз за все время, что Рита его знала. Просто оскалил вставные с синим отливом зубы, а глаза так и казались мертвыми. Пофигист раскладывал на столе бумаги и ни на кого больше не смотрел.

— Пардон, — Шалаев прижал ладонь к груди. — Дела, будь они неладны. Но тур вальса за мной! Кстати, вы знаете, что в девятнадцатом веке у дамы и кавалера был определенный лимит на танцы и за вечер изначально пара могла станцевать только один раз. Больше этого могли позволить себе только помолвленные жених и невеста!

Он отошел, устроился в кресле боком к шесту, развалился удобно, но Рита заметила, как Шалаев держит спину, голову, и сразу стало понятно — он готов к любым событиям. Девки хихикали, Текила красиво крутилась на шесте, играла негромкая музыка — не медляк, а то, что надо. Рита прошла по комнатам, потом проверила портфель — тот спокойно лежал на месте, такой же толстый и тяжелый, как несколько дней назад. Колодин не звонил и пока не объявлялся, значит, пока еще томился в застенках. Вообще странный был наезд

вчера, надо у Пофигиста спросить, кто это мог быть, он все про всех знает. И еще подумалось — как могло все обернуться, если бы тут вчера была Гранина. Хотя из женщин никого не тронули.

Время шло, бумаг на столе становилось больше, лысый закурил, потом его примеру последовал еще кто-то, Рита не видела со своего места. Она сидела за стойкой и думала, что жить в отеле постоянно ей не хочется, что надо собраться с духом, войти в свою квартиру и привести ее в порядок. И что лучше всего было бы уехать из этого чертова городишки куда подальше прямо сейчас, сию секунду, но едва она выйдет на улицу, следом снова поедет машина и проводит ее до дома. Или до отеля, как сегодня. Интересно, вчера за ними ехал кто-то? Рита плохо помнила дорогу, очнулась только в отеле, и то после того, как разревелась в темном углу.

— Хлебало завали, сука!

Дальше пошел такой качественный мат, что первым желанием было закрыть дверь. Рита вскочила, и тут грохнуло так, будто снова стреляли. Девки завизжали и кинулись прочь, Мелисса неслась первой, забежала зачем-то за стойку и впечатала Риту в стенку. В зале продолжали орать и гремело так, будто кто-то рубил мебель и стены топором.

— Там драка, — спокойно сказала Текила, — расходимся, девки. Работы сегодня опять не будет.

Рита оттолкнула Мелиссу и вбежала в зал. Бумаги валялись на полу, стол, довольно большой и тяжелый, был сдвинут к двери, рыжий обеими руками душил Пофигиста, тот бестолково махал руками и хватал воздух ртом.

— Да вломи ты ему! — закричала Олеся. — Врежь по голени! Ну, давай, давай, бей!

Пофигист покосился на нее и действительно врезал ботинком рыжему по ноге. А тот лишь поморщился и сжал пальцы еще сильнее.

— Ты меня разводишь, сволочь? — услышала Рита и выбежала на середину зала. Лысый тоже побагровел, схватил со стола ноут, захлопнул крышку и с силой врезал рыжему по затылку.

— Отпусти его, придурок, читай договор! Там все написано! Я же говорил, что условия базовые, мы потом допник составим!

Рыжий отпустил Пофигиста и ринулся на лысого. Шалаев непостижимым образом оказался между ними и толкнул рыжего в грудь. Того отнесло к шесту, он налетел на стол, не удержался и плюхнулся на него, на пол свалилась почти пустая бутылка из-под мартини.

Пофигист поправлял галстук и отдувался, Олеся прибежала с бутылкой воды и сунула ее Пофигисту. Лысый включил ноут и вместе с ним уселся на место.

— Что за деревенщина, — пробормотал Пофигист, — как дикари, ей-богу. Мы же разумные люди, можем договориться. Не нравятся условия — скорректируем контракт.

Олеся приглаживала Пофигисту волосы и что-то шептала ему, мужик с залысынами подбирал бумаги, девки выглядывали из коридора. Шалаев вернул стол на место, улыбнулся Рите и уселся в кресло. Рыжий поднялся со стола, взял бутылку за горлышко и грохнул ею шест. Полетели осколки, девки снова завизжали на все лады, рыжий с розочкой в руке двинул к Пофигисту.

— Отвали! — заорала Олеся. — Ты охренел? Пошел в задницу!

Пофигист вскочил, лысый ссутулился, вжал голову в плечи, отбежал к окну и оттуда по стеночке двинул к выходу, даже ноут свой забыл. Или не свой, Рита не помнила, что было у кого в руках, когда они вошли в салон. Олеся выскочила навстречу рыжему, тот отпихнул ее, как болонку, Олеся отлетела и грохнулась на пол, Пофигист снял очки и наклонил голову.

— Ты охренел?

Рыжий пер напролом, Олеся немного задержала его, но лишь на секунды. Рыжий мигом оказался напротив Пофигиста, их разделял край стола, блеснула острыми краями розочка, Пофигист отпрянул. И дальше ему деваться было некуда, если только в окно или под стол, Рыжий перегнулся через стол, замахнулся еще раз. Шалаев одним прыжком оказался рядом, просунул обе руки рыжему под мышки и ладонями надавил ему на затылок.

— Раньше в приличных домах любые стычки, конфликты, открытая демонстрация недовольства и ревности считались примером дурного тона и неуважения к принимающим, — Шалаев чуть побледнел и еще сильнее надавил рыжему на затылок. Тот, что с залысынами, выкрутил рыжему запястье, бутылка выпала, грохот падения заглушили мат и крики.

— Как интересно. — Рита вздрогнула и обернулась. Черников стоял на пороге зала и не сводил с Шалаева взгляда. — Какой сюрприз.

Про Риту он, казалось, забыл, смотрел неотрывно, как Шалаев держит взбесившегося мужика, как прижимает ему голову к груди, как тот дергается, орет, но ничего не может сделать, лишь машет руками, как курица крыльями. Пофигист отпихнул розочку подальше, та вылетела в коридор и закрутилась на полу. Рита еще раз обернулась — девок уже не было, только Олеся обнимала Пофигиста и крыла рыжего такими словами, что Гранина обзавидовалась бы.

— Я раньше закончил. — Черников взял Риту за локоть и отвел в коридор, а сам все смотрел в зал. Рыжий тяжело дышал, согнулся пополам, Пофигист быстро собирал документы, не забывая поглаживать Олесю по заднице. Третий мужик куда-то подевался, Рита не заметила, как он ушел.

— Кто такие? — Черников показал на Шалаева. Тот отошел к окну и говорил по телефону. Стоял спиной к рыжему, сунул руку в карман, и было видно, что чувствует он себя превосходно.

— Не знаю, это новые, я их раньше тут не видела.

Черников не ответил, кивнул Пофигисту, смерил взглядом Олесю, а сам следил за Шалаевым. Тот поговорил, рассмеялся напоследок и тоже пошел на выход.

— Прошу прощения, Марго, — он снова поцеловал Рите руку, — местные нравы дикие, как оказалось. Вы — приятное исключение в этом темном царстве. Я не прощаюсь.

Быстро глянул на Черникова и свалил, аккуратно закрыв за собой дверь. Черников подождал немного, вышел следом, Рита успела заметить в приоткрытую дверь, как от салона отъезжает белая «Ауди». Черников повернулся к Рите.

— Поехали отсюда.

В зале на полу валялись осколки, обрывки бумаги и еще какая-то дрянь. «Глеба попрошу убрать, пусть наймет кого-нибудь». Рита выкинула розочку в мусорку, выключила везде свет, закрыла салон и села в машину. И всю дорогу, пока ехали, оглядывалась, присматривалась к машинам, что ехали рядом или

сбоку, что обгоняли или, наоборот, оставались позади. Черников посматривал на нее в зеркало на лобовом стекле, Рита покрутилась еще немного и успокоилась. Вернее, перестала думать о том, что их сейчас могут преследовать, — в конце концов, если бы от нее хотели избавиться, то давно бы это сделали.

Через несколько минут приехали в отель, оставили «Ровер» на парковке неподалеку. Рита пошла к входу, но Черников не торопился. Он осмотрелся, прошелся немного по улице, остановился и поманил Риту к себе.

— Пойдем посидим, — Черников показал на окна небольшого ресторана, — я с утра не ел.

Ей есть не особо хотелось, но Рита согласилась. Хорошо, что народа было немного и самый дальний столик у окна с красной подсветкой оказался в их с Черниковым распоряжении. Принесли заказ, Рита сидела над своей тарелкой и смотрела в окно, провожала взглядом каждую светлую машину. Одна остановилась неподалеку, из нее никто не вышел, водитель курил в темноте салона — был виден алый огонек зажженной сигареты. Потом окурок вылетел в снежную кашу, машина уехала.

— Ну что там, — поинтересовался Черников, — следят за тобой?

И усмехнулся, не дождавшись ответа, Рита тоже улыбнулась, делая вид, что ей все равно.

— Ревнуешь? — она посмотрела Черникову в глаза.

— Да, — отозвался тот, — еще как.

— А если Бондарь позовет меня в ресторан, а потом в отель — что ты будешь делать?

Черников перестал улыбаться, откинулся на высокую спинку стула и повернулся к окну. Включили негромкую приятную музыку, подсветка на окнах переливалась всеми оттенками красного — от пурпурного до нежно-розового и обратно, где-то курили, но дым был приятный, не раздражал. Черников отодвинул тарелку, положил перед собой салфетку и взял нож.

— Смотри, — он показал ножом на розовую ткань, — представь, что это город. Город, где мы с тобой сейчас. Дома, улицы, дороги, здания — этот город. Видишь?

— Вижу, — Рита не понимала, к чему он клонит, просто ответила на вопрос.

— Здесь есть магазин, тут торговый центр, тут еще один, тут мойка машин, тут ювелирный, тут продают иномарки, здесь две платные клиники, тут зубная, тут рынок, рядом кинотеатр, — закругленное острие ножа перемещалось по салфетке, Рита едва успевала следить за ним. — А вот тут, — салфетка побегрела вслед за лампочками на окне, — строят новый ЖК, с этой стороны — еще один. Там, кстати, раньше туберкулезная лечебница была, не завидую людям, которые купят квартиры в тех домах.

— Еще есть трубный завод, — подсказала Рита.

— Точно, — нож ткнулся в край салфетки, — так вот, это все бизнес, и бизнес платит не только налоги.

Рита быстро глянула в окно — там показалась светлая машина, но она быстро промчалась мимо. Черников не сводил с Риты глаз и с такой силой надавил на нож, что треснула ткань под тупым концом. Рита сжала кулаки и прикусила губу.

— Бизнес платит бандитам, чиновникам и ментам, — негромко сказал Чер-

ников, — у тех давно все поделено, кто кого доит. Кстати, этот олень, что бутылки бил, глава департамента капитального строительства нашей администрации, можешь на их сайте посмотреть. Лысый сутулый хрен — это человек Бондаря, тот поручил ему выкупить участок под строительство в центре рядом с нашим банком. А третий — это посредник между властью и бандитами, он оформляет документы, передает деньги и все такое.

— А кто был от ментов? — ошарашенно спросила Рита. Нет, она знала, что Пофигист не так прост, как кажется, и отлично помнила, чем закончилась Женькина попытка шантажа, и красную машину хорошо помнила, и ту запись.

— Без понятия, — отрезал Черников, — я в их песочницу не заглядываю, у меня свои дела. Знаю так, в общих чертах. Так вот, все кормушки в городе поделены, и не дай бог кому-то ступить на чужую территорию — разорвут. И в центре всего этого был Гончаров, он следил за порядком, делил кормушки, отсеивал беспредельщиков и получал свою долю, само собой, но сам жил и давал жить другим. А теперь на его месте...

— Бондарь, — сказала Рита.

Нож ткнулся в центр салфетки, образовалась еще одна продолговатая дырочка. Черников крутанул нож в пальцах и положил его рядом с тарелкой.

— Точно, — он подался вперед, — молодец. Причем у Гончарова, а теперь и у Бондаря есть компромат на каждого из тех, кого я перечислил. Он может прижать любого, купить или просто попросить в конце концов, отдать услугой за услугу, и в городе будет порядок, сюда придет бизнес, будет работа, налоги, и всем будет хорошо. А теперь представь, что его нет. Вернее, что его резко не стало. Ну, мало ли что бывает — инфаркт, инсульт, кирпич на голову. Бывает, знаешь ли, идешь себе, идешь, и тут бац — кирпич. Лежал, лежал и упал внезапно. Кстати, у Бондаря и свой бизнес имеется, тоже хлебный.

— Кладбища и похоронные конторы.

Черников поморщился и отвернулся к окну.

— А если Бондаря не будет, его бизнес перейдет кому-то другому и весь передел начнется по новой, — Рита почти в точности повторила слова Черникова, и тот кивнул.

— Не просто передел, а истребление, все против всех, как в девяностых. Найдется новый Гончаров, он возьмет себе этот город, и снова будет тишь да гладь, никто не будет стрелять на улицах. Но все ли доживут? Ты подумай, Рита, хорошо подумай. У тебя был выбор, ты решила ввязаться в эту игру, и теперь тебе придется ждать, только ждать.

Вот чего-чего, а ждать в жизни ей пришлось много, долго, можно сказать, что она и не жила, а все ждала, когда эта самая жизнь начнется. Сначала получи образование, потом сделай карьеру, роди несколько раз, будь хорошей для всех, не осуждай, будь терпеливой, понимающей и нежной с каждой скотиной, что встретится тебе на пути. И жди, главное, жди, пока эта самая жизнь пройдет. Будет что вспомнить.

Рита проснулась среди ночи, полежала, глядя в потолок, потом встала, закуталась в простыню и подошла к окну. Долго смотрела на живые огни под мелким снегом, вспомнила, как сама год назад ходила по темным улицам. Вспомнила и как продала дорогие часы, и свое украденное платье цвета лаванды и много чего еще из прошлого, что взять бы, скомкать как газету и бро-

сидеть на антресоли с глаз долой. А еще лучше поджечь, чтоб прошлое улетело вместе с дымом, рассыпалось пеплом. Посмотрела на Черникова, что спал лицом к стенке. Он спрашивал про те деньги — зачем? Он знает, что она забрала их из банка, и хочет знать, где они сейчас, хочет сам распорядиться ими и ее жизнью, как Игорь совсем недавно, в прошлом, черт бы его побрал, году. И не только деньгами, но и ее, Риты, жизнью. Это она уже проходила, урок усвоен.

Рита отвернулась к окну, посмотрела вниз. И поняла, что сейчас, как и год назад, ей никто не поможет. Придется снова все сделать самой.

Пофигист позвонил ближе к обеду.

— Вы будете смеяться, но нам надо закончить сделку. Этого психа не будет, не волнуйтесь.

Договорились, как обычно, на вечер. Первым приехал лысый, он сутулился еще больше и старался не обращать на девок внимания, но получалось не очень. Почти следом за ним вошел Пофигист и с ним крупный спокойный мужик с глазами навывкате. Он первым делом потрогал Текилу за грудь, посадил себе на колени и что-то шептал ей на ухо, пока Пофигист доставал бумаги. Потом шлепнул Текилу по заднице, и та двинула на рабочее место — к шесту. Глеб изредка поглядывал на нее, но они пока не сказали друг другу ни слова. И только лысый открыл ноут, как в салон вошел Шалаев. Снова в костюме и футболке под ним, изысканно-небритый, он улыбнулся всем сразу и поцеловал Рите руку.

— Я без предупреждения.

Рита промолчала — не выгонять же, раз пришел. К тому же деньги лишними не будут. Шалаев точно читал ее мысли, аккуратно вложил ей в руку несколько свернутых в трубочку крупных купюр.

— У меня сегодня должна быть встреча, — Шалаев смотрел на Текилу, что добросовестно отрабатывала смену, — но люди задерживаются. Я подожду тут, если вы не против.

И уселся на диван у входа в большой зал. Мелисса несколько раз прошла мимо, Шалаев оглядел ее оценивающе, но этим и ограничился.

— С девушкой пообщаться не желаете, пока ждете? — ему в лоб намекнула Рита. — Или хотите выпить?

— Я за рулем, — аки котик прищурился Шалаев, — я чту закон, есть у меня такая слабость.

«Менты, бандиты и чиновники. А ты кто будешь такой?» — крутанулось в голове. Рита улыбнулась Шалаеву, он протянул ей руку.

— Я бы с вами пообщался, прекрасная Марго. В том смысле, что просто поговорить. Присаживайтесь.

Рита села на подлокотник, Шалаев мигом придвинулся и принялся рассматривать ее, не забывая жмуриться, точно свет слепил ему глаза. Рита смотрела то в зал, где переговоры шли своим чередом — крупный дядя не обращал на Текилу внимания, лысый забыл, что надо держать недовольную рожу, и пялился на девок. Приехала Олеся, махнула Глебу, расцеловалась с Мелиссой и задела Шалаева коленкой. Сделала вид, что не заметила, и уселась поближе к Пофигисту на соседний диван, красиво разложила свои фотогеничные кости и принялась копаться в безразмерной сумке, что притащила с собой. Пофигист будто ничего не видел, что-то то ли чертил, то ли быстро писал в большом блокноте.

— Какой у вас интересный бизнес, — протянул Шалаев, — вроде все законно, салон красоты...

— А что незаконно? — удивилась Рита. — Обычный клуб, люди отдыхают, хорошо проводят время. А девушки сами решают, как далеко зайти в общении с гостями. Я никого не заставляю, если вы заметили.

— Я заметил, — Шалаев не переставал улыбаться, — кстати, вы знаете этих людей?

Он кивнул в сторону троицы за столом.

— Без понятия, — Рита уселась поудобнее и положила ногу на ногу. — Я не спрашиваю у своих гостей их имен и паспортов. Главное...

— Чтобы платили, — закончил за нее Шалаев. Рита кивнула. Разговор затягивался, напарник, или кого он там ждал, не появлялся и вряд ли объявится. Шалаеву нужно что-то другое. «Мент, бандит, чиновник?» — она не могла даже предположить, как ни пыталась. Шалаев смотрел на Текилу, поправил золотую цепочку под воротником и точно невзначай прислонился плечом к бедру Риты.

— А у вас какой бизнес? — она отодвинулась немного в сторону, Шалаев не шелохнулся.

— Финансы, инвестиции, — безразлично бросил он.

— Вы не из нашего города, — выпалила Рита. Шалаев кивнул, не глядя на нее.

— Вы правы. Но у меня появился интерес в этих краях. Надеюсь, что сегодня мы обсудим детали и у меня будет повод остаться тут надолго. Так что на счет вальса, Марго?

Пофигист вдруг принялся перерывать бумаги на столе, потом вскочил и хлопал себя по карманам, потом вывернул их, высыпал содержимое на стол и выглядел при этом растерянно и немного смешно.

— Черт подери, — он явно расстроился, — я второй телефон забыл в машине, контакты там. Я принесу, одну минуту. Прошу прощения.

Он переступил через ноги лысого и двинул к выходу, почти пробежал мимо Риты и Шалаева. Тот и головы не повернул, но Рита заметила его взгляд в спину решалы. Пофигист уже выскочил за дверь, и было слышно, как он бежит по ступенькам.

— Ключи забыл! — Олеся сорвалась с места. — Куда ты!

Пофигист ее не слышал, Олеся схватила со стола брелок с ключами и побежала следом. Глеб едва успел отскочить с дороги, Олеся дернула на себя дверь, на пороге стоял Пофигист.

— Что?

— Ключи забыл.

— Точно, спасибо.

Дверь закрылась, и в ней появились три небольшие ровные дырки, одна над другой, слева направо. Или справа налево, Рита не заметила, какая из них была первой. Из стенки под баннером с красоткой вылетел фонтанчик пыли, снова появилась дырка, потом еще одна, чуть выше. И все это в полной тишине, если не считать негромкой музыки и голосов. Глеб из-за стойки смотрел то на дырявую дверь, то на стенку, глупо крутил головой. Рита вскочила, бросилась к двери, и тут в ней появилась еще одна дыра, за ней были чернота и мрак. Раздался звон, грохот — это свалился баннер со стены, закрыл дырку.

— Что это... — Рита посмотрела на Глеба, тот попятился к стенке, прилип к ней, точно хотел слиться намертво, и побледнел. Шалаев схватил Риту за локти и отшвырнул в зал, она упала и больно ударилась коленкой. Снова раздался звон — это на глазах разлетелись остатки стекла баннера. Лысый и второй мужик вскочили, пятались то друг на друга, то на Риту. Текила обвилась вокруг шеста и пяталась в коридор. Рита вскочила, побежала к двери. Шалаев вытянул руку, не давая Рите пройти.

— погоди, погоди, — он одним прыжком оказался у двери и встал сбоку, — вот это поворот. Ни хрена себе, — он потрогал разорванный металл. — Тут сантиметров десять?

Шалаев повернулся к Глебу, тот кивнул.

— Наверное. Не знаю.

Шалаев обернулся и махнул на всех, кто высунулся в коридор:

— Отвалите, или жить надоело? Да пошли на хер все!

— Ты не ори, — неуверенно сказала Мелисса, — разорался тут... Это что — стреляли?

Она точно спусковой крючок нажала: все, кто стоял в ступоре, рванули по сторонам. Текила кинулась в туалет и закрылась там, даже Мелиссу не пустила, хоть та и рвалась к ней, мужики в зале сгребали документы и деньги со стола, лысый схватил ноут, принялся запикивать его в сумку, ноут не лез, лысый чуть не плакал, вжал голову в плечи и постоянно оглядывался. Из дальнего конца коридора неслись грохот, визг и матюки, потом Мелисса заревела, Глеб перекрестился. Шалаев скривился, точно лимон укусил, приоткрыл дверь и отскочил.

В коридор упала мертвая Олеся — глаза открыты, смотрят в потолок, светлые волосы в багровых и рыжих пятнах, правая рука прижата к животу, в ней зажаты ключи. Она упала как деревянная, Глеб выскочил из-за стойки, Шалаев рыкнул на него, и Глеб замер на месте.

— Другая дверь есть? — Лысый стучал зубами и прижимал к себе ноут.

— Нет, — Рита не сводила с Олеси глаз. Она лежала на крыльце, вся на свету, было хорошо видно, что правый висок у нее залеплен какой-то бурой блестящей дрянью, и правая скула тоже. Шалаев боком пробрался мимо Олеси, посмотрел в темноту и злобно матюгнулся. Рита вытянула шею, но увидела только передний бампер машины Пофигиста и какую-то темную грудку тряпья на ступеньках.

— Как выйти, как выйти? — лысый мокрыми от пота руками схватил Риту за локоть и сжал так, что она невольно вскрикнула. Шалаев мигом оказался рядом и схватил лысого за нос, сжал с силой и заговорил очень тихо и внятно:

— Хлебало завали. Сядь там, и чтобы я тебя не видел. Пошел.

Лысый резво ускакал в зал и кинулся к окну. Толстый дядя успел разглядеть все — и Олесю на полу, и дырки в двери и стенах, и нечто на ступеньках. Тоже двинул к окну, распахнул его и ухватился за решетку. Та не сдалась, стояла насмерть, по салону пролетел сквозняк. Девки выдохлись и уже не орали, а выли на два голоса, Глеб убежал к ним, и скоро стало потише. Рита стояла у разбитого баннера и старалась не смотреть на Олесю. Шалаев метнулся в темноту, порыскал там и вернулся, достал телефон.

— Два двухсотых, — бросил он кому-то негромко, — клиент и девушка, она за ним выскочила, попала под пулю. Из винтореза отработали, дверь стальная

почти десять сантиметров навывлет. Ментов и «Скорую» я вызвал.

Он подошел к Рите и встал так, чтоб закрыть и дверь, и Олесю на полу. Рита отступила к стенке, под ногами хрустели стекла и валялся какой-то темный небольшой комочек, тяжелый, судя по виду, а рядом еще один такой же.

— Вы сегодня ничего не заработали, Марго, — Шалаев смотрел ей в глаза. — Плохой день, одни убытки.

Из салона Рита вышла за полночь. Думала, что полиция все опечатает, закроет, но те только забрали убитых, осмотрели салон и все рядом и уехали. Шла одна и не смотрела, есть сегодня сопровождение или нет — было безразлично. Представила вдруг, что кто-то вон в той машине, или в той, что как раз притормозила рядом, достает пистолет, опускает стекло, целится. И ничего не почувствовала, кроме холода, и только сейчас смогла разжать как судорогой сведенные челюсти. И поняла, что пришла домой, а не в отель, ноги сами принесли в разгромленную квартиру. Чуда не произошло, никто не навел тут порядок, и Рита начала собирать вещи. Складывала каждую, убирала, следила, чтобы все оказалось на своих местах, лежало ровно и аккуратно — ничего важнее на свете не было сейчас. И едва не потеряла сознание от резкого звука, когда зазвонил телефон, — перед глазами потемнело, зеркало подозрительно выгнулось. Рита ухватила за открытую дверцу шкафа, постояла так, приходя в себя, и достала из сумки мобильник. Звонил Черников, пятый или шестой раз — она не стала считать пропущенные от него звонки.

— Я тебя потерял, — сказал Черников, — что случилось?

— Я дома, — Рита села на тумбочку в коридоре и закрыла глаза. И увидела не во сне — наяву простреленную дверь, дырки в стене, осколки под ногами. Открыла глаза — все в порядке, вернее, почти, осталось только прибраться в кухне и ванной.

— Я приеду?

Рита выключила свет и смотрела в темноту. Так было легче, видения исчезли, остались только тени, быстрые и резкие, Рита не успевала за ними.

— Сегодня в салоне убили решалу и одну из моих девушек, — сказала Рита. — Прострелили входную дверь, в стене теперь три дырки. Стреляли из винтореза...

— Кто это сказал? — перебил ее Черников.

— Бандит, мент, чиновник, — Рита говорила все громче, почти кричала, — не знаю, кто он.

— Не то и не другое, — Черников будто не слышал ее, — скорее третье, но это неточно. Рита...

— Помоги мне! — выкрикнула Рита. — Помоги, пожалуйста! Я не могу больше! Я хочу уехать, я ненавижу этот город! Давай поделим те деньги, бери половину, там хватит на всю жизнь!

Телефон ерзал по щеке, руки стали мокрые, слезы прорвались наконец, и сил больше не осталось. Рита упала на колени и рыдала в трубку.

— Помоги, пожалуйста, сделай что-нибудь, я не могу больше! Я хоть сейчас привезу тебе деньги!

Она и правда была готова бежать в развалины за сумкой, наплевав на ночь, холод и слезку, и убила бы любого, кто попытается ей помешать, будь он кем угодно.

— Пожалуйста, я все для тебя сделаю, все, что хочешь!

— Ложись спать, завтра поговорим.

Утром с неба лило так, что очень хотелось вызвать такси, чтобы ехать на работу. А перед этим неплохо бы сделать мейк — Рита долго рассматривала себя в зеркале. Бледная до синевы, запавшие глаза, взгляд как у безумной — очень хотелось разбить зеркало, чтобы это чудовищное отражение ушло и никогда не возвращалось. Уснуť она так и не смогла, пролежала до шести утра, потом слонялась по квартире, снова наводила порядок, а потом долго стояла перед зеркалом. Оделась в обычный офисный костюм и обнаружила, что юбка чудом держится, буквально цепляется за кости. В другой раз обрадовалась бы, а сейчас было все равно. Такси вызывать не стала, дошла по лужам и каше из мокрого снега до банка, поднялась в свой кабинет. Еще из коридора слышались возбужденные голоса, а в предбаннике стало уже очень хорошо слышно.

— Из опеки две тетки приходили, — со слезами в голосе говорила Анька, — все проверили, все шкафы открыли и даже в холодильник залезли. Спрашивают, где йогурты? Я им — какие йогурты? А они мне — вы детей плохо кормите, раз йогуртов нет, должны быть обязательно. Йогурты и бананы, так положено. Я говорю, что куплю с зарплаты, а они мне — покажите документы на квартиру...

— Сволочи какие, — искренне возмутилась Юлька, — какое их дело чья! Может, ты снимаешь и мужик за тебя платит!

— Показала? — поинтересовалась Ирка.

Анька высморкалась, зашуршала чем-то.

— Я им говорю, что квартира бабкина, что у меня тут доля и я имею право тут жить. Они мне — вы живите где хотите, а детям положены отдельные комнаты. У вас комнат всего две и дети разнополые, значит, нет условий и я не выполняю обязанности по их воспитанию! И если своих комнат у них не будет, то моих деток в детдом заберут! По суду!

— Может, их там наконец научат задницу подтирать. — Рита отлично слышала эти Юлькины слова, а вот Анька, судя по звукам, заревела или собиралась зареветь. Рите надоело стоять в предбаннике, она вошла в кабинет, и все разговоры прекратились. На ее «доброе утро» отозвалась только Анька, и до того гнусаво, что очень походило на «пошла ты».

— Форма четырнадцать готова, надеюсь? — Рита шла мимо столов. Заметила, что компьютеры у всех выключены, а на столах пусто.

— Милютин ждет, если вы забыли. И он будет очень рад, если мы не получим еще одну премию. Тогда на йогурты точно не хватит, и не только на йогурты. Отчет должен быть готов к обеду, скиньте мне на почту готовый вариант, я проверю.

«Сука», — донеслось ей в спину, Рита усмехнулась. «Еще какая», — она закрылась у себя и первым делом подошла к окну. За стеклами было очень красиво: мокрый снег лежал на ветках кленов, на крыше старого дома, подчеркивая ее изгибы и выступы. Химера накрылась снегом, точно шубкой, и дремала под ней. Внизу никого, только снег на опавших листьях, и ничьих следов не видно. «Будто кладбище», — снова вспомнились мертвая Олеся и Пофигист. Рита прижалась щекой к стеклу и посмотрела влево, на парковку. Виден был только край у забора, но она заметила и милютинский «Форд», и черный «Ровер», что стоял неподалеку. Снега на крыше нет, значит, Черников только что приехал, и от него с утра нет ни звонков, ни сообщений.

Не было их и через час, и через два. Потом «Ровер» исчез с парковки, на его месте остался темный прямоугольник мокрого асфальта, и его быстро заносило снегом. Рита проверила почту, потом отвернулась к стенке, уставилась на драные обои. Что делать, как выкручиваться, кого просить о помощи? И спросить некого, Пофигист бы посоветовал что-то дельное, подсказал, к кому обратиться, но Пофигиста нет. Глеба попросить? Он боксом занимался, может морду набить, если потребуется, но услышал выстрел и чуть не заплакал от страха. Нет, Глеб не годится. Шалаев? Он бы смог. Винторез, он сказал, так, кажется.

Рита забила название в поисковик. «Винторез — бесшумная снайперская винтовка для подразделений специального назначения». Точно, звуков выстрела они не слышали. Масса — три с половиной килограмма, дальность стрельбы — двести пятьдесят — триста метров, калибр девять миллиметров, количество патронов — десять, режим стрельбы — автоматический и одиночный.

«С такой бы я справилась», — Рита рассматривала фотографии оружия. Снайперская винтовка не внушала страха, она могла решить все ее проблемы, дело было за малым. Сколько это стоит, интересно? Где можно купить? — спросить опять же было некого.

Зазвонил мобильник, Рита схватила его — это оказался Глеб.

— Дверь поменяли, — сказал он, — и крыльцо отмыли. Я дворнику заплатил, он все нормально сделал. Рита, давай заканчивать. Продавай салон на фиг, деньги пополам и разбегаемся.

Она подошла к окну, посмотрела на дом, потом на парковку. «Ровер» стоял на месте, значит, Черников в банке. И ни разу не позвонил ей.

— Продадим, — Рита повернулась к окну спиной, — обязательно. Подожди немного, я найду покупателей.

Нажала отбой и бессмысленно смотрела на дверь. Глеб прав, надо заканчивать, но не так, не бежать от страха. Она уйдет, но по-другому.

Обед наступил и прошел, но отчет в почте так и не появился. Рита специально посмотрела, когда выходила и возвращалась, — компы у всех не работают, на столах по-прежнему пусто. И на нее никто не обращал внимания, точно на мебель, чайник — и то был популярнее, чем она. Рита подождала еще немного и вышла в общий кабинет.

— Где отчет? — она осмотрела всех троих. Юлька ткнула пальцем в потолок.

— Тут темно, — заявила она, — не соблюдаются нормы освещенности рабочего места. Мое здоровье под угрозой, я не могу начать работу. Также монитор сильно мерцает, это влияет на биоритмы мозга, приводит к потере концентрации внимания и общему снижению работоспособности. Работодатель не соблюдает санитарные нормы, я ставлю тебя об этом в известность и готова приступить к работе сразу после их устранения.

— Тебе тоже темно? — Рита посмотрела на Ирку. Та отвела взгляд, отъехала от стола и показала куда-то в сторону плинтуса.

— Провод не закреплен, возможно поражение электрическим током. Мое здоровье подвергается опасности, я не могу начать работу под угрозой быть убитой прямо на стуле.

«Отлично», — Рите стало смешно. Она из последних сил сдерживала улыбку.

ку, подошла к Аньке. Та вытирала слезы и сопли, то и дело хваталась за молчавший телефон и пялилась в экран. — Анечка, — Рита постучала по ее столу, — Анюта. А у тебя что, зайка моя? Темно, пыльно, страшно? Денег не хватает? Так их не будет, поверь мне. Нет работы — нет денег — нет йогуртов и апельсинов...

— Бананов, — проскулила Анька, — и отдельная комната каждому разнополному ребенку.

— Тоже не будет, — улыбнулась ей Рита, — ничего у тебя не будет, если не прекратишь дурью маяться. Всех касается.

Она повернулась к остальным. Юльку аж перекосило от злости, Ирка выпрямилась и положила руки на стол.

— Ты подвергаешь нашу жизнь опасности, ты не имеешь права! — выдала она, при этом орала так, точно хотела, чтобы ее слышали и в коридоре. Рита села на пустой стол, посмотрела на свою взбунтовавшуюся троицу.

— Хорошо, раз вы настаиваете. Пишите служебки на мое имя, я передам их в кадры, в АХО и безопасникам. Они все проверят, устранят, а если устранять нечего, вы окажетесь в этом списке, — Рита показала на холодильник. Листок так и лежал там, точно прокаженный, отдельно от всех, его боялись не то что трогать — даже смотреть в ту сторону лишний раз.

— Ага, безопасники проверят, — прошипела Ирка и отвернулась, Юлька шепотом послала Риту на три буквы и включила компьютер.

— Вот так бы сразу, — Рита еще раз прошлась по кабинету. — Хотите премию — делайте отчет, его надо отправить сегодня. Хоть ночуйте здесь.

Ночевать тут никто, конечно, не стал, отчет был у Риты в восьмом часу вечера. Она сразу отправила его Милютину, даже проверять не стала, голова была занята другим. Сдали и сдали, неважно, что там с цифрами. Накосячили — плевать, все косячат, да и не до того сейчас. Ей позвонили шесть человек, никого из них она не знала, но у всех был ее номер. И всем позарез надо было поговорить, побеседовать, перетереть кое-что и пообщаться без посторонних. Кое-как удалось уговорить их на завтра, Рита сначала растерялась, потом позвонила Глебу.

— Работаем, — сказала она, — как обычно. Готовься, предупреди всех, чтоб к семи были.

— Рита, — Глеб ушам своим не верил, — Рита, ты в своем уме? Вчера двоих убили...

— Тебе деньги нужны? — перебила его Рита. — Если нет, то проваливай, без тебя обойдусь.

И поняла, что точно обойдется: для уборки можно и нанять кого-нибудь, и стрелять больше не будут, ведь снаряд дважды в одну воронку не попадает. И работать-то осталось всего ничего, недели две, потом она будет свободна.

Глеб буркнул «ты спятила» и отбился. Рита еще раз просмотрела все вызовы за сегодня — номера незнакомые, все «кривые», ни о чем ей не говорят. От Черникова ни одного звонка, в мессенджер он заходил только утром, сообщений тоже не было. Рита оделась, опечатала кабинет и пошла сдавать ключ. Было уже темно, половина светильников не работала, Рита уронила ключ, он улетел по скользким ступенькам в темноту.

— Зараза! — Она пошла вниз и чуть ли не нос к носу столкнулась с охранником. Он бесшумно появился из темноты и остановился поодаль. Рита сразу

узнала его — это был тот бородатый парень, что Черников привел в салон, когда выкидывали залетных. Его называли Морок, кажется, или что-то в этом духе. Охранник протянул ей ключ, Рита взяла его, положила на стойку, снова зажала в кулак. Охранник терпеливо ждал, торопиться ему было некуда, вся ночь дежурства впереди. «Морок, точно», — вспомнила Рита, расписалась в журнале и отдала-таки ключ охраннику. Тот повесил его в шкафчик на специальный крючок в одном ряду с другими. Рита положила ручку, взяла, снова отложила, охранник молча смотрел на нее.

— После двадцати одного часа в помещении банка могут оставаться сотрудники, чьи фамилии есть в списке допущенных, — сказал охранник.

Рита точно знала, что ее фамилии там нет, и отлично помнила слова Глеба: «с одного удара челюсть сломал». Это просто прекрасно, это как раз то, что надо.

— Почему Морок? — Рита посмотрела на охранника. Тот улыбнулся еле заметно, но смотрел при этом точно сквозь нее, будто не видел, а говорил с тем же шкафчиком, например, или пальмой, что стояла неподалеку.

— Морок — тьма, туман, помрачение рассудка, — помедлив, сказал охранник.

— Вы не похожи на сумасшедшего, — Рита снова принялась крутить в пальцах ручку, охранник аккуратно забрал ее, положил в журнал, закрыл его.

— Мне надо двери закрыть, — он вышел из-за стойки, — уходите, пожалуйста.

Рита вытащила ручку из журнала, нашла в сумке старый чек, что валялся там не один месяц, и написала на нем свой номер телефона.

— У меня есть для вас работа, Морок, — сказала она, — вы можете хорошо заработать, очень хорошо. Так хорошо, что решите все свои проблемы, а они у вас есть, я думаю. Вы поможете мне, а я вам. Позвоните мне, — она положила листок и ручку на стойку, — а лучше приходите завтра в салон часам к восьми вечера.

И быстро ушла, не сказала больше ни слова, не оглянулась. Дома положила телефон в карман джинсов и так ходила целый вечер, пока не легла спать. Охранник не позвонил, Черников тоже. И утром не было звонков, и весь день, и вечером, когда рабочий день уже закончился. Из банка Рита сразу пошла в салон, и прежде, чем подняться по ступенькам, осмотрелась. В ярком свете фонаря не усматривалось ничего страшного, все было как всегда: бетонные ступеньки, мокрый асфальт в небольших выбоинах и новая дверь. Глеб открыл на стук и мрачно посмотрел на Риту, когда она вошла. Баннер с красоткой висел на месте, дырка в стене замазана белой краской и почти незаметна под ней. В большом зале тоже все в порядке, и в комнатах — Рита обошла их, вернулась к Глебу. Тот кинул ей ключи, Рита поймала их на лету.

— Сегодня будет много народу.

— Да пофиг мне, — отозвался Глеб, — ты в своем уме? Хоть бы три дня подождала.

Рита подкинула ключи на ладони, поймала, подкинула еще раз.

— Хорошо, — сказала она, — давай закроемся на три дня, девять, сорок, можно сразу на год. И выкинем всех, кто договорился на сегодня, уничтожим на хрен нашу репутацию. Ты представляешь, какие это деньги? Да на сегодняшний заработок ты полгода можешь жить, ни в чем себе не отказывая. Ты

хорошо подумал? Давай, пиши объявление, что у нас траур. Валяй.

Глеб ничего писать не стал, полез под стойку, там зазвенела посуда и бутылки. Рита пошла в кладовку и достала с верхней полки портфель. Деньги были на месте, Рита отсчитала половину и переложила в пакет. Тот оказался довольно тяжелым и не помещался в сумку, Рита так и держала его в руке, смотрела на черный пластик. Хочется верить, что сегодня хозяин этих денег не объявится, как не пришел он вчера, позавчера или неделю назад. С той облавы прошло уже полно времени, а деньги все еще здесь. И она ничем не рискует — если Морок примет ее условия и выполнит заказ, то она сразу уедет, и плевать на всех — на чиновников, на ментов и бандитов. И на этот город плевать, гори он огнем, пусть утонет в крови, не жалко. А если Морок не придет, то деньги вернутся на место и будут ждать хозяина. Портфель отправился обратно, пакет Рита положила на подоконник в самой дальней от входа комнате и пошла встречать гостей. Глеб шептался с Текилой, Мелисса вся в черном смотрелась в зеркало. Недобро глянула на Риту и отвернулась.

Ей было все равно, она не сводила глаз с двери. «Придет? Не придет?» — крутилось в голове, она улыбалась каждому, показывала, куда пройти, что-то объясняла, распоряжалась и все смотрела в сторону входа. Народу снова было полно, большой зал почти весь занят, остался только стол у входа. Текила уже работала, Мелисса сидела на диване напротив, а рядом с ней устроился высокий улыбчивый мужик — Рита смутно помнила его: кажется, он тогда тоже попал под облаву и лежал мордой в пол. А сейчас будто и не было ничего, гладит Мелиссу по коленке и неплохо себя чувствует при этом. Мелисса хихикала и прижималась к мужику плечом, время шло, кто-то уходил, приехали еще несколько человек, Рита пошла встречать их.

— А с трубами что решили? — донеслось сбоку. Рита сделала вид, что ничего не понимает, улыбалась высокому, чуть сутулому мужику, открыла ближайшую свободную комнату, Глеб понес туда вискарь.

— Бондарь под себя загреб, завтра вроде у них стрелка по заводу.

— А не жирно этому старому хрену будет?

«Вот и мне интересно, не жирно?» Рита видела в зеркале отражение говорившего. Спокойный мордатый дядя взгляда Риты не замечал, а смотрел на приехавшую Пуму. Та по обыкновению заявила в «голом» платье и чуть не сорвала переговоры за всеми столиками. А следом в салон вошел Морок.

В джинсах, куртке и толстовке под ней, мокрых кроссовках, он походил скорее на курьера. Остановился на входе и первым делом отвернулся от Глеба: тот возился с бутылками и не сразу заметил гостя. Рита сразу пошла ему навстречу.

— Вот сюда, — она улыбнулась Мороку. Тот заглянул в зал, рассмотрел гостей и пошел следом за Ритой. В дальнем конце коридора было тихо, гул голосов и музыка сюда почти не доносились. Рита пропустила Морока вперед и закрыла дверь. Тот уселся на диван и посмотрел на Риту. Взгляд у него был неприятный, пронзительный и оценивающий, но лицо оставалось спокойным. Рита взяла с подоконника пакет, поставила на стол, развернула. Деньги едва не вывалились на стол, Рита придержала пачки ладонью. Морок лишь мельком глянул на них и в упор смотрел на Риту.

— Здесь половина от того, что я хочу вам предложить.

Теперь Морок смотрел на деньги, точно прикидывая, сколько там. Рита на-

звала сумму, Морок перевел взгляд на нее.

— Хорошие деньги, — сказал он, — что надо сделать?

«Убрать, устранить, обезвредить», — Рита растерялась. Она оказалась не готова ответить, слова вихрем крутились в голове, она никак не могла подобрать нужное.

— Кого-то убить? — Морок развалился на диване и не сводил взгляда с пакета. «Одним ударом челюсть сломал», — вспомнились снова слова Глеба, и Рита точно со стороны себя увидела. Этот человек может сделать с ней все, что захочет, и она не успеет даже позвать на помощь. Сумма действительно хорошая, на эти деньги можно долго жить в свое удовольствие, и получить их можно так же легко, не напрягаясь.

Морок сцепил пальцы и выпрямил руки от себя, негромко хрустнув суставами.

— Да, — быстро сказала Рита. — Если мы договоримся, вы уйдете отсюда с этими деньгами. Остальное после исполнения заказа. И мне нужны гарантии.

— Всем нужны гарантии, — Морок улыбнулся еле заметно. — Они настоящие?

Он показал на пакет.

— Разумеется, — заверила его Рита. «А фиг его знает, — крутанулось в голове. — Я не проверяла. Даже в голову не приходило, что это может быть фальшак». Но она сама пересчитывала деньги, держала каждую купюру в руках, и сомнений в подлинности не возникло. Но это на ее взгляд, она не профессионал, так, любитель.

— Кто же вам помешал? — Морок выпрямился и посмотрел на дверь. В коридоре слышались шаги, голоса, но все быстро стихло. Морок повернулся к Рите.

— Бондарь, — выпалила она, голос неожиданно дрогнул. Морок этого будто не заметил.

— Кто такой?

— Он главный по всем кладбищам в городе, — сказала Рита, — у него офис на рынке, где магазин шуб.

— Гробовщик, значит, — по слогам произнес Морок, лицо его снова стало невозмутимым. — Когда надо?

— Вчера.

Морок взял пакет со стола и бросил рядом с собой на диван, снова развалился, откинулся на удобную спинку. Рита выдохнула облегченно: договорились, он все сделает.

— И еще ту рыжую девку, что у шеста крутится.

— Она сейчас придет, — Рита поднялась с места, — и еще...

— Я позвоню, — оборвал ее Морок. Он стянул с себя толстовку и накрыл ею пакет, остался в черной футболке с белыми то ли рунами, то ли диким языческим узором.

Рита пошла в зал и поманила к себе Текилу. Та отлипла от шеста, подошла с недовольным видом.

— Топай в комнату у кладовки, отработай, как клиент захочет. Он не платит.

— Че? — вызверилась Текила. — Даром, что ли, ноги раздвигать?

— Я заплачу, — очень хотелось ударить ее, но Рита сдержалась. — Пошла,

быстро. Если он останется доволен, получишь вдвойне.

Ему все понравилось, Текила не схалтурила. Морок ушел, еле заметно кивнув Рите на прощание, Текила получила свое и тоже свалила, потом разошлись последние клиенты, уехали Мелисса и Пума. Рита рассчиталась с Глебом и осталась одна. Прошла по салону, проверила все, задернула шторы, выключила свет. В большом зале из пяти ламп горели две и было темновато. Рита закрыла входную дверь изнутри на ключ, села за дальний от входа стол — тут было светлее всего — и высыпала из сумки деньги, свою зарплату за несколько месяцев. Сняла нарочно мелкими купюрами, получилась нехилая такая кучка, на нее было приятно смотреть. Потом принесла портфель с остатками денег из кладовки, выложила пачки ровными стопками с другой стороны стола. Посмотрела вправо-влево: работы много, завтра в портфеле должно быть ровно столько, сколько ей оставили на хранение. «Кстати, мы не обговорили, что делать, если за деньгами придет кто-то другой», — мелькнула вдруг мысль. Но сейчас она в салоне была одна, время к полуночи, и вряд ли кто-то предъявит права на деньги сию секунду. Рита достала ножницы, взяла пятитысячную купюру, прицелилась. Как это было: берется одна купюра мелкого достоинства и одна крупного, режется на несколько частей так, чтобы подлинность была более пятидесяти пяти процентов. Потом они склеиваются прозрачным скотчем, и готово: из одной купюры получается две, и обе подлинны. Рита принялась резать деньги, обрезки купюр падали на стол, она склеивала их скотчем и откладывала обратно в портфель. Потом она закинет их на карту, снимет нормальные деньги и вернет долг. «Успею, — Рита разрежала пятитысячную купюру на три части, — шопинг мне никто не запрещал. Проедусь по торговым центрам и все сделаю». Рита принялась за мелкие, их крошила, как морковку или лук когда-то, когда считала себя замужней женщиной и готовила «мужу» обед. Или ужин, или еще что, неважно.

Зазвонил мобильник, рука дрогнула, Рита криво резанула оранжевого цвета купюру, чертыхнулась и посмотрела на экран. Звонил Черников, Рита хотела ответить, но потом сбросила вызов. Покрутила в руках никуда не годные обрезки, отложила их и отключила телефон.

К трем ночи все было готово, ту сумму, что она отдала Мороку, заменили склейки. У Риты слезились глаза и болела спина. Она отбросила ножницы на стол, сгребла криво нарезанные купюры, бросила их в пакет для мусора и улеглась на диван. С улицы доносился гул машин, по стеклам бил то ли дождь, то ли снег — не разобрать, что там в межсезонье с неба сыпется. Рита включила телефон, там были еще два пропущенных от Черникова, кроме него, за всю ночь ей никто не позвонил. Все мысли были только об одном — не сбежит ли Морок с ее деньгами и выполнит ли заказ, а если выполнит, то как? Как она узнает результат, не обманет ли? Что, если он все сделает, а Бондарь выживет и получит контроль над трубным заводом?

— Кстати. — Рита нашла в Сети сайт этого завода, прочитала несколько строк на главной странице. «Наша компания является самым молодым и самым современным заводом России по выпуску труб большого диаметра... Сегодня производственные мощности предприятия позволяют производить до семисот тысяч тонн труб в год... Компания обладает всеми необходимыми документами для поставок труб таким клиентам, как...» — дальше шел перечень собственно компаний, во главе с основной, самой щедрой, обещавшей всей

России сбычу самых сокровенных мечт.

Рита перешла в раздел «Контакты», там было полно фотографий. С первой же смотрел плотного сложения молодой человек в отличном костюме, но с настороженным, даже тревожным взглядом пронзительно-голубых глаз. Под фото имелась подпись — «Мартынов А. М., генеральный директор». Дальше шли еще фото серьезных набыченных мужиков в прекрасных костюмах — один операционный директор, потом коммерческий, потом начальник по сбыту. И, наконец, финансовый директор — этому было лет хорошо за шестьдесят или больше, с фото смотрел седой круглолицый мужчина с приятной улыбкой — он единственный из всех улыбался на своем фото — тоже в отличном костюме и с ярко-синими глазами, в точности как у генерального. И тоже Мартынов.

— Они родственники? — Рита чуть ли не носом ткнулась в экран, потом отвела телефон в сторонку. Да, так и есть, сходство заметно в чертах лица, в манере держать голову, ну и глаза, конечно. Отец и сын, значит. Семейный бизнес.

Рита отнесла портфель с деньгами на место, потом оделась и вышла на улицу, прихватив с собой пакет с обрезками купюр. Постояла немного на крыльце, осмотрелась — поблизости никого, по краю света и тьмы пробежала кошка и сгнула в кустах неподалеку. Светлой машины нет, их вообще мало — еще бы, почти четыре утра. Рита пошла домой. По дороге закинула в мусорку пакет с обрезками купюр, оглянулась еще раз. Нет, никого нет, если только кто-то не идет за ней в темноте, а не едет на машине, как раньше. Но почему-то было все равно, не было страха и уж тем более паники: то ли привыкла за эти дни, то ли спасение было наконец очень близко. «Сразу уеду, — думала Рита на ходу, — продам салон, отдам Глебу его часть и уеду. И хоть сто-ри тут все, мне пофиг». И уже в теплом подъезде, при свете и почти в безопасности, подумалось, как хорошо, что сегодня суббота, не надо тащиться в банк под ненавидящие взгляды коллег и изображать обычную жизнь, а можно спать, просто спать, сколько душе угодно.

Мобильник зазвонил в половине десятого утра.

— Долго спишь, — раздалось из трубки, — я на рынке, приезжай сюда.

Рита спросонья плохо понимала, кто это говорит и зачем ей тащиться черт знает куда в такую рань. Но быстро дошло, она села на кровати и приоткрыла штору и не поверила своим глазам — там было солнце. Деревья, стены домов и даже небо приобрели до того нежный цвет, что хотелось плакать от счастья и верить, что все еще будет, и будет очень хорошо. Снег растаял, и на газонах виднелась не совсем пожухшая трава.

— Или передумала? — негромко сказал Морок, Рита вскочила.

— Я приеду через полчаса.

Опоздала, само собой: пока такси приехало, пока попали в неожиданную пробку, прошло около часа. Рита ходила по первому этажу рынка — от магазина чемоданов к обувному и высматривала Морока в толпе. Тот не появлялся, время шло, и Рита уже начала психовать, когда ожил мобильник.

— Вы где? — Рита узнала номер Морока. — Я на первом этаже, куда мне идти?

— Там пока стой, — распорядился он, — я потом скажу.

— Вряд ли он здесь, — выдала Рита свои сомнения: они терзали ее всю дорогу и сейчас не оставили в покое. — Сегодня же выходной.

— На парковке его машина, — Морок говорил так, точно во рту у него была каша, и Рита еле разбирала слова, — он здесь, точно. Надо подождать. Погуляй пока по магазинам, я перезвоню.

Спросить, откуда он узнал про машину Бондаря, Рита не успела, пришлось идти гулять. Заглянула для начала в книжный, потом в ювелирный с чудовищной штамповкой за бешеные деньги, потом прошла по косметике и парфюму, контрафактному, само собой. Потом еще куда-то зашла, смотрела какие-то сумки, зонтики, шапки, слушала продавцов, что восхваляли свой товар, снова шла и сообразила, что сделала полный круг и стоит перед эскалатором на второй этаж. Позади был такой же, он вел вниз, на собственно рынок, а если подняться вверх и повернуть налево, то в самом конце будет магазин шуб, черт бы его подрал. Зазвонил телефон.

— Они выходят, — сказал Морок, — я тебя вижу. Отойди вправо, вот так. Я скоро буду.

Рита встала сбоку от банкомата и смотрела по сторонам. Морока она не видела хоть тресни, и было непонятно, откуда он увидел ее. К банкомату подошла растрепанная злая тетка, принялась совать карту в картоприемник. Рита оглядывалась, отошла чуть назад, и тетка больно пихнула ее в спину.

— Отвали, — рыкнула тетка сквозь зубы, — пошла на хер отсюда.

Рита мельком глянула на нее и вернулась обратно. Народу стало больше, толпа валила в основном вниз, к еде, но и в магазинах тоже стало не протолкнуться.

— Отвали, — прорычала лохматая страшила, — хрен ли ты тут подсматриваешь? Деньги мои хочешь украсть?

Рите стало смешно — что можно украсть у этой несчастной бабы, ее копеечную зарплату? Но отошла еще на всякий случай и снова получила пинок в спину — случайно загородила выход из магазина жирной девке в розовом спортивном костюме, и та мало того что больно пихнула ее, так еще и обматерила. Рита шагнула к банкомату, оттуда на нее прыгнуло лохматое чудовище:

— Пошла вон, или я полицию вызову! Вот, звоню уже! — Она сунула Рите в лицо смартфон с разбитым стеклом и принялась тыкать в него пальцем. А Рита смотрела вверх — по эскалатору ехал Бондарь, еще больше разжиревший, щеки лежали у него на плечах, губы шлепали так мерзко, что, казалось, и тут было слышно.

— Алле, полиция? Тут какая-то воровка у банкомата трется, хочет ПИН-код украсть у меня. Приезжайте, она тут еще! Слышишь, я позвонила. Сейчас тебя арестуют!

Она орала что-то еще, на них оборачивались, а Рита смотрела на эскалатор. Тот полз медленно-медленно, около Бондаря стояли двое одинаковых на вид мужиков в черных костюмах и с рациями в руках, один даже что-то говорил в нее. «Где Морок?» Это был хороший момент, чтобы тот увидел «клиента» и хорошенько его запомнил, но Морока не было, зато баба уже визжала и кидалась на Риту с кулаками.

— Воровка, сука, держите ее!

И тут Рита увидела Морока. Он стоял спиной к эскалатору и разглядывал витрину с детскими игрушками, да так пристально, будто ничего в мире не было интереснее. Стоял себе, руки в карманы, и тут снова ожил телефон. Рита толкнула налетевшую на нее тетку, ту унесло довольно далеко, карточка оста-

лась в банкомате.

— Воровка, сука! — завывала баба. — Где менты?

— Это он в центре? — Рита едва слышала, что там говорит Морок. Он стоял к ней спиной, а Бондарь уже сошел со ступенек и повернул к выходу, свита топала за ним.

— Да, с мятой мордой, жирный. Это он, вы его хорошо рассмотрели, сможете потом узнать?

Вместо ответа понеслись короткие гудки, Морок снова исчез, вот реально как под землю провалился. Рита закрутила головой, снова оттолкнула бабу, что набросилась на нее, и отошла от банкомата. Страшила разом успокоилась и принялась жать кнопки на панели, раздался гнусный писк.

— Что такое? — тетка хлопнула банкомат по бокам, потом кулаком ударила по кнопкам. — Ты чего? Где мои деньги, сволочь?

И принялась пинать бесстрастную технику так, что гул стоял.

— Он карту сожрал, пока ты орала, — бросила Рита и пошла следом за толпой в сторону парковки. И тут впереди она увидела Морока, тот быстро шел ей навстречу, остановился и что-то показал охранникам Бондаря. Те разом встали как вкопанные, Бондарь утопал на несколько шагов вперед, охранники уставились на пол — там валялась купюра оранжевого цвета. А Морок одним прыжком догнал Бондаря, ударил его под колени, ноги гробовщика подгнулись. Морок схватил Бондаря за волосы, задрал ему голову и несколько раз ударил чем-то в лицо и в горло. Потом отпустил, пнул в спину и быстро ушел куда-то вбок, в косметику или в ювелирный, пропал из виду. Бондарь странно дергался на полу, бился о него лбом. На полу под ним появилось темное пятно, оно быстро расползлось, охранники растерялись — один побежал к выходу, вернулся, второй говорил что-то в рацию, зачем-то прикрывая ее ладонью, третий присел на корточки и перевернул Бондаря на бок. Гробовщик дернулся всем телом и плюнул в охранника чем-то темным, потом еще раз, еще, и тут кто-то заорал, движение, что по инерции еще продолжалось, остановилось, народ кинулся кто куда. Кто-то назад, подальше от бившегося в агонии Бондаря, кто-то, наоборот, туда, кто-то уже снимал все это на телефон. Лохматая корова наступила Рите на ногу и ринулась смотреть на кровищу, что растекалась по полу. «Что это, как, чем он его?» Рита отступила назад и налетела спиной на банкомат. Он приятно мурлыкнул, картоприемник зажегся зеленым, оттуда высунулась карточка. Ее быстро выхватила чья-то рука, картоприемник потух. Лохматая тетка скакала далеко впереди, Рита пошла вниз, миновала ряды продуктов и почти бежала на воздух. И все это время в ушах звенела знакомая музыка, и до того опротивела, что хоть головой о стену бейся, лишь бы заглушить ее. И только оказавшись в небольшом сквере поодаль от рынка, Рита сообразила, что это звонит ее телефон.

— Довольна? — Морок ухмылялся, судя по голосу. — Я свое дело сделал, гони вторую часть.

— Это точно? — Рита говорила первое, что пришло ей в голову. Руки дрожали, мороз пробирал до костей.

— Точно, точно, — сказал Морок, — с гарантией. С заточкой в горле никто долго не живет, и Бондарь твой помрет, не волнуйся. Или уже помер от кровопотери. Короче, рассчитываемся и разбегаемся.

Через два часа Рита привезла остаток в торговый центр на выезде из горо-

да. Поставила пакет в камеру хранения супермаркета, закрыла, ключ положила сверху на шкафчики. И ушла не оглядываясь — это тоже было частью договора, вернулась в пустой салон. Обошла его, осмотрела придирчиво и остановилась в коридоре.

— Вот и все, — она не заметила, как произнесла это вслух. Да, это точно все, она свободна и может ехать на все четыре стороны. Осталось найти покупателя, оформить сделку и получить деньги. И почти сразу зазвонил мобильник, номер не определился.

— Приветствую, — вежливо сказали с той стороны, — нам бы на завтра комнату переговорить, пообщаться с партнером. Это возможно?

«Я закрылась», — вертелось у Риты на языке. Говорившего она не узнала, и он, скорее всего, уже знает о том, что случилось на рынке. А может, и нет, да и какая ей теперь разница?

— Сумму назовите, — настаивали в трубке, — это важно. И мы вас не задержим.

Рита назвала цифру, двойной тариф от ее обычного. Думала, это отпугнет навязчивого клиента, но тот моментально согласился.

— Нас будет шесть человек, — предупредил он, — и попрошу вас, чтобы больше никого. Девушки пусть будут, но только они.

Да не вопрос, чем меньше народу — тем меньше хлопот и проблем, ей это только на руку.

— Хорошо, жду вас завтра.

Договорились на одиннадцать утра, распрощались. К концу разговора Рита поняла, что голос ей смутно знаком, но вспоминать не стала, было не до того. Она еще раз проверила окна, подергала закрытую на ключ входную дверь, принесла из кладовки портфель. Достала остатки нормальных денег, вытряхнула из сумки мелочь, что сняла по дороге, достала ножницы и скотч. Посмотрела на все это, и первым желанием было послать все к черту. Но все же взялась за дело, резала купюры на несколько частей и склеивала новые, откладывала их в сторонку, готовые пачки перематывала резинками. Со стороны деньги выглядели как настоящие, но только на первый взгляд, если присмотреться, то подмена становилась заметной. Рита разрезала еще две пятитысячные, взялась за полтинник и мятую сотку. Завтра у нее много работы: после переговоров эти фантики превратятся в настоящие деньги, и она отдаст их Колодину, если он еще жив и предъявит свои права. Если нет, то так даже лучше, она и сама найдет им применение.

Они приехали все одновременно, на трех машинах, черных как на подбор. Первым в салон вошел высокий, очень худой черноволосый парень, тоже весь в черном. Рита никак не могла поймать его взгляд, парень смотрел куда угодно, только не на нее. Первым делом отдал ей половину денег и принялся осматривать комнаты. За ним вошли еще двое, тоже в черном, поздоровались сквозь зубы. Появился сухощавый седой человек в сером костюме, потом в дверях показался последний. Их Рита узнала моментально, владельцы трубного завода, Мартыновы, отец и сын, в жизни они были еще более похожи, чем на фото. Старший улыбнулся Рите, протянул руку и так замер — из зала выплыла Пума в своем фирменном платье и принялась рассматривать гостей. Старик отдернул руку, с ошарашенным видом обернулся к сыну. «Это точно здесь?» — услышала Рита. Мартынов-младший кивнул и подошел к Рите:

— Где тут у вас потише, у нас разговор.

— Сюда идите, — раздалось из зала. Черный бросил телефон на стол в центре и уверенно уселся на диван.

— Там вам будет удобно, — успокоила Рита старика, — если хотите, я выключу музыку.

Пума надула губы и пошла к Мелиссе. Рита уже повернулась к Текиле, когда черный крикнул:

— Не надо, пусть будет как обычно.

«Как скажете», — Рита смотрела, как гости рассаживаются за стол. Их должно быть шестеро, одного пока не хватает. Черный шепнул что-то напарнику, тот подошел к окну и принялся искать что-то в телефоне. Текила лениво закрутилась у шеста, Мелисса села так, чтобы ее было хорошо видно от стола. Рита ушла в кладовку, еще раз проверила портфель. Все в порядке, клейки на месте. Когда все разойдутся, надо будет вызвать такси и прокатиться по магазинам, потом положить в портфель нормальные деньги и искать покупателя на салон. Самой заниматься некогда, хорошо бы поручить кому-нибудь, кто хорошо разбирается в таких вещах. Жалко, что Пофигиста нет, он бы посоветовал, к кому обратиться. И тут вспомнила — Гранина, бандитский нотариус, уж она точно хорошо разбирается в таких вещах. «Вы найдете ее в „Мануфактуре“, у нее там что-то вроде офиса», — Пофигист будто рядом стоял. Рита выглянула в коридор, но там, разумеется, никого не было. Она положила портфель на нижнюю полку и прикрыла его старыми пакетами. Тут хлопнула входная дверь, послышались голоса. Рита пошла встречать гостей.

Это приехал еще один, наголо бритый мужик в коротком черном пальто поверх спортивного костюма. Этого шестого как раз и не хватало, ему звонили бандиты. «Кстати, кто они?» — Рита издали рассматривала гостей. Не от Бондаря же, земля ему стекловатой. А кто тогда?

Черный замахал рукой, приподнялся на диване. Бритый быстро пошел к нему, на ходу расстегнул пальто, Рита видела, как он дернул локтем, и оглохла. Грохот автоматных очередей перекрыл все — и крики умиравших, и визг девок, и звон стекла: в осколки разлетелись лампы и оконные стекла, седой мужик упал под стол, Мартынов-младший откинулся назад, темно-синяя рубашка у него на груди покрылась бурными пятнами, они росли на глазах, рубашка потемнела и из синей сделалась черной. Вдруг стало тихо так, что уши заложило, по стенке за диванами к выходу ползла Мелисса, она до крови прикусила губу, но молчала. Следом тоже на карачках пробиралась Пума, она еле слышно поскуливала и толкала Мелиссу, Текила куда-то подевалась. Бритый на девок не смотрел, он подошел к столу, поднял короткий автомат, и тут все замелькало перед глазами — стены, потолок, двери, перекошенное лицо Глеба. Он втолкнул Риту в дальнюю комнату, сам вжался в стенку и тяжело дышал.

— На хер, — разобрала Рита, — на хер такое дело, я в гробу видел. Третий раз точно не пронесет, и сейчас еще неизвестно...

Снова грохнули выстрелы, уже одиночные, десяток, не меньше, потом раздались быстрые шаги и стукнула дверь. Стало тихо, только было слышно, как за дверью кто-то плачет. Глеб перекрестился, Рита выглянула в коридор. У стенки в обнимку сидели Пума и Мелисса, обе тряслись и плохо соображали, что происходит.

— Сюда, сюда идите, — прошептала Рита, откуда-то вихрем вылетела Текила и едва не сбила Риту с ног. Девки мигом оказались у нее за спиной, Текила убежала к подоконнику и так оттуда ругалась, что уши вяли. Рита выглянула в коридор, Глеб схватил ее за плечо.

— Жить надоело?

— Надо посмотреть, — Рита вдохнула глубоко, выдохнула, прислушалась. Ни звука, так тихо, наверное, бывает в могиле. Однажды она оказалась одна в соборе, вернее, в кирхе, огромной, бог знает что пережившей и повидавшей на своем веку. Кроме Риты, там никого не было, только каменные статуи, распятия, надгробия принцесс и маркграфов, каждый шаг по стертým плитам отдавался эхом, а в узкие окошки било яркое июльское солнце. Рита одна шла вдоль стен кирхи так же осторожно, как сейчас по коридору. Выглянула из-за угла — баннер на месте, дверь закрыта, поблизости никого. Прислушалась еще раз и пошла по шажку дальше. В зале мигала одна лампа, остальные не включали, или они вырубались сами. Стол, где сидела компания, сдвинут к дверям, рядом лежат двое. Не двигаются и, кажется, не дышат, но Рита не была в этом уверена — со стороны плохо видно.

— Твою ж мать, — прошептал Глеб, зубы у него стучали, губы дрожали. — Вот же твою мать, а.

Он матерился больше от испуга, чем от злости, Рита прошла еще немного вперед. Да, эти двое мертвы, видно, что вся одежда у них в крови, а на полу ее просто лужи — темные, они чуть поблескивают в свете последней мигавшей лампочки, и кругом полно гильз.

Мартынов так и сидел на диване: голова запрокинута, смотрит вверх, рубашка блестит жутковато, кровь изо рта стекает на лицо, а оттуда на пол. Там еще один, в сером костюме, лежит лицом вниз, спина багровая и мокрая, тоже блестит.

— А где еще один?

Глеб обошел Риту, остановился в дверях, покрутил головой. Послышался тихий жуткий стук, Рита выглянула из-за спины Глеба и сразу угадала, куда смотреть. У стены лежал парень в черном, ему удалось отползти от стола, но пули попали ему в спину и, кажется, в шею. Парень бился головой о стену, дергался, пальцы его сжимались и разжимались, хватали воздух. Глаза у него закатились, он перевернулся на бок и принялся плевать кровью. Глеб вдруг пригнулся и бросился вперед.

— Ты куда? — Рита осеклась. Она тоже увидела это — на полу, с другой стороны от двери валялось что-то темное и тяжелое по виду. Глеб подбежал, присел на корточки и спрятал руки за спину.

— Охренеть. Он ствол скинул.

Повернулся к Рите и улыбнулся белыми губами:

— Нам...дец, дорогая. Причем полный.

Рита подошла к нему, посмотрела на пол. Среди стреляных гильз лежал автомат с коротким прикладом, тоже черный. От него пахло тошно и кисло одновременно, Рита присела на корточки и кончиком пальца тронула приклад.

— Это и есть винторез?

— Да какое там, это «калаш», укорот, у ментов такие. Твою мать, Рита, ты о чем думаешь? Ты понимаешь, что с нами будет?

Девки будто ждали его слов, вылетели табуном, столкнулись в коридоре.

Текила как была в «рабочих» шмотках, так и выскочила за дверь, только куртку накинула. Пума умчалась следом, Мелисса одевалась на ходу, бежала с зареванной физиономией, вся в размазанной косметике, налетела на дверь, выругалась и заметила Риту. Подскочила к ней и зашипела:

— Я на тебя больше не работаю, не звони мне больше! Иди на хер, поняла?

Казалось, еще секунда, и она плюнет Рите в лицо. Глеб оттащил ее, Мелисса лягнула его по ноге и пропала за дверь. Глеб закрыл ее на все замки, снова открыл. На парковке так и стояли три машины, за одной прятались два мужика, видимо, водители. Они опасливо выглянули из-за капота и снова скрылись. Глеб захлопнул дверь, Рита остановилась под баннером с красоткой и прислонилась к стене. Только сейчас ощутила, как дрожат руки и колени, а язык не слушается.

— Звони в полицию, — кое-как проговорила она.

Все закончилось к десяти вечера: пока все сфотографировали, описали, пока следователь записал показания Риты и Глеба, пока овчарка пробежалась по залу, выскочила с полицейским за дверь, но быстро вернулась — прошла, казалось, вечность. Голова не болела, в нее точно гвоздь вбили, от макушки до нижней челюсти, поэтому соображала Рита неважно, а говорила еще хуже. «Да, нет, не видела, не заметила, раньше тоже не видела», — других слов будто и не осталось. И еще где-то через час или около того появился мерзкий гнилой запах, от него тошнило и сводило челюсти. Когда совсем стемнело и пошел дождь, стали выносить убитых: из комнаты Рита видела, как на носилках проносят к двери черные блестящие мешки, как они исчезают в темноте. Один, два, три — за полчаса вынесли пять штук, дышать стало еще тяжелее, очень хотелось открыть окно. Потом все ушли, на парковке тоже было пусто. Глеб прилип к перилам на крыльце и дышал так, будто его из петли вытащили. Пахло уже не так сильно, но, когда дверь закрыли, завоняло еще тяжелее.

Рита включила в зале свет и прислонилась к стенке, осмотрелась. Стол так и остался почти в центре, на полу темные размазанные лужи и осколки, и запах, жуткий запах, от которого того гляди вывернет наизнанку. Подошел Глеб и снова выругался, но уже тихо — и у него сил не осталось.

— Надо убрать тут, — сказала Рита, а сама не представляла, как вообще после всего можно навести порядок. Но деваться некуда, салон будут смотреть покупатели, не показывать же им такое.

— Может, нанять кого-нибудь? — Рита посмотрела на Глеба. Тот с закрытыми глазами подпирал стенку и мотал головой.

— В тот раз дворник все прибрал, но там крови почти не было, а тут как косой косили. Ну и вляпались мы...

— Придется самим.

Рита прошла вдоль стенки, аккуратно обходя пятна на полу, и открыла окно. Свежий ветер помог лишь немного, тухлый запах разнесло по залу, но и только.

— Я увольняюсь, — крикнул Глеб от двери.

— Да вали прямо сейчас. — Сил орать уже не осталось, Рита смотрела на пол, на мебель и стены. Работы полно, она провозится до утра, если не свалится в обморок. К горлу подкатила тошнота, желудок сжался, Рита закрыла глаза и оперлась на стенку. Послышались шаги, потом хлопнула дверь и все стихло. Рита открыла глаза — Глеба не было, тут вообще никого не было, кроме нее, и

отступать ей некуда.

В кладовке она нашла ведро и несколько тряпок, набрала воды, вернулась в зал. Присела на корточки у ближайшего пятна и принялась собирать тряпкой густую вонючую жидкость. Она быстро оттиралась, оставались разводы, но их тоже было легко ликвидировать — это была всего одна хорошая новость. От вида густой черной крови в воде перед глазами плавали белые искрящиеся пятна и мутило так, что Риту едва не вырвало. Она подбежала к окну и чуть ли не лбом впечаталась в решетку, тяжело дышала и минут десять приходила в себя. Полегчало не сразу, Рита вышла в коридор и рухнула в белое кресло, посмотрела на телефон — было уже одиннадцать вечера. Если так пойдет и дальше, она и к утру не отмоеет и половину.

Дверь распахнулась, в лицо ударил ледяной ветер, в салон вошел Глеб. Он бросил Рите на колени небольшой пакет, сам зашуршал вторым.

— Ты же уволился, — сказала Рита, — чего приперся?

— Ты мне должна за отпуск и сверхурочные, — Глеб натягивал на руки тонкие резиновые перчатки, — я на тебя в трудовую инспекцию пожалуюсь.

Он надел медицинскую маску, прижал ее к переносице и храбро вошел в зал. Рита справилась наконец и со своим пакетом и тоже в маске и перчатках пошла за Глебом. Он поменял воду в ведре и быстро, широкими движениями вытирал лужу. Рита отошла за стол и принялась отмывать пол от застывших ошметков желе или чего-то очень похожего, тоже темного. Маска здорово помогала, воняло не так сильно, Глеб вытер почти всю лужу и пошел менять воду. Другого ведра не было, Рита пошла следом и услышала, как Глеба рвет в туалете. Она постучала в дверь.

— Ты живой?

— Не дождешься, — слабым голосом отозвался Глеб. Возвращаться в зал одной не хотелось, Рита присела у стены на корточки и ждала, пока Глеб придет в себя.

К часу ночи они отмыли почти весь зал, оставалось смыть кровь с мебели и стен, но тут было уже легче. На обоях оставались темные разводы, они быстро высыхали, багровые брызги с них исчезали без следа. Рита отмывала стол, смотрела на него и на воду сквозь ресницы — жмурилась, чтобы не видеть, как в воде расплывается кровь. Глеб вдруг вскочил, швырнул тряпку и убежал, вдалеке хлопнула дверь. Рита встала, убедилась, что не упадет, если сделает шаг, и пошла за Глебом. «Нашатырки надо было купить», — мелькнула запоздалая мысль. В туалете Глеба не было, он нашелся в дальней комнате и, как недавно Рита, прижимался лбом к решетке открытого окна. В комнате было холодно, будто в морозильнике, Рита сжала зубы, чтобы они не стучали.

— Ты чего?

Глеб дернулся всем телом как от удара, повернул голову.

— Дышу, — еле выговорил он, — проветриваю. Мне плохо, хуже еще не было, наверное.

«Всем плохо». Рита набрала в ведро чистой воды и потащила обратно в зал. Бледный под цвет маски Глеб явился минут через десять, и к трем часам ночи они отмыли все, даже шест, куда тоже попала кровь. Маски и перчатки полетели в ведро, Рита вздохнула свободно и отдала Глебу все деньги, что получила от черного парня. Глеб, не считая, сунул их в карман и вдруг обнял Риту.

— Не думал, что моя актерская карьера закончится таким образом.

— Ничто не вечно, — пробормотала Рита и тоже обняла Глеба. Зубы у нее еще стучали, но уже от холода: в салоне были открыты все окна, дурной тошный запах почти выветрился, немного пованивало только в зале, но это была уже ерунда. — Я позвоню, — на прощание сказала Рита.

Глеб махнул ей и выскочил за дверь. Рита закрыла все окна и постояла в коридоре, глядя в зал, приняхалась. Ничего, почти нормально, еще час-два проветрить, и все будет хорошо. Надо завтра же найти Гранину, вернее, уже сегодня, и через три часа пора бы вставать и собираться на работу. И еще кое-что.

Портфель лежал на месте, под тряпками и коробками, такой же толстенький, как и вчера утром. Рита задвинула его подальше к стенке и пошла закрывать дверь. По дороге обернулась несколько раз, остановилась, будто искала что-то в сумке, а сама смотрела по сторонам. Светлой машины не было, вернее, они были, неслись через туман и мелкий дождь по своим делам, и ни одной из них до Риты не было никакого дела.

Спать она не легла, смысла не было — и вставать уже скоро, и все равно не уснула бы. После душа слонялась по квартире до шести утра, потом пошла в кофейню неподалеку. Там работали круглосуточно, и персонал выглядел не лучше Риты, тоже все помятые и уставшие, но держались бодро. Рита выпила два больших стакана черного кофе без сахара, еще один взяла с собой и пошла в банк. Голова кружилась, в глаза будто песка насыпали, но ледяной ветер спасал, помогал держаться на ногах, и до работы Рита добралась без приключений. Но в кабинете развезло, вот хоть ложись на стол, например, и спи, и Рита уже всерьез обдумывала это. Вспомнила, как несколько лет назад, еще до банка, искала работу в своем городишке, ездила на каждое собеседование по более-менее подходящей вакансии. И в тот раз поехала, причем на такси: контора оказалась очень неудобно расположена, но деньги обещали неплохие, правда, график был сменный. В перспективе предстояло считать горючку, что приходила цистернами на местный НПЗ. Когда Рита назвала таксисту адрес, мужик вдруг понимающе ухмыльнулся:

— Знаю, как же, у нас вызовы туда часто. Девчонки сутками работают, утром перед сменой энергетики закупают, и вперед, к станку.

Рита тогда вышла на вокзале, решила, не так пока все плохо, чтобы пить перед работой энергетики. Так вот, сейчас бы они точно не помешали. За дверью слышались голоса, в основном Иркин: она сходила на разведку в бухгалтерию и теперь делилась новостями:

— У ахошников троих сократили, у пиарщиков только начальник остался, да им и этого много. Процессинг пока не трогают. Вроде как учредители свои денег внесли, вкладчиков успокоили, так что есть надежда, что выживем.

Юлька что-то отвечала, но Рита не слушала. Она посмотрела на старый дом, на мокрые от дождя и снега стены, на битый кирпич внизу, грязь и доски, что валялись повсюду. Потом проверила почту, отпила половину остывшего кофе, попыталась вникнуть в смысл писем, что требовали немедленного ответа, и бросила это дело. Глаза закрывались сами собой, и сразу проявлялись картинки: вот бритый мужик входит в салон, здоровается с Глебом, идет в зал, достает автомат, и Мартынов-младший падает на спину, да так и остается с дырами в животе и груди. Вот выносят черные пластиковые мешки, на потол-

ке пляшут синие и красные отблески маячков «Скорой» и полиции, вот вода в ведре окрашивается в багровый цвет. Рита открыла глаза и замерла — в дверях стоял Черников. Бледный, заметно похудевший так, что костюм висел на нем, в безупречной белой рубашке, он закрыл дверь на ключ и шагнул к Рите. Она вскочила, но деваться было некуда, если только сквозь стену пройти.

— Как ты? — Черников хотел взять ее за руку, Рита увернулась и едва не уронила стакан с остатками кофе.

— Все хорошо. А что такое? — Она даже смогла улыбнуться, но получилось наверняка жалко.

— Не ври, — тихо сказал Черников, — Рита, не ври мне.

Она вышла из-за стола, Черников посторонился и дал ей дорогу. Рита села на подоконник и увидела свое отражение в стеклянной створке шкафа. Тоже бледная, но и только, лицо спокойное, и это главное.

— Не ври, — повторил Черников, — весь город в курсе, что вчера произошло в салоне, а до этого на рынке. Я тебя предупреждал.

— Мне хорошо потому, что этой сволочи больше нет. — Отпираться было бессмысленно, да и незачем. Если бы против нее было хоть что-то, хоть какие-то подозрения, то сюда пришел бы сейчас не Черников, а полиция. Или она утром вообще бы не дошла до работы, а лежала бы в черном мешке в компании ее вчерашних гостей.

— А на остальных тебе плевать? — В голосе Черникова звучала угроза, он подошел к Рите вплотную, она выставила руки перед собой.

— Чего ты хочешь?...

— Там были камеры, — перебил ее Черников, — Морок все сделал грязно, если его найдут, тебе конец.

— Не понимаю, о чем ты. — Улыбаться было все сложнее, Рита краем глаза видела, что ее улыбка превратилась в оскал. Камеры, значит. Ну и фиг с ними. Скажет в крайнем случае, что шла к Бондарю обсудить размер и сроки выплаты дани, а с ним случилась такая неприятность. Да ему десятки людей в этом городе платили, тогда уж всех надо подозревать и начать с продавщиц шуб, например. Они его вообще каждый день видели и были в курсе его привычек.

— Чего ты хочешь? — повторила Рита, Черников схватил ее за локти и поднял с подоконника. Рита дернулась, Черников прижал ее к себе и принялся целовать, запустил руки под одежду. Рита дернулась еще раз, еще, и сил больше не осталось, она обняла Черникова и вдруг почувствовала, как по лицу текут слезы.

— Ритка, что ты натворила, — Черников не отпускал ее, держал обеими руками, — этот несчастный завод должен был отойти Бондарю, Морок завалил его, и конкуренты тут же подсустились. Их застрелили вчера на твоей территории вместе с владельцами производства. Черт знает, что там будет дальше, каждый думает, что это дело рук именно его оппонентов, у каждого был там интерес. Я тебе говорил про войну, как в девяностых, но ты не верила.

— Я уеду, — Рита ткнулась лбом Черникову в плечо, — я продаю салон и уезжаю. Поедешь со мной?

— В Париж? — Черников гладил Риту по волосам. Она закрыла глаза, слезы еще лились ручьями, и сдержать их не было никакой возможности.

— Можно и в Париж, нам денег хватит на две жизни.

Черников молчал, Рита смотрела на старый дом за его спиной, на химеру,

что деликатно отвернулась и делала вид, что ничего такого не происходит.

— Куда угодно, лишь бы тепло было, — сказал Черников, — скоро зима, а я ненавижу зиму, тьму, холод, грязь. Была бы возможность — как медведь в берлогу бы прятался на полгода.

— Тогда в Прованс, — сказала Рита, — там тепло и никогда не бывает снега. Купим дом недалеко от моря и будем жить вдвоем.

Что-то жутковато загудело, Черников ругнулся и полез в карман пиджака за мобильным. Рита отстранилась, Черников схватил ее за руку и сбросил вызов.

— Надо бежать, — он не сводил с Риты глаз, — дела.

— Иди, — сказала она и вытерла ладонью щеки, — работай, наемник.

Черников притянул ее к себе.

— Звони сразу, если что-то случится. Даже если просто померещится. Поняла?

— Поняла, — Рита зажмурилась, — да ничего уже не случится. Я выхожу из игры.

Черников отпустил ее, покрутил телефон в руках.

— Этот Бондарь — та еще сволочь, конечно. Я по девяностым помню мутные истории про его кладбищенские делишки. Его и завалить-то не грех, но у него тоже есть наследство, и его тоже начнут делить.

— Ты сказал, что твои люди — настоящие профи. Надеюсь, Морок не подведет.

Она махнула Черникову на прощание, тот быстро вышел из кабинета. Снаружи враз притихли, потом снова загудели, как комары над теплым болотом. Рита закрылась и набрала номер Глеба, чтобы сказать, что она продает салон. Вместо Глеба говорил автоответчик, Рита набрала еще раз, но снова нарвалась на «абонент временно недоступен». Такое бывало и раньше, но стало немного тревожно. Рита подождала еще четверть часа, но и третья попытка не удалась, вместо Глеба снова говорил автоответчик. С номером Текилы было то же самое: сначала она просто не отвечала, а после второго вызова оказалась вне зоны действия сети. «Интересное кино», — Рита смотрела на телефон, будто тот знал отгадку, и решила начать с Граниной.

Найти ее оказалось проще простого: у входа в старое кирпичное здание «Мануфактуры», где весь первый этаж занимали кофейни и рестораны, на тротуаре чуть ли не передним бампером в дверь стояла черная «Тойота». Пантеры с этого бока не было видно, Рита обошла машину и оказалась в зале с низкими потолками. Гранину было видно издалека: вся в черно-розовом, в розовой же помаде, она сидела за дальним от входа столом и курила, красиво выпускала дым в потолок. Подошел официант, совсем молодой парень, почти школьник, Рита показала ему в дальний угол:

— У нас встреча. Принесите мне минералки.

Вдохнула поглубже и двинула к Граниной. Та мрачно смотрела на нее и стряхивала пепел мимо стеклянной глубокой тарелки, потом щелкнула пальцами и замахала Рите рукой:

— Топай сюда, подруга! Как дела, как жизнь? Я слышала, что у тебя проблемы были, — она чуть понизила голос и придвинула к себе черную толстую папку, что лежала поодаль. Рита села напротив спиной к выходу, принесли минералку. Рита поставила ее перед собой.

— Я хочу купить квартиру. — Гранина наклонила голову и кивнула. — В Москве.

— Правильно, — одобрила нотариус, — я всем говорю, что отсюда надо валить, если есть возможность. Вариант нашла уже? Какой?

Рита только сейчас сообразила, что варианта-то и нет и что сказать ей нечего. Не смотрела еще, не до того было, только представляла себе в общих чертах, а так ничего конкретного.

— Пока нет, — сказала Рита, Гранина вскинула тонкие угольно-черные брови. — Но есть условие: квартиру мне должны подарить.

Гранина докурила, окурок на сей раз попал в пепельницу. Она махнула куда-то за спину Риты рукой, подошел тот же официант.

— Мне как обычно: салат, картошечки и ваших котлет парочку. Нет, три. И кофе с эклерчиками потом принеси.

Видно, ее привычки тут хорошо знали, официант переспрашивать или уточнять не стал и быстро ушел. Гранина постукивала зажигалкой по столу.

— Подарить, значит, — она смотрела мимо Риты, — можно и так оформить, хотя я рекомендовала бы тебе сделать наследство. Обязательно нужен вариант, а лучше два — с продавцами надо поговорить, посмотреть, что за люди, пойдут ли на такую сделку. И приплатить придется, подруга, — вздохнула Гранина, — хорошо приплатить. Соскочить хочешь, я понимаю, но в нашем деле вход рубль, выход два. Ну и моя комиссия еще.

Рита ожидала чего-то подобного. Отпила минералки и кивнула:

— Само собой. Сколько?

Принесли салат оливье, не тазик, но нечто близкое по размеру. Гранина принялась наворачивать салат так, что за ушами трещало, Рита смотрела вбок и пила минералку.

— Жрать очень хочется, — с набитым ртом сказала Гранина, — я могу в обморок упасть от голода. У меня сахар низкий, надо часто есть, врач так сказал.

Врач, скорее всего, решил сделать Граниной приятное таким образом, но Рита лишь улыбнулась.

— А ты чего? — заволновалась вдруг нотариус. — Поешь тоже. Или ты нарочно не жрешь?

— Нервы, — сказала Рита, — ничего не лезет, кроме воды и чая. Очень хочу побыстрее все сделать и уехать. Кстати, мне вас Пофигист порекомендовал как лучшего специалиста.

Гранина перестала есть, перекрестилась и снова взялась за вилку.

— Ох, Серега, как он не вовремя ушел, как не хватает его. Земля ему пухом... Короче, я все сделаю так, что ни одна собака не подкопается, квартиру тебе завещают хоть напротив Кремля, если бабки есть. Моя комиссия двадцать процентов от стоимости жилья плюс расходы по сделке за твой счет. Готова?

Рита была готова ко многому, но Гранина заломила вовсе уже несусветную плату за свои услуги: почти половину от стоимости квартиры в центре столицы, да еще и расходы по сделке.

— Какие расходы, на что?

Гранина прикончила салат и высматривала официанта с котлетами. Тот задерживался, Гранина облизала вилку, ткнула пальцем в звонящий телефон и сбросила вызов.

— Уговорить человека на то, что тебе надо, — сказала она, перегнувшись через стол. Рита близко видела ее черные жирные стрелки и неровно наложенный тон: на лбу и щеках слой был очень толстый и почти пропадал в районе ушей. — Чтобы не продажу, а завещание сделать. Тут нюансов полно, надо все учесть, людям это неудобно. Ты оплатишь их дискомфорт, чтобы тебе потом было хорошо. И половину я беру вперед.

Рита прикидывала, что у нее есть в наличии. Денег из сумки хватит на услуги нескольких таких Граниных и еще останется, но это в последний момент. Она будет платить ими на сделке, еще надо поменять валюту на рубли, это тоже не в один день. Получается, что не хватает, эта крокодилица вытянет из нее все до копейки.

— У меня есть квартира, — Рита назвала район, и Гранина одобрительно кивнула. Принесли котлеты наконец, от них воняло жиром и еще чем-то до одури знакомым, Риту едва не стошнило. Она отвернулась, но Гранина заметила ее реакцию.

— Ты беременная, что ли? — насторожилась нотариус.

— Нет, нет, — торопливо сказала Рита, — просто не спала всю ночь, и вчера еще были... дела.

— Я с беременными стараюсь дел не иметь, — Гранина лопала картошку, — у них мозги в молоке, одни инстинкты, а соображалка начисто отключена. Ну, это если было чего отключать. Так чего там про квартиру говоришь? Это хорошее место, я его знаю.

— И еще салон.

Гранина опустила вилку с куском котлеты на место, постучала розовыми когтями по столу.

— Тоже нормально, — она снова смотрела точно сквозь стену, — мне понравилось там. Слушай, а мужик тот, с кем мы шампанское пили, он кто вообще? Не из местных, я бы знала. У него что вообще, чем занимается?

— Он наемник, — бухнула Рита первое, что пришло в голову. Гранина посмотрела в потолок, вздохнула:

— Вот это да. Обалдеть, — она подперла рукой подбородок и теперь смотрела в тарелку. — Бывают же мужики! Как в книжке про любовь. А как он стихи читал...

— Стихи? — вскинулась Рита, Гранина кивнула задумчиво, взяла свой телефон и принялась листать телефонную книгу. — Надо было мне его номер записать, но я тогда на стакане была... Так что ты говоришь — квартира и салон? — она в упор посмотрела на Риту. — Можем тоже продать, недели за две управимся.

— Я перепишу их на тебя хоть сегодня, — сказала Рита и допила свою минералку.

Котлеты воняли до того мерзко, что она сдерживала тошноту уже из последних сил. Гранина выпрямилась и положила локти на стол, по-собачьи наклонила голову.

— Потом продашь сама, если захочешь. Это будет в счет твоей комиссии и расходов по сделке. За новую квартиру я заплачу отдельно, скорее всего, наличкой. Договорились?

Гранина потыкала вилкой в котлету, исподлобья глянула на Риту, в телефон, снова в тарелку. Потом откинулась на мягкую спинку дивана, хлопнула

лапой по папке.

— Да, нормально. Документы я подготовлю, быстро все оформим.

Рита старалась не показывать своей радости. Понятно, что Гранина только что ограбила ее: квартира и салон стоят намного дороже ее процента, но у Риты нет двух недель. Да какое там, и недели нет, через неделю она должна быть далеко отсюда. Время — деньги, этот закон никто не отменял, так что пусть Гранина подавится.

Та прожевала котлету, закусил картошкой и подытожила:

— Значит, с тебя пара-тройка вариантов на твой вкус и образец подписи, лучше всего живой. В смысле не фото...

— Какой подписи? — не поняла Рита.

— Того, кто завещает тебе квартиру, — пояснила Гранина. — Бабушка, дедушка, тетя, дядя — кто угодно. И лучше всего покойника. Ну, чтобы точно умер уже, а то хоронить живого — это время, а его, я так поняла, у тебя нет.

Гранина все правильно поняла и снова пристально смотрела на Риту, не забывая про свои котлеты. Она прикончила почти все, Риту больше не тошнило. Можно было уходить, но она не спешила. Гранина заморгала непонимающе, Рита наклонилась к ней.

— А гарантии? Какие ты даешь гарантии, что все будет чисто, что ко мне потом не будет вопросов?

— Ты платишь, подруга, — Гранина отодвинула тарелку на край и чуть ли не столкнулась с Ритой лбом, — а я все делаю в твоих интересах. Не только в твоих, кстати, и сделки у меня были почище твоей. И я пока жива, если ты не заметила, а я видала кой чего и похуже того, что у тебя вчера в салоне было. Ты там прибралась или мне оставила?

— Там чисто, — Рита с содроганием вспомнила вчерашний день и особенно вечер, подумала, что от продажи салона Глебу ничего не перепадет и надо как-то сказать ему об этом. Хотя можно отдать потом, после сделки, когда прятаться уже будет незачем.

— Очень хорошо, — ухмыльнулась Гранина, — а то я крови боюсь. А что касается конфиденциальности, то... Знаешь, вот в банке, например, или в страховой, или еще где, твои персональные данные могут украсть и продать в интернете за копейки. А у меня все персональные данные вот они, — Гранина ударила кулаком по папке, — на бумажном носителе, в единственном экземпляре. И вырвут их только у моего трупа. Иначе я где-нибудь в другом месте бы работала. Не парься, короче, еще мне спасибо скажешь и клиентов подгонишь. Эй, пацан! Винца нам принеси! — крикнула она куда-то над головой Риты.

— Мне на работу, — Рита поднялась с места, — потом отметим, после сделки.

— Как скажешь, — Гранина лопала картошку, — значит, сегодня жду от тебя вариант квартиры и подпись. Чем быстрее сделаешь, тем быстрее свалишь отсюда. Насчет дарственной я позвоню.

Рита пошла в банк пешком. Холодный ветер прогнал сонливость, голова отлично соображала, идти было легко. Подумалось вдруг, у ее нынешней квартиры странная карма — год назад она сама уговорила Лиана подарить ее, за деньги, разумеется, и вот сама дарит ее этой откормленной хабалке. Круг замкнулся.

Загудел в сумке мобильник, Рита сначала не хотела отвечать, потом подумала, что это может быть Глеб, но номер оказался незнакомый. Она выждала немного, но с той стороны кто-то терпеливо ждал ответа. «Я больше не работаю, салон закрыт», — хотела сказать Рита, но ее опередили.

— Мне надо забрать деньги, — раздался голос Колодина. — Лучше сегодня, часа через три. Вы будете на месте?

«Нет», — хорошо, что банк был уже через дорогу, а светофор горел зеленым. Рита кое-как добралась до фойе и прислонилась к колонне, что загораживала вход в оперзал для физлиц. Там было полно народу, и от мельтешения толпы перед глазами снова все поплыло, к горлу подкатил ледяной комок.

— Вы слышите меня? — уже откровенно зло уточнили с той стороны, — мне надо забрать деньги. Сегодня.

— Разумеется, — проговорила Рита, — жду вас через три часа. До встречи.

Первым порывом было броситься в развалины, вытащить сумку и бежать из города куда глаза глядят, наплевав и на квартиру, и на салон — куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Потом Рита вдруг решила, что за три часа успеет залить на карту все клейки и снять с карты нужную сумму, но одумалась — это на сутки работы, не меньше. Нет, это не вариант.

Рита так и стояла спиной к холодной колонне и бессмысленно смотрела через стеклянную дверь. Народа стало меньше, из зала вывалилась красная всклокоченная пенсионерка, отошла в сторонку, глянула подозрительно на Риту и принялась пересчитывать деньги. По залу вдруг пополз туман, он поднимался с пола, в нем терялись силуэты людей, мебель и предметы. Рита сжала кулаки и прикусила губу, вспомнила, как Колодин передавал ей портфель и что было дальше. «Он передал мне портфель, не сказал, что внутри, и я не смотрела», — мысль работала медленно-медленно, Рита закрыла глаза. Сейчас в портфеле тоже деньги, и если не приглядываться, то сразу и не разобрать. А сразу и не надо, Колодин, судя по голосу, очень торопится, и это хорошо. «Скажу ему, что взяла в долг», — Рита точно сама себя за волосы тащила из болота подступавшей паники. «И что отдать могу хоть сегодня — карты активны, с ними все нормально, я ими почти и не пользовалась. А если убьет меня, то получит только эти фантики».

Рита снова позвонила Глебу, потом еще раз, но его телефон оказался выключен, о чем радостно сообщил автоответчик. «Может, случилось что?» Рита набрала Текилу, но с тем же успехом. «Стресс снимают после вчерашнего», — мелькнула мысль. Рита собралась с духом и пошла в салон, хоть до встречи оставалось еще довольно много времени.

Тут уже не пахло, но Рита все равно открыла все окна, проверила портфель — тот лежал на своем месте, еще раз прошлась по салону. Порядок, только дырки в стене остались да стекло на баннере треснуло, а так все очень даже неплохо. Рита устроилась в комнате напротив входа и принялась искать себе квартиру. На сайте, как на ладони, перед ней лежал огромный город, и она могла выбрать все, что душа пожелает, реально любой вариант. Даже самый безумный по цене: денег хватало и еще оставалось на безбедную спокойную жизнь. Рита просматривала варианты и то и дело поглядывала на время: до трех оставалось все меньше и меньше. Она вздрагивала от каждого слишком громкого звука, даже от гудков машин на дороге и постоянно смотрела на дверь. А потом снова на экран смартфона, быстро просматривала предложе-

ния. Их было предостаточно, но на улице снова что-то зашумело, Рита вскочила, чуть не уронила телефон. Нет, показалось — она прислушалась и снова села, принялась разглядывать фото. Вот, например, апартаменты с террасой, с новой отделкой в отреставрированном особняке девятнадцатого века, являющегося объектом культурного наследия. Терраса поражала воображение размерами и видом на главный детский магазин страны. Цена тоже поражала, но не так чтобы уж очень, вполне себе нормальная цена. Или вот еще вариант в переулках неподалеку от центра, верхний этаж, потрясающий ремонт и вид из окна на миллион долларов. Или вот еще старый дом на Золотой Миле, с видом на реку — просто восторг. Правда, ремонт аляповатый и лоджия маленькая, но все равно очень неплохо.

«Эта, эта и еще вот эта», — Рита отправила Граниной ссылки и прислушалась. Показалось, что к салону подъехала машина, хлопнула дверца. Рита вышла в коридор, но больше ничего не расслышала. Зато ожил мессенджер, Гранина моментально прислала отбивку. «Я займусь. Подпись не забудь». Черт, еще подпись. Где срочно взять подпись покойника?...

Дверь распахнулась, грохнула о стенку, в салон ввалился Колодин, небритый, в грязных джинсах и отличной кожанке с оторванным карманом. Строитель выглядел так, точно неделю, не меньше, провел на улице или в подвале, у него даже волосы вокруг залысин отрасли, и Колодин походил если не на бомжа, то на вокзального алкаша, что вечно клянчит денег около окошка кассира или автомата по продаже билетов. Но приехал он на «крузаке», правда, с разбитой задней фарой, и даже двигатель не заглушил — значит, торопился, как и предполагалось. Рита привычно улыбнулась, Колодин мрачно глянул на нее, на стол, сунулся в зал, потом в комнату.

— Где? — выдохнул он.

— Присядьте, — Рита показала ему на диван, — одну минуту.

Колодин остался стоять столбом, Рита пошла в кладовку. Достала с полки тяжеленный портфель, постояла так немного, сосчитала до десяти и очень медленно пошла обратно, в коридоре положила ношу на низкий столик у двери, Колодин кинулся к портфелю, дернул «молнию», Рита приготовилась. Горела всего одна лампочка, в зале свет она не включала, да и незачем, там остались только два нетронутых светильника, и то по углам. Колодин завис над портфелем, Рита старательно улыбалась, и тут донесло душный зловонный запах. Показалось или сквозняком принесло? Рита отвернулась и невольно пригнулась. «Быть не может, мы все отмыли», — она смотрела на пол, на стены, не понимая, откуда пахнет. Еще час назад тут все было в порядке.

— Что за на хер? — Колодин посмотрел на Риту. Та сделала вид, что ничего не понимает. «Разглядел, сволочь», — она старательно держала улыбку и даже подошла поближе. Колодин развернул к ней портфель, в нем лежали несколько насквозь промокших рулонов туалетной бумаги, скомканные рекламные газеты, пара полупустых бутылок виски и огромная сырая тряпка, вся в багровых пятнах. Склеек не было ни одной, насколько Рита могла видеть со стороны. — Это что за на хер? — снова повторил Колодин. — Это шутка такая? Где мои деньги, курва?

«Хороший вопрос», — слова застряли в горле, Рита, не отрываясь, смотрела на набитый мусором портфель, перед глазами все плыло, снова к горлу подкатила тошнота. Где клейки, там их было на несколько миллионов, она убила

на них два дня?! Откуда эти бутылки, газеты, эта тряпка — уж точно не она ее туда положила. А кто тогда? В салоне было полно народу за эти дни, кто-то подменил склейки, приняв их за настоящие деньги, и сделал это тот, кто вместе с ней отмывал салон от крови после бойни. «Это Глеб меня ограбил», — Рита прислонилась к стенке и сжала кулаки. Разом вспомнила и как тот бегал блевать в туалет, и как дышал в распахнутое окно. Значит, он деньги тогда выкинул наружу, а в портфель напихал всякой ерунды. Поэтому и вернулся тогда с масками и перчатками. А Текила могла подобрать деньги и свалить. Да, так все и было, скорее всего.

— Слышь, сука, — Колодин сшиб портфель на пол, — это плохая шутка, мне не понравилось. Деньги мои где?

Что-то блеснуло в полумраке, и Рита увидела нож-«бабочку», та расправила крылья у нее перед носом и отлетела, но не очень далеко. Колодин крутил балисонг в пальцах и подходил к Рите все ближе.

— Щас морду тебе порежу, — услышала она. Перед глазами все плыло, воздуха не хватало, будто кто-то держал ее за горло. «Бабочка» снова взмахнула крыльями, Рита выставила руки перед собой.

— Я не поняла вас, какие деньги вы от меня требуете?

Голос дрожал, ноги тоже, Колодин это отлично видел и подошел к Рите вплотную. Острие ножа коснулось ее щеки, Рита смотрела бандиту в глаза.

— Я тебе бабки на хранение оставлял. Забыла? — От Колодина разило дешевыми сигаретами и грязной одеждой, Рита еле сдерживала тошноту. Багровая мокрая тряпка валялась на столе, Рита старалась туда не смотреть.

— Деньги? — удивилась Рита, стараясь не шевелиться. Острие ножа уткнулось в нижнее веко и поблескивало в тусклом свете.

Колодин кивнул.

— Я не знала, что там деньги. — Ей будто кто-то шептал нужные слова, и Рита просто повторяла их. — Вы мне ничего не сказали. Я думала, что там документы, убрала портфель и забыла про него.

Колодин отвел нож в сторонку, «бабочка» вспорхнула и улеглась в его ладонь. Рита выдохнула и отошла вбок. Отсюда до двери было несколько шагов, надо пробежать их, и все закончится. Но Колодин был начеку, он встал в проходе и оглядел Риту с ног до головы.

— Да ты знаешь, сколько там было? — Нижняя губа у него поползла вбок, показались желтые зубы. — Да тебе и твоим девкам жизни не хватит, чтобы отработать.

— Пропал мой сотрудник, — Рита старалась говорить спокойно, а сама не могла отвести взгляд от «бабочки». Она то и дело оживала, слышался тихий звон и легкий скрежет, этот звук сводил с ума, и Рита заговорила громче, лишь бы заглушить его.

— Гонишь, — перебил ее Колодин, — верни деньги, и я тебя не трону. Хотя в качестве компенсации морального вреда может быть.

Рита кое-как улыбнулась.

— Прошу прощения, что так получилось.

Колодин сморщился, выпятил нижнюю челюсть и снова прижал Риту к стенке. «Бабочка» мелькала в сантиметрах от лица, Рита неотрывно смотрела на нее, точно старалась угадать, куда она полетит в следующее мгновение.

— Ты что сказала сейчас? Молись, падла.

С улицы слышался шум двигателя, потом хлопнула дверь. Колодин дернул головой, Рита изо всех сил пнула его по голени, потом добавила коленом промеж ног. Колодин охнул, пригнулся, Рита отпихнула его и отскочила к двери. Можно было бежать, но Рита остановилась, выставила руки вперед.

— Его зовут Глеб, он украл и мои деньги, я хранила их тут. Можете забрать их себе, как процент за беспокойство, когда найдете Глеба. Там достаточно.

Бандит уже пришел в себя и исподлобья смотрел на Риту. Та отступала к двери и следила за каждым движением Колодина. Тот убрал нож, выпрямился.

— Допустим, это не ты, — сказал он, — почему я должен тебе верить?

— Меня бы давно тут не было, — бросила Рита, — Я пришла, чтобы рассчитаться с вами, и обнаружила, что меня ограбили. Оказывается, Глеб прихватил не только мои деньги.

Колодин выругался и сплюнул на пол. Рита выдохнула сквозь зубы и старалась не отходить от двери. «Ну, Глебчик, тебе хана. Ты сам нарвался», — вертелось в голове, и Рита никак не могла отделаться от этой мысли.

— Могу сказать его номер.

— Давай, — бросил Колодин и достал свой телефон, набрал цифры, что продиктовала Рита, нажал вызов. — Выключен телефончик-то, — бандит недобро глядел на Риту. Она кивнула.

— Я знаю, с утра сегодня не отвечает. Вчера все было нормально.

Ну, вчера все было как раз ненормально, но об этом лучше не вспоминать.

— Еще с ним была девушка. «Текила, дура, трать быстрее эти деньги, пусть лучше тебя менты первыми найдут, а не бандиты», — Рита продиктовала бандиту второй номер. — Она тоже не ответит.

— Точно, — Колодин убрал телефон в целый карман и двинул к двери, Рита едва успела отскочить. Но недалеко, тот схватил ее за руку и сжал так, что Рита вскрикнула. — Я тебя найду, сука, понятно? Хоть под землю закопайся. Хреново ты себе работников выбираешь.

— Я плохо разбираюсь в людях, — кое-как проговорила Рита, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание от боли. Колодин отпустил ее и выскочил за дверь. Та вдруг снова распахнулась, Рита шарахнулась от нее не разбирая дороги. И упала-таки, запнулась за валявшийся на полу портфель, под руку попала мокрая грязная тряпка. Рита отпихивала ее, та липла к полу и воняла так, что перехватывало дыхание.

— Марго, что с вами?

Рита едва сдержала слезы: Шалаева принесло как нельзя вовремя, хотя лучше бы ему было прийти минут на десять пораньше. Он, снова в костюме, красавчик, как всегда, кинулся Рите на помощь, буквально поднял ее с пола и взял за плечи.

— Что случилось, кто вас так? Вы как себя чувствуете? Я видел, как отсюда выскочил какой-то натуральный скот, он своим корытом едва не разбил мне машину. Рита, вы меня слышите?

Она прекрасно все слышала, только отвечать не могла, сжала зубы до хруста и кивала. Шалаев усадил ее в кресло, Рита ногой запихала тряпку подальше и через силу улыбнулась.

— Все хорошо. Я очень рада вас видеть. Вы что-то хотели?

Шалаев быстро осмотрелся, заглянул в зал, заметил и портфель с газетами

и бутылками, но вида не подал, точно так все и должно быть. Рита загнала тряпку к плинтусу и встала. Ноги не дрожали, голова не кружилась, только локоть болел от удара, но уже не сильно.

— Мне надо переговорить кое с кем, — Шалаев прошелся по коридору до кладовки и быстро вернулся. — Нужна комната часа на два. Вы можете мне помочь? Я заплачу, *само собой*.

— К сожалению, нет, — Рите удалось улыбнуться, — вам лучше поискать другое место. Я закрываю салон и продаю его.

Шалаев будто не удивился, точно ждал такого ответа. Он сунул руки в карманы и пристально смотрел на Риту.

— И дальше что?

Хороший вопрос. Первым делом надо снять себе квартиру на неделю или около того, потом забрать сумку из развалин и послать этот город к чертовой матери.

— Уеду в Москву, — сказала Рита. Шалаев усмехнулся.

— И это правильно. Вам тесно тут, негде развернуться. Столица даст вам очень много возможностей, чтобы проявить себя, можете мне поверить.

— Я верю, — Рита улыбнулась уже нормально, губы не сводило, язык не заплетался. Квартиру она найдет сегодня же и останется там, пока все не закончится. Правда, осталось еще кое-что, и за это кое-что, как и за все в жизни, надо платить.

Дома она достала все деньги, что были в наличии, сложила на кухонном столе и пересчитала, не торопясь. Ну да, примерно на эту сумму она и рассчитывала, это все, что удалось заработать за несколько месяцев в салоне. «Еще бы полгода», — Рита складывала деньги в аккуратные пачки, перехватывала их цветными резинками и убирала в пакет. Себе оставила совсем немного — заплатить аренду за временное жилье, ну и так, на мелочи. Потом, когда сумка из развалин окажется у нее в руках, жизнь изменится.

Утро началось с запаха кофе еще в предбаннике. Казалось бы, обычная растворимая бурда, но все-таки настроение стало чуть лучше. Рита прошла к себе, положила пакет с деньгами в ящик стола и вернулась. Ее явно не ждали, Ирка едва не расплескала кофе, а Юлька смотрела в стенку перед собой и Риту вообще не замечала. Листок с фамилиями так и лежал на холодильнике и уже успел немного потемнеть от пыли и весь был усыпан крошками. Анька хлопала глазами в монитор, то краснела, то бледнела, то хваталась за телефон и что-то бубнила неразборчиво и вытирала нос бумажным платком.

— Не плачь, деточка, мама скоро придет. Нет, сейчас не могу, зайка, ты покушай пока, с Димой поиграй. Нет, тетя тебя не заберет и к дуракам не отвезет, мы ее сами отвезем в лес и там закопаем.

И снова вытерла сопли. Из трубки неслись детские вопли и рев, Анька заметила Риту и вжала голову в плечи. Вскочила, пригнулась, выскочила в проход, Рита загородила ей дорогу.

— Зайди, — она показала на свою дверь. Анька враз стала меньше ростом, прижала к груди телефон и поплелась на зов, как на казнь.

— Надеюсь, она бить Аньку не будет, — в кружку проговорила Ирка.

— А? Чего? — опомнилась Юлька. — Кто кого будет бить? Я хочу посмотреть!

Рита закрыла дверь на ключ и показала Аньке на стул. Та села бочком, те-

лефон у нее немедленно зазвонил.

— Выключи, — сказала Рита, — есть разговор. Не отвлекайся.

— У меня детки одни, им страшно, — Анька зачем-то согнулась чуть ли не пополам, прижала телефон к голове и зашептала: — Лизок, Лизунчик, ты покушала? А что ты кушала? А Дима покушал? А что ты делаешь? Нет, гулять нельзя, пусть Дима тебе мультики включит, дай мне его. Дима, включи Лизе мультики, она хочет посмотреть. Дима, я что тебе сказала?...

Рита вырвала у Аньки телефон и швырнула его под стол. Оттуда понеслись крики и визг, потом матюки, потом раздался рев на два голоса. Анька вскочила, села, заерзала на стуле, вытянула шею.

— Не дергайся, — Рита старалась не орать, ведь как пить дать сейчас Ирка или Юлька греют уши под дверью с той стороны. По-хорошему, разговаривать нужно было не здесь, но Рита торопилась. От Граниной утром пришло еще одно сообщение: двое из трех владельцев квартир согласны на условия покупателя. Надо оформлять документы, а самого главного нет. «Эти люди ждать не будут», — у Риты уже несколько часов крутилась в голове эта фраза, и страшно подумать, что какая-то курица сорвет ей сделку.

— Детки, — у Аньки потекли слезы и сопли, — мои детки, они одни, им страшно...

— А тебе не страшно, если я вас опеке сдам? — тихо сказала Рита. Анька точно подавилась рыданиями и пялилась на Риту мутными красными глазами. — Ты забыла, как слила порно в общую сеть банка? Информация осталась у безопасников, и ее достаточно, чтобы отобрать у тебя детей и отдать их нормальной матери. Этого хочешь?

— Ах ты сука! — взвизгнула Анька и подскочила к Рите. — Тебя Бог накажет!

Рита встала и вlepила Аньке пощечину. Анька моментально заткнулась и шарахнулась к двери. С той стороны было тихо, как в открытом космосе, значит, точно подслушивают. Ну да ладно, фиг с ними.

— А тебе Бог здорово помогает, я вижу, — Рита села на место, — просто супер как помогает, особенно в последний месяц. Может, ты молилась хреново или не тому богу? Короче...

Анька хотела что-то сказать, Рита показала ей кулак и вытащила из ящика пакет с деньгами. Открыла его пошире и вытолкнула на середину стола. Анька уставилась на пачки денег, смотрела на них, не моргая, и сделалась похожей на змею.

— Этого хватит, чтобы купить двушку в твоей дыре, — тихо сказала Рита, — по комнате твоим разнополым деткам, и опека от тебя отстанет. Я отдам тебе эти деньги, но тебе придется уволиться.

— Хорошо, — Аньку точно приковали к стулу, она зачем-то вцепилась в него руками и не сводила с денег глаз.

— Уволиться по статье, — продолжала Рита, — по тяжелой, убойной статье, за прогулы, например, а лучше за пьянку на рабочем месте.

Это гарантия, что Аньку по гроб жизни не возьмут ни в одно приличное место, где может всплыть правда об их сделке. И это самое слабое место в плане Риты — если Анька не согласится, то придется платить Граниной еще и за поиск подходящего покойника, а это время, а его нет.

— Хорошо, — Анька снова трянула пегой башкой, — я согласна. За пьянку.

— И ты валишь в свою дыру навсегда, — добавила Рита. Анька повернулась к ней и снова уставилась на деньги.

— И что я буду там делать?

— Да хоть селедкой торговать, мне какая разница. — Рита села на стол между деньгами и Анькой, та заерзала на стуле, двинулась вбок, Рита взяла ее за плечо, наклонилась. — Взамен ты привезешь мне образец подписи твоей бабки, — сказала она на ухо Аньке. — И если ты кому-нибудь хоть пикнешь о нашем с тобой разговоре, твоих выродков в тот же день заберут в детдом, а тебя посадят за подлог, причем надолго. Я позабочусь об этом, можешь мне поверить.

— Я не скажу, — Анька снова была готова зареветь, — детьми клянусь! Я никому, Рита, господи... Ты святая... Я все сделаю, все. А ты не обманешь?

Она была готова упасть перед Ритой на колени и одновременно придушить ее. Рита на всякий случай отошла к окну, посмотрела вниз, за забор, потом на старый дом. Завтра деньги будут у нее.

— Я привезу, все привезу, завтра, сколько хочешь. Я сегодня найду, соберу и привезу!

— Сегодня, — Рита убрала пакет со стола, — сейчас, сию минуту. Встала и пошла. Бегом!

— Мне ехать далеко, — растерялась Анька, — я не успею...

— А ты постарайся, — Рита издали показала ей набитый деньгами пакет, — такси возьми, ты же скоро разбогатеешь.

Анька бросилась под стол, схватила телефон и ринулась прочь из кабинета. Бежала так, будто за ней гнались, Ирка даже сказать ничего не успела, а Юлька только прошипела испуганно, когда Анька чуть не заехала ей сумкой по голове. И успела, успела как миленькая, прискакала сразу после обеда, ввалилась к Рите вся красная, запыхавшаяся, на ходу вытащила из сумки «файл» с кучей бумаг, некоторые документы уже успели пожелтеть.

— Это бабка за квартиру платила, по квитанции, это ей пенсию приносили, она расписывалась, это... не помню точно. Вот. Могу завтра еще привезти.

Анька преданно заглядывала Рите в глаза и улыбалась. Ее телефон снова запиликал, но Анька тут же скинула звонок. Рита перебирала бумаги. Да, все подписи подлинны, как и хотела Гранина, надо сегодня же передать ей образцы. А вот и фамилия старушки, все отлично, Анька молодец. Дура дурой, но, когда надо, соображает быстро. А самое главное, понимает, что если раскроет рот, то ей хана.

— Хорошо, — Рита убрала бумаги, — спасибо, дорогая.

Анька стояла напротив и тупо улыбалась. Рита тоже улыбнулась ей в ответ.

— Деньги, — еле слышно проговорила Анька, — я все сделала. Отдавай мои деньги.

— Не все, — Рита продолжала улыбаться, — ты кое-что забыла.

Анька вытащила из своей безразмерной сумки пол-литра коньяка и столько же водки, ловко скрутила пробку.

— Обалдела? — Рита продолжала улыбаться. — Пошла вон и бухай где хочешь. Но чтобы через полчаса ты была здесь и желательно в ноль. Можешь не закусывать. Двигай, двигай.

Анька спрятала бутылки и двинула, Рита позвонила Граниной.

— Ты красотка, — отозвалась та на новость о наличии подписи покойника, — с тобой приятно иметь дело. Закинь мне вечером в «Мануфактуру», завтра все будет готово. Документы по твоей квартире и салону будут чуть позже, насчет сделки по Москве потом скажу. Дня три, думаю, не считая выходные.

Рита снова смотрела в окно. Значит, завтра или послезавтра у нее последний день работы в банке и можно хоть сейчас писать заявление. Или не писать, черт бы с ней, с трудовой книжкой, вряд ли она понадобится.

Раздался Юлькин визг, потом грохот, что-то врезалось в дверь, Юлька снова заорала, а вместе с ней и Ирка. Рита толкнула дверь, но та не поддавалась, ее что-то держало изнутри. Стул, как оказалось. Иркин стул, она на нем отъехала от компа и теперь орала где-то поблизости. Рита билась с дверью, та потихоньку открывалась, Юлька продолжала орать.

— Ты спятила? Прекрати, я охрану вызову! — кричала Ирка и осеклась так резко, точно захлебнулась. «Да что ж такое», — Рита с силой толкнула дверь, стул отъехал, Рита выскочила в общий кабинет. У холодильника стояла Анька, радостная и красномордая, с двухлитровкой минералки в руках. Половина содержимого досталась Юльке, она трясла мокрой головой и кляла Аньку последними словами. Еще часть прилетела Ирке в лицо, у нее расплылась косметика, Ирка хваталась то за зеркало, то за платок, то пыталась вырвать у Аньки воду и отомстить. Анька ржала чисто как лошадь и плеснула еще воды в зазевавшуюся Юльку.

— Дура! — взвилась та. — Ты спятила? У психбольных точно детей отберут, да еще и стерилизуют, чтоб больше уродов не рожали!

Анька врезала бутылкой по холодильнику, тот загудел, Юлька оторопела. Анька вдруг обняла ее и расцеловала чуть ли не в засос.

— Юлечка, я тебя так люблю, так люблю! Желая тебе родить много-много деточек, таких же красивых, как и ты.

Рита не сводила с Аньки глаз: та свято выполняла свою часть уговора и накидалась за какие-то четверть часа. Причем хорошо так накидалась, ее мотало, речь стала нечеткой, будто Анька постоянно что-то жевала. Она оторвалась от Юльки и двинулась к Ирке.

— Не подходи! — та прижалась к стенке и выставила руки перед собой. — Не подходи ко мне!

— Иришка, — пьяно улыбалась ей Анька, — я желаю тебе объехать весь мир два или три раза подряд и найти хорошего качественного мужика и провести с ним остаток дней. Его дней, Ирочка, не твоих! И пусть этих мужиков у тебя будет целый гарем!

Аньку мотнуло, она схватилась за стол, но немного промазала. Пальцы сжались в воздухе, и Анька грохнулась в проход. Юлька подбежала к Ирке, они обнялись, обе мокрые, в черных и синих разводах от косметики на лицах, и пялились то на Риту, то на Аньку. Та тяжело возилась на полу, встала со второй попытки, доковыляла до своего места и рухнула на стул. Посидела так, улыбалась пьяно и грохнулась головой на клавиатуру. Юлька с Иркой вскрикнули, Рита подошла к Аньке. Спиртным разило уже на подходе, Анька вдруг зашевелилась, забормотала что-то неразборчиво, вытащила откуда-то полупустую бутылку дешевого коньяка и поставила ее рядом с собой на стол.

— Ее Руснакова покусала? — Юльке очень хотелось посмотреть в большое зеркало, но надо было идти мимо Аньки, чего Юлька опасалась. Рита сфо-

тографировала Аньку несколько раз и пошла звонить Галановой. Та сначала решила, что это шутка, потом пришла, глянула на спящую Аньку, на пострадавших от ее дебоша Ирку и Юльку, на Риту и умчалась, не сказав ни слова. Чтобы через пару минут вернуться вместе с Шумилиной.

Та огромная, вся в черном, с желтыми волосами, ввалилась в кабинет, глянула на Аньку, на остальных, принялась и приказала не помещавшейся в проходе Галановой:

— Акт немедленно, освидетельствование за наш счет. Вы подпишете, — она бросила взгляд на остальных. Ирка и Юлька синхронно кивнули, Рита тоже. «Все отлично», — крутилось в голове. Аньке точно конец, от Шумилиной еще никто живым не уходил. Это будет хорошая статья, как она и планировала.

— Анна, встаньте немедленно, — громогласно потребовала Шумилина и потрясла Аньку за плечо. — Встаньте сейчас же!

Анькина голова моталась как неживая, Шумилина не сдавалась, все трясла Аньку и требовала встать и покинуть помещение. Анька зашевелилась, заурчала что-то, подняла голову и сфокусировалась на Шумилиной.

— Я покину, — пробормотала Анька, — я те щас так покину. Пошла на..., ко-рова.

И снова грохнулась спать. Шумилина побагровела и рыкнула на Галанову, точно это она, а не Анька послала ее на три буквы.

— Охрану, быстро. И где у нас начальник департамента безопасности?

— Не надо, — Рита вышла вперед, — я сама ее выведу. У нее стресс: бабушка умерла, дети без присмотра, жить негде. Она больше не будет.

— Конечно, не будет, — пообещала Шумилина, — завтра ко мне за трудовой. Нам тут алкашки не нужны, никакая бабушка не поможет.

Анька шла сама, причем вполне себе нормально, только ее иногда заносило на поворотах. Рита придерживала ее под локоть, в другой руке держала тяжелый пакет. Благополучно спустились по лестнице, прошли мимо охраны и оказались в скверике за углом банка. Камер тут уже не было, Рита посадила Аньку на мокрую скамейку и отдала ей пакет. Анька обняла его и заревела.

— Тихо, тихо, — Рита взяла ее за плечо, — не надо. Все будет хорошо, купишь квартиру, устроишься кассиром в магазин рядом с домом.

— Хорошо получилось? — Анька смотрела на нее совершенно трезвыми глазами.

— Отлично, у тебя талант. Ну все, пока, мне пора. И если что — я тебя и под землей найду, помнишь?

Анька кивнула и заревела еще сильнее, Рита пошла обратно. Обернулась на полпути к банку и увидела двух мужиков около Аньки. Одного узнала сразу, здоровенный, с длинным черным хвостом и бородицей, он тогда бил ее на парковке, а сейчас топтался рядом и все пытался подхватить ее под руку. С другой стороны маячил еще один, помельче, но шустрый, он сдернул Аньку с лавки и обнял за плечи. Анька послушно пошла с ним рядом, пакет с деньгами она держала обеими руками, здоровяк все наклонялся к ней и что-то говорил. Рита отвернулась.

Ирка с Юлькой галдели, как та самая стая попугаев, обе уже привели себя в порядок и выглядели вполне себе прилично.

— А если бы она нас кислотой? — Ирка подкрашивала правый глаз и щури-

лась в зеркальце. — Что тогда?

— Тогда бы точно инвалидность, если бы выжили, — Юлька трепала волосы перед зеркалом. — А я бы облысела. Ирка, вечно ты фигню какую-то говоришь!

Рита взяла с холодильника листок, разорвала его и бросила клочки в мусорку. Юлька так и застыла с бардаком на голове, Ирка оторвалась от зеркальца.

— Сокращать никого не надо, — сказала Рита, — Аньку уволят по статье. Можете спать спокойно.

Юлька плюхнулась на стул, Ирка убрала косметику.

— Да я сама хотела, — сказала она, — думала, в пятницу скажу. Напишу заявление, куплю торт. Надоели мне отчеты ваши, башка не варит уже. Пойду в турагентство, уже договорилась. Я страны хорошо знаю, у меня будут хорошие продажи, в рекламники буду бесплатно ездить. И пенсия скоро, вообще кайф. А теперь даже не знаю.

Рита ушла к себе и только закрыла дверь, как заявила Юлька. Растрепанная, чуть бледная, взгляд странный, точно внутрь себя. Она закрыла дверь, прислонилась к ней спиной, потом подергала ручку и посмотрела на Риту.

— Я беременная, — Юлька говорила очень тихо, — только сегодня утром узнала. Нет, подозревала раньше, но сегодня точно уже.

— Поздравляю. Муж знает?

Юлька помотала мокрыми еще патлами и зачем-то присела у двери на корточки.

— Мы с ним поссорились пару месяцев назад, я пошла в бар, напилась там и встретила классного мужика. Короче, это от него. Что теперь делать?

Она смотрела на Риту страдальчески и с надеждой, точно ожидала услышать откровение или что-то вроде того.

— Не знаю, — Рита растерялась и выдала первое, что пришло в голову: — Но беременных не увольняют, если что. Можешь не сомневаться. Да, кстати. Иди сюда.

Она достала из стола несколько крупных купюр, положила на стол и подвинула Юльке.

— Держи, это премия. Я забыла утром сказать. Черников попросил представления, и нам простили тот отчет.

Юлька схватила деньги, прижала к груди и кинулась к Рите.

— Ты лапочка, умница, Черникова целуй за нас, хорошо целуй, ну и вообще старайся как следует! Как тебе повезло, такого мужика урвала! А можно, я сама его поцелую? Один разик!

— Кого? — Ирка возникла на пороге. — Ты кого целовать собралась?

Рита отдала ей деньги.

— Это премия, нам компенсировали.

— Черников за нас попросил, — Юлька чуть ли не прыгала от радости. Ирка поцеловала Риту в щеку и сжала деньги в кулаке.

— Супер! Да ты за ним как за каменной стеной будешь! Я бы тоже поцеловала, но ему не понравится, боюсь. Давайте отметим?

Ирка посмотрела на всех по очереди, Юлька согласно замотала головой, мокрые еще волосы упали ей на лицо.

— Завтра, — улыбнулась Рита, — давайте завтра. С утра и начнем. Я с утра

ничего есть не буду.

Она снова уходила последней, все проверила, закрыла, опечатала кабинет и сдала ключ охраннику: этого серьезного парня она еще ни разу не видела. И не увидит — это точно знала, просто даже самой себе боялась сказать, что не вернется сюда ни завтра, ни послезавтра, а вообще никогда. Как и в свою квартиру: Рита забрала все самое необходимое и ночевала на новом месте, в хрущевке, тоже в центре, но стоявшей в стороне от больших дорог. Заснуть не могла полночи, слышала каждый шорох, каждый голос с верхнего этажа или от соседней сверху: те собирали мебель или что-то в этом духе, и вроде старались не шуметь, но стук молотка отчетливо слышался в ночи. В подъезде кто-то постоянно курил, в квартире воняло дымом, Рита открыла окна, закуталась в одеяло и заснула наконец. Зато утром случилось чудо — на небе ни облачка, слабое солнышко высушило лужи и растопило некрепкий еще снег, природа точно устроила репетицию весны перед самой зимой. Было очень тепло, влажный ветер приятно обдувал лицо, пахло апрелем и обманчивой весенней радостью. Даже запах дыма из подъезда не испортил настроения, Рита знала, что тут она задержится максимум еще на сутки, хоть и заплатила за месяц вперед. «Вход рубль, выход два», — Гранина права, придется заплатить и за это временное жилье вдвое против того, что оно реально стóит.

С ней договорились встретиться в салоне ближе к обеду, Рита вышла из дома в десять. Привычно уже осмотрелась, но все люди и машины ехали по своим делам, до нее никому не было дела. Рита полюбовалась на толстого рыжего кота, что щурился на солнышко около подъезда, и пошла к старому дому. Идти было минут пятнадцать или около того, Рита нарочно нашла съемное жилье подальше от банка и своей прежней квартиры. Сначала хотела ехать на такси туда и обратно, но в такую погоду решила прогуляться. После поворота на проспект дорога пошла резко вниз, потом в горку, тоже крутую, Рита быстро шла вверх, не забывая посматривать по сторонам. Нет, до нее по-прежнему никому нет дела, можно выдохнуть и пойти чуть тише. Подъем закончился, Рита оказалась на перекрестке. Одна дорога вела к вокзалу, другая уводила вправо по старой улице. Если пройти по ней еще немного, то впереди и справа будет здание банка, его можно миновать по другой стороне дороги, перейти ее точно напротив оставшихся с прошлогодней стройки ворот. Рита пошла прямо, и тут солнце пропало. Вот еще минуту назад светило неярко и ласково, но вдруг сгинуло за плотной серой полосой, что росла, ширилась и точно спускалась с неба. Налетел ветер и дунул так, что облетевшие уже деревья дружно качнулись в одну сторону, в другую и застучали голыми ветками точно костями. Рита закрутила головой по сторонам, посмотрела вверх. «Туча, пришедшая со Средиземного моря...» — не с моря ее принесло, эту тучу, по дороге от моря она бы давно растаяла, или ее разорвали ветры. А эта зародилась где-то неподалеку на стыке времен года, и на ближайшие месяцы про солнце можно забыть. А впереди поперек дороги от неба до земли вдруг выросла мутно-желтая стена, она дрожала, колыхалась от ветра, тот будто толкал ее навстречу Рите. И тут пошел дождь, беспощадный, сильный, он моментально перешел в ливень.

Зонтика у Риты с собой не было, да он бы и не спас, дождь бил в лицо, ветер трепал волосы, она увидела на другой стороне магазин и побежала туда через дорогу. Мутные потоки воды лились сверху, закручивались в воронки и вы-

плескивались через бордюры на тротуары и газоны. Рита влетела в магазин и еле протиснулась внутрь: народ, застигнутый стихией, кучковался около входа и огромного окна. Едва съехались створки, грохнуло так, что уши заложило, а машины на парковке дружно завывли — сработала сигналка. Тетка рядом с Ритой перекрестилась, тут грохнуло еще раз, и улица пропала, ее перегородила та же самая стена, что недавно дорогу. Дождь бил в асфальт так, что казалось, еще немного, и проломит его, разобьет на куски. Рита отошла подальше от двери, и тут в мутно-желтой стене появились какие-то темные кривые, они метались вверх-вниз, потом унеслись вбок, за ними полетели еще несколько. Рита сообразила, что это деревья, стихия рвет их точно когтями и швыряет куда попало. На тротуар свалилась часть дерева, внушительная такая часть, половина, если не больше. Ствол проехался по асфальту, зацепился за фонарный столб и успокоился. Стена вдруг разом пропала, точно ее подняли, ливень перешел в дождь и вскоре вообще прекратился. И снова появилось солнце, прежнее, слабое и ласковое, оно осветило разгром, что устроил ураган.

Переломанные деревья, сорванные провода, рекламные щиты и растяжки поперек дороги, снова деревья — Рита быстро шла вверх по улице, обходила лужи и завалы. Непонятный осенний ураган зверствовал минут десять, но дел натворил — неделю разгрести. Уже было видно здание банка, но пришлось обходить груды зеленых то ли плиток, то ли черепицы — это снесло крышу со здания поблизости. На самом перекрестке столкнулись несколько машин, моргали фарами, рядом никого — все прячутся внутри, на дорогу не выйти, она превратилась в реку. А солнце светит как ни в чем не бывало, и ветерок снова ласковый, весенний.

Рита почти бежала к воротам, огляделась и пролезла в щель между створок. Дальше дорогу преграждал поваленный тополь, пришлось обходить его по разбитым кирпичам. Куча мешков не пострадала, но сломался еще один клен, и Рита отлично видела отсюда окна своего кабинета. Остановилась за обломком ствола, присмотрелась — кажется, кто-то там был, внутри, но она могла и ошибаться. Рита побежала к старому дому, к его мокрым стенам, обгнула поросшую травой кучу песка и остановилась. На земле валялось что-то огромное и темное, колючее, шипы или иголки торчали во все стороны, половина обломана, часть вырвана с корнем. Видна верхушка острого крыла, тоже обломанного, рядом полно битого камня. Рита подошла осторожно, присмотрелась.

От удара о землю химера раскололась надвое, рогатая башка и половина крыла откатились к стене, а хвост и точеный хребет с лапами валялись неподалеку. В полете химера, похоже, несколько раз ударилась головой о выступы и стены дома, глаз у нее не было, или они закрылись навсегда. От камня пахло мхом и сыростью, из разбитой пасти торчал только один клык. Химера смотрела в стенку, а видела, наверное, лавандовые поля Прованса или океанские пляжи Нормандии — туда наконец улетела ее душа. А здесь остался только мертвый камень.

Рита перешагнула химеру и проскользнула в дом, пошла по мокрым доскам и песку, смотрела то по сторонам, то себе под ноги, прислушивалась. Никого, она снова одна в этом доме, вот лестница с чудесными перилами, что ведет наверх, а там пустота и видно светло-голубое небо без единой тучки или облачка. Сверху капает вода, здесь очень светло и нет ни единой живой души,

даже птиц, коих обычно полно в таких местах. А тут ни одной вороны, ни одного голубя. И крыс нет, но это даже неплохо.

В большом зале Рита сразу пошла вдоль стенки налево, раскидала кучу камней и песка, сунула руку в дыру в стене и вытащила сумку. Та тяжело упала наземь, вся в грязи и паутине, Рита открыла ее и прикусила себя за палец — все деньги были на месте. «Все, — ухнуло в голове, — теперь точно все. Беги отсюда».

Дома она спрятала сумку в шкаф на кухне, переделалась, переставила сумку на антресоли и поехала в салон. «Тойота» с пантерой на борту уже была там, Гранина выбралась из машины и помахала Рите папкой.

— Все готово, подруга, — Гранина достала файл с бумагами, — через неделю у тебя сделка, продавец в Швейцарии, раньше не сможет прилететь. Если хочешь, деньги я могу передать.

— Я сама, — Рита открыла дверь и впустила Гранину внутрь. Та принялась ходить по салону, тяжело топала, зачем-то пригибалась в дверях, трогала мебель, шторы и даже шест потрогала, отошла от него и смотрела, точно примеряясь. Потом бросила папку на стол, плюхнулась на диван и еще раз осмотрелась. Рита невольно принюхивалась — нет, все в порядке. Граниной повезло, что в квартире идеальная чистота. Та махнула Рите:

— Короче, схема такая: завещание готово, оно в банковской ячейке. Ты кладешь деньги в другую ячейку, и вы с продавцом меняетесь ключами. Кстати, с той стороны человек с понятиями оказался, повезло. Нормальный мужик, ну, сама увидишь. Получаешь завещание, через полгода вступаешь в наследство и делай с квартирой что угодно. Жить можешь сразу, там хороший ремонт. А тут я все переделаю!

Гранина сладко потянулась, подмигнула Рите и достала другие бумаги.

— Подписывай, подруга.

Рита перебирала листы — договор дарения на квартиру, на салон, расписка, что стороны друг к другу претензий не имеют. Гранина внимательно следила за Ритой, та взяла ручку и машинально расставила запятые, исправила орфографию и поставила подпись на последних листах. Гранина сосредоточилась, забрала у Риты документы.

— А че, так правильно будет? Просто у меня в школе по русскому тройка была.

Она проверила документы еще раз и сунула их в черную папку. Рита положила ключи от салона и квартиры на столик, Гранина заграбастала их, спрятала следом за документами.

— А гарантии? — спросила Рита. — Где гарантии, что ко мне не будет претензий от продавца через год или полтора?

— В ячейке будет такая же расписка, — Гранина сбросила вызов с загудевшего телефона, — там есть подпись продавца. Подпишешь второй экземпляр и положишь вместе с деньгами. Но это чисто для вашего успокоения, для продавца это статья, и он это знает. погоди, я в тубзик схожу и поеду.

Гранина утопала по коридору, Рита встала и осмотрелась еще раз. «Все кончается», — крутилось у нее в голове. Пропади он пропадом, этот городишко, впереди другая жизнь. Зазвонил мобильник, Рита решила не отвечать: наверняка Ирка или Юлька, а если Черников, она перезвонит ему сама. Телефон умолк и снова затрещал, Гранина громыхала каблуками где-то очень дале-

ко, точно в соседнем доме, Рита достала телефон, чтобы сбросить вызов, и замерла: звонил Глеб. Рита смотрела на экран и никак не могла решиться — ответить или нажать отбой. Телефон умолк сам и сразу ожил снова, Глебу было что-то надо от нее, причем очень срочно, и понятно, что разговор ничем хорошим не закончится. «Хоть пошлю его куда подальше». Рита коснулась зеленой кнопки и отошла к окну. В трубке послышался шум и гудки машин, потом прорезался Глеб:

— Рита, привет, я быстро, — говорил он торопливо, точно на бегу, — я на минуту. Я хотел тебя предупредить...

— Как мило, — вырвалось у Риты, а ведь хотела отмолчаться и подготовить емкую и обидную финальную фразу, оставить последнее слово за собой. — Ритка, они знают, что это ты заказала Бондаря, — выпалил Глеб, — у них есть запись с камер на рынке. Ты была там в тот день, когда его прирезали, как свинью, ты все видела, а камера видела тебя.

Он запнулся, точно воздух в глотке закончился, Рита оперлась ладонью на подоконник и бессмысленно смотрела перед собой. По скверику бежал палевый спаниель, курносый, недавно подстриженный по стандартам породы, весь деловой-деловой, радостный, и постоянно оглядывался на свою хозяйку. Высокая темноволосая девушка брела за псом и не поднимала головы, Рите показалось, что девушка плачет.

— Эта запись пока у одного человека, он может передать ее тебе. Копий нет, человек это гарантирует...

— Это мент? — перебила его Рита.

— Да, вернее, не знаю точно, — голос Глеба прерывался, Рита плохо расслышала последние слова. Снова загудела машина где-то поблизости, фоном к голосу Глеба добавился еще один, но умолк почти сразу. — Да какая тебе разница, кто он? Увидишь запись и сама все поймешь! — выпалил Глеб. — Ты о себе думай, тебя могут арестовать в любой момент.

— Зачем ты звонишь мне? — Рита не верила ни единому его слову, жалела, что не послала Глеба куда подальше в самом начале разговора, но вдруг накатил озноб, точно враз поднялась температура, а руки стали липкими от пота.

— Я виноват перед тобой, — шепотом сказал Глеб, — очень виноват. Я хотел предупредить тебя.

— Тогда отдай те деньги, что украл у меня, — сказала Рита. Из коридора слышалось ржание и топот: там Гранина хвасталась кому-то выгодной покупкой и интересовалась, сколько будет стоить алкогольная лицензия и как ее можно получить поскорее, кому и сколько заплатить.

— Их Текила сперла, — бросил Глеб, — это она нашла те деньги и меня уговорила, а я, дурак, повелся. Мы договорились, что я выкину их в окно, а она подберет. Она все сделала и сбежала, я нищий, Рита, у меня ничего нет. Я в Бога верю, я помочь тебе хотел. Поговори с этим человеком, он скажет, что делать.

— Сколько он хочет за эту запись?

Гранина с папкой под мышкой уже маячила в коридоре и всем своим видом намекала, что Рите пора убираться отсюда.

— Я не знаю, он сам скажет.

— Как ты нашел этого человека, кто он, почему рассказал тебе про запись?

Голос Глеба снова пропал, зато гул и шум машин звучали сильнее, точно

Глеб шел по проезжей части или стоял на обочине. Раздался гудок электрички, потом загрохотал поезд, потом Рита услышала:

— Скажу при встрече. Рита, приезжай, если не хочешь получить срок. Выбери: либо ты покупаешь эту запись, либо ее сдают ментам.

Сердце бешено колотилось в груди, перед глазами плавала мелкая ряска. Такая первой оживает весной в болотинах, Рита часто видела ее, когда в детстве гуляла с собакой. И сейчас окно застилала точно такая же, только мерзкого мышинного цвета. Все понятно, каждый делает свой бизнес: кто-то хочет получить деньги за эту запись, а не задаром сдать ее полиции. Это кто-то с рынка, конечно, он работал на Бондаря, а вот как они с Глебом нашли друг друга — это вопрос.

— Где мы можем поговорить? — Рита махнула Граниной: иду, погоди немного. Та подкинула ключи на ладони и не сводила с Риты взгляда.

— Через час на заправке в Игнатьево, — быстро выдал Глеб, — мы будем в черном «Вольво» на парковке у кафе. Ровно час, больше он ждать не будет, он тоже рискует!

Глеб отбился, Рита сжала телефон в ладони и быстро вышла из салона. В лицо ударил холодный ветер: погода в этот день менялась с потрясающей скоростью, заметно похолодало.

— Звони, подруга. — Гранина плюхнулась за руль, развернула свой расписной сарай и укатила. Рита подняла воротник, повернулась к ветру спиной. Время летело, как ошметки листьев по газону, ветер усиливался, но тучи поднялись высоко, и небо превратилось в свинцового цвета плиту. «Игнатьево, где это?» — Рита смотрела по карте, ничего не поняла: она не знала это место. Вроде недалеко от города, но как добираться? Вызвать такси? Но это время, хорошо, если таксист окажется местным, а если нет? А время идет. Рита позвонила Черникову. Тот сначала сбросил, потом набрал сам через несколько минут, и по голосу было слышно, что он дико злой.

— Меня видели на рынке в тот день, — сказала Рита, — есть запись с камеры, за нее хотят денег. Надо встретиться с человеком, который может решить этот вопрос. Отвезешь меня?

Черников не отвечал, Рита пошла по дорожке вдоль дома, повернула за угол. Тут асфальт закончился, дальше шла трава, усыпанная окурками, бутылками и прочей дрянью, что летела с верхних этажей. Рита дошла до окон салона, остановилась неподалеку: значит, сюда Глеб выкинул деньги, а Текила подобрала их и смылась, лапочка такая...

— Вранье, — бросил Черников, — это детская разводка. Не вздумай ехать, поняла?

— Почему разводка? Глеб все в точности сказал, как было в тот день.

— Глеб — это тот самый педик? — уточнил Черников. — А где он, кстати? Не пропал ли случайно?

Черт, так все и есть. Пропал, потом появился, теперь зовет на встречу. Но на рынке его не было, он не мог этого видеть! Или был, видел, а теперь шантажирует?

— Какая разница, кто он! — выкрикнула Рита. — Меня могут посадить! Я понимаю, что это шантаж, но я могу выкупить эту запись, и все закончится! Ты поедешь со мной или нет?

Черников молчал, потом раздался тихий щелчок и глубокий вдох.

— Курить вредно, — сказала Рита уже тише.

— А пить полезно, — отозвался Черников. — Куда ехать-то, когда?

— Какое-то Игнатьево, там заправка, Глеб сказал, что они будут ждать в черном «Вольво», — выпалила Рита.

— А ты где?

— В салоне.

— Не продала еще?

«Только что», — хотела сказать Рита, но решила оставить это на потом.

— Пока нет.

— Ладно, я подъеду минут через десять.

— А если не успеем? — вырвалось у Риты: до назначенного времени оставалось чуть больше сорока минут.

— Тут близко, быстро доедем. Жди.

Он отбился, Рита побежала обратно к входу. Ветер разгулялся не на шутку, деревья жутко шумели над головой, падали мелкие ветки и какая-то труха. Рита пробежала мимо входа, выскочила на перекресток, всмотрелась в поток машин. Они все летели мимо, мелькнул черный внедорожник, но не тот, ветер дул все сильнее, Рита замерзла так, что стучали зубы. Пять минут, десять, пятнадцать — Черникова не было, она подумала, что он мог подъехать с другой стороны, побежала обратно. На парковке перед салоном было пусто, бабка со второго этажа грызла на балконе семечки и пялилась на Риту. Она отвернулась и позвонила Черникову.

«Абонент временно недоступен» — Рита бессмысленно смотрела на телефон. Что значит недоступен, как это — недоступен? Набрала еще раз, еще, и каждый раз вместо Черникова говорил автоответчик. К глазам подступили слезы, Рита еле сдерживалась, чтобы не швырнуть телефон о стену. Ну как же так, почему? Набрала снова, потом написала в мессенджер: «ты где?» и до боли в глазах смотрела на две серые галочки. Сообщение доставлено, но не прочитано, цвет оставался прежним, Рита прикусила палец и смотрела то на экран мобильного, то на дорогу, по-прежнему пустую.

Черников обманул ее, зачем? Он никогда раньше так не делал, а все говорил — подожди, подожди. Она злилась, он тоже, и вот теперь так значит — решил отвязаться и просто наврал. Рита чуть не плакала и смотрела на время: осталось чуть больше, чем полчаса, и теперь даже на такси она не успеет. Набрала Глеба предупредить, что немного опоздает, но тот не ответил, длинные гудки тянулись как тучи в осеннем небе.

— Марго, вы ли это? — Рита едва не выронила телефон. Подняла голову и увидела Шалаева, тот во всей красе махал ей из окна белой «Ауди», подъехал ближе. Рита так и стояла столбом, смотрела то в телефон, на эти проклятые галочки, то на дорогу, Шалаев перестал улыбаться. — Что с вами?

— Все нормально. — Рита разрывалась, не зная, куда смотреть, мысли путались. Такой подлости она от Черникова не ожидала, сердце рвалось на куски, а мысль, что запись с камеры попадет в полицию, сводила с ума.

— Я попрощаться, сегодня уезжаю... Да что с вами? — Шалаев вышел из машины и взял Риту за руку. Ладони его были теплые, взгляд внимательный и тревожный, а сил у Риты уже не осталось. — Вы кого-то ждете? И замерзли, вижу...

— Помогите мне, — перебила его Рита, — мне очень срочно нужно встре-

титься с одним человеком. Но это в Игнатьево. Можете меня отвезти?

— А где это? — Шалаев смотрел ей в глаза.

— Где-то за городом. Но недалеко, там есть заправка.

— Так навигатор нам в помощь, — улыбнулся Шалаев, — садитесь скорее, я вас отвезу и доставлю обратно. Я не тороплюсь, у меня все дела завтра.

В машине было очень тепло, но Рита спрятала ладони в рукава, втянула голову в плечи. Дрожь била все тело, в голове черти ходили колесом и не было ни одной здоровой мысли. Она то и дело смотрела на экран телефона — галочки по-прежнему серые, а до встречи оставалось меньше двадцати минут. Шалаев возился с навигатором, бормотал негромко:

— Игнатьево, Игнатьево, где оно? Я, кажется, знаю это место, проезжал, там еще пробка была... Вот, нашел, — он повернулся к Рите, и та кое-как улыбнулась ему. — Поехали.

Из города «Ауди» выскочила через несколько минут. Мелькнул знак границы области, потом придорожная забегаловка, дорогу обступил лес, березы постепенно сменялись соснами, становилось светлее. Поток машин был плотный, Шалаев вклинивался в каждый просвет, лез в каждую щель и все смотрел на экран навигатора. Желтая стрелка ползла к цели, до нее оставалось несколько километров. Рита глядела то в окно, то в телефон — галочки так и не изменили цвет.

— Ну вот, немного осталось, — Шалаев смотрел на нее в зеркало заднего вида, — а вы волновались. Скоро приедем.

«Ауди» вошла в крутой поворот, влетела в горку, дальше трасса стала идеально прямой. Видно было далеко, сосны вплотную подступали к дороге, Шалаев выжимал из машины все, на что та была способна, и Рита успокоилась. Посмотрела еще раз в телефон — ничего не изменилось. Рита закрыла мессенджер. «Без тебя обойдусь», — мелькнула мысль, и Рита улыбнулась Шалаеву. Тот постучал себя кулаком в грудь — вот какой я молодец, и включил музыку. По навигатору до Игнатьево оставалось пять километров, машин снова стало больше, скорость падала. Шалаев все еще держался в левом ряду, и тут в зеркало на лобовом стекле ударил мощный луч света, Рита зажмурилась, но было поздно, она почти ничего не видела. Шалаев жутко ругался сквозь зубы и выруливал вправо — сзади наседала черная «Тойота», она гудела как пароход в тумане, «Ауди» выскочила у нее из-под носа, вернее, переднего бампера.

— Дебил! — Шалаев глянул на Риту, а та смотрела вперед; у «Тойоты» был разбит задний фонарь, номер показался знакомым. И еще ей показалось, что на заднем сиденье она заметила Глеба, буквально на несколько мгновений, пока внедорожник обгонял их. «Тойота» вильнула вправо, снова влево, Рита подалась вперед.

— Что такое? — Шалаев смотрел то на нее, то на дорогу. — Что случилось? Вы знаете этого придурка?

«Нет», — Рита промолчала, Шалаев прибавил скорость, сколько мог, «Тойота» оказалась чуть ближе, на заднем сиденье вроде двое. Рита вытянула шею, всмотрелась вперед, и тут «Ауди» вильнула вбок, ее понесло на отбойник, раздался глухой удар. Шалаев кое-как удержал машину, Риту отбросило назад.

— Мать твою! — Шалаев обернулся и на ходу открыл дверь, высунулся наружу. Рита оглянулась — на дороге лежала собака, здоровенная дворняга цвета первого снега. Вислоухий, с длинными лапами пес пытался встать, но каж-

дый раз падал и бился мордой об асфальт. Шедшая следом «Газель» успела обогнуть пса, он прополз немного по дороге и пропал под колесами фуры. Рита отвернулась, сцепила зубы, Шалаев выругался и захлопнул дверь. «Ауди» снова вылетела в левый ряд, Рита смотрела перед собой в одну точку. Им гудели вслед, из обогнавшего их «Опеля» водитель и пассажиры дружно показали неприличный жест, Шалаев послал их сквозь зубы и дал по газам. «Десять минут», — Рита смотрела на время, она успевает, она успеет, она выкупит эту запись, а если не сойдутся в цене, то снова наймет специалиста, и тот решит все ее проблемы. Машины вокруг дружно затормозили, скорость упала, Шалаев смотрел вперед.

— Полтора километра осталось, — негромко сказал он, — да что ж такое.

Справа образовался просвет, Шалаев немедленно вклинился туда — машины там шли чуть быстрее, а левая сторона встала намертво. Дорога тут сужалась, справа было то ли поле, то ли огромный пустырь, за ним в сизой дымке тянулся лес без конца и края, а на разделительной стоял «Ровер» Черникова. Внедорожник частично вылез на встречу и перегородил собой почти две полосы. Шалаев поравнялся с «Ровером», время замедлилось, точно его тянули назад, машины плыли, как рыбы в аквариуме. Весь правый бок «Ровера» был в дырках: справа налево от переднего крыла до заднего колеса, потом по косой — ровная черта, и еще по стеклам, боковым и лобовому. Что за ними — не разобрать, стекло помутнело, пошло мелкими трещинами и наполовину ввалилось в салон, на задней дверце та же картина. Машины объезжали «Ровер» по обочине и неслись дальше, Шалаев остановился. Посмотрел на Риту, на «Ровер», выскочил из машины.

Стало очень душно, Рита открыла дверь. На асфальте вперемешку со стеклами валялись гильзы, все это мерзко хрустело у Шалаева под ногами — он посмотрел сначала в левое переднее окно, потом оббежал машину, пригнулся. Рита вышла на дорогу и пошла к «Роверу». Тут было-то всего несколько метров, а она никак не могла их пройти, ноги будто вязли в песке, воздуха не хватало. Шаг, еще один, еще — дышать стало нечем. Рита расстегнула пальто, стащила шарф и намотала его на кулак. Еще немного, еще два шага.

— Куда ты, — Шалаев оказался у нее на пути, — не ходи туда, не надо. Иди в машину.

Рита не поняла ни слова, знала одно — ей надо подойти к «Роверу» и лично убедиться, что там все в порядке. Может быть, Черников отвлекся и врезался в кого-нибудь, или наоборот, так бывает, а дырки в дверях к делу не относятся. Она толкнула Шалаева, но тот не двинулся с места.

— Отойди, — она попыталась обойти его, поскользнулась на чем-то — это оказалась гильза. Она укатилась под «Ровер», рядом валялись еще несколько, очень похожих на те, что она видела в салоне. Там были гильзы и тут тоже, там убили нескольких человек, а тут? Что тут было?

— Не ходи, не надо, — Шалаев схватил ее за плечи, — ему уже не поможет.

— Я проверю, — Рита рванулась у него из рук, — отпусти меня!

Шалаев вдруг схватил ее за подбородок, повернул голову к себе и посмотрел в глаза:

— Ты ему говорила, куда поедешь? Он знал?

— Да. — Ноги стали как ватные, перед глазами все плыло, Рита видела

только гильзы на дороге, осколки и несколько дырок от пуль в задней двери. — Я просила его отвезти меня...

И вдруг все поняла, в одно мгновение — Черников решил сам разобраться насчет записи, поехал один, и его расстреляли в километре от этого чертова Игнатьево, расстреляли потому, что знали, с кем она приедет.

— Это тебя ждали, а друг твой напоролся.

Шалаев отпустил ее и отвернулся. На них смотрели из проезжавших мимо машин, Рита чувствовала на себе эти взгляды, и ей было больно, очень больно, точно это ее сейчас расстреливали на дороге. Она знала, что за темными стеклами «Ровера» ее никто не увидит, там безопасно, вырвалась, подбежала к машине и дернула за ручку. Шалаев схватил Риту за локти, развернул и прижал к себе, не давая шевельнуться или вздохнуть, и говорил, говорил сквозь зубы:

— Не надо туда смотреть, не надо. Он бы этого не хотел, можешь мне поверить.

* * *

К концу недели очень сильно похолодало, земля промерзла, трава превратилась в бурые лохмотья, а под колесами такси хрустел лед, когда машина подъехала к подъезду. Водитель курил, запах был едкий и неприятный, Рита отступила на несколько шагов. Последние несколько дней она не выходила из дома и не открывала шторы, и теперь серый дневной свет больно резал глаза. Она поставила сумку с деньгами на заднее сиденье и достала молчащий телефон. Рита давно удалила все контакты и чаты, заблокировала и Юльку с Ирккой, и Гранину, что недавно прислала напоминалку: «завтра сделка, не забудь». Спасибо, кстати, забыла бы, и не сразу поняла, о чем вообще идет речь. В памяти устройства остался только один контакт, один чат, а Черников так и не прочитал последнее сообщение. И на звонки он тоже не отвечал, а последние два дня там говорил автоответчик.

«Значит, он все еще занят, ему некогда, но он обязательно ответит», — Рита еще раз послушала неживой голос и написала Черникову: «Я уезжаю в Москву, напиши, когда сможешь приехать». Галочка была только одна — значит, он отключил телефон: совещание или важная встреча. Ничего, он ответит, он всегда отвечал ей.

— Поехали? — водитель выкинул окурок из окна. В салоне жутко пахло, Рита вдохнула глубоко, открыла дверь, и тут подъехала белая «Ауди», загрозила дорогу.

— Эй, дай проехать! — возмутился таксист. Рита закрыла дверь, Шалаев вышел из своей машины. — Дорогу дай! — крикнул таксист и нажал на сигнал. Шалаев быстро подошел, на ходу достал что-то из внутреннего кармана куртки, и перед глазами Риты оказалось удостоверение:

— Майор ФСБ Шалаев А. А., — прочитала она на красно-розовой вкладке, подняла голову. Шалаев стоял напротив и уже не улыбался. Он убрал удостоверение и показал Рите на дорожку, что шла вдоль дома.

— На пару слов.

— Я арестована? — Рите было все равно, что тот ответит.

— Нет, с чего вы взяли?

— Мы едем или как? — заорал таксист. — Время идет, деньги капаят!

Шалаев быстро подошел к нему, сунул корочки под нос, водитель уселся в

машину и поднял стекло. Шалаев вернулся к Рите.

— Вы не пришли на похороны...

— Чьи? — огрызнулась Рита. Накрыла такая злость, что еще немного — вцепится этому майору в лицо ногтями. За эти дни ей столько раз сказали и написали это слово, что дальше просто некуда, точно весь мир вокруг сошел с ума. Какие похороны, чьи похороны? Хороните кого хотите, она тут при чем?

— Вашего друга, — Шалаев заметно растерялся.

— Я не видела его мертвым, — отрезала Рита, — с какой стати мне ходить на чьи-то похороны? Вам что надо? Вы за этим пришли?

Шалаев странно взглянул на нее, с жалостью и одновременно с тоской, так, наверное, врач смотрит на безнадежного больного. Рите стало неприятно, и она отвернулась.

— Мы проводили проверку о передаче большой суммы денег, — сказал Шалаев, — здешний теневой глава, скажем так, обязался передать их... Короче, речь идет о финансировании терроризма, и наш старый добрый крестный отец за повышенный процент решил вписаться и в этот движ. Вы были последней, кто видел Гончарова живым. В тот день он получил эти деньги. Можете что-то сказать?

— Ничего. А почему вы решили... Слушайте, — вдруг сообразила Рита, — это вы устроили обыск в моей квартире, искали те деньги? И все потому, что я в тот день встречалась с Гончаровым в «Контрразведке»?

Перед глазами снова повисла пелена, как уже было не раз за эти дни. Просто от случайного слова, воспоминания — она появлялась мгновенно, горло перехватывало, и становилось трудно дышать. А вот слез не было, они как закончились тогда, на дороге, так больше и не появлялись.

— Сумма очень большая, она не могла уйти просто так, в никуда, — Шалаев выглядел смущенным, — надо было убедиться. Приносим свои извинения, как говорится.

— И вы следили за мной.

В сумерках и в темноте непонятно, какого цвета машина — серая или белая, значит, ее Рита видела тогда постоянно. Она поглядела на «Ауди», Шалаев взял Риту под руку.

— Вас отрабатывали по обычной схеме, Маргарита. Вы ценный свидетель и доставили нам много хлопот. Кстати, тех, кто расстрелял «Ровер», убили при задержании в тот же день. Буду рад, если вам это хоть чем-то поможет.

Рита равнодушно смотрела на Шалаева. Какая ей разница, кого убили при задержании и при чем здесь чей-то «Ровер»? Да таких машин полно, их просто навалом на дороге, и черных, и красных, и белых, да хоть каких.

— А тот парень, что работал с вами, попал под поезд. С ним была еще девушка, та, что танцевала у шеста в вашем заведении. Видимо, они вышли на переезд в наушниках, не слышали гудка поезда.

Ну да, как же. Глеб и Текила дружно надели наушники и двинули куда-то по шпалам. А куда делись склейки? Да черт с ними, пропади они пропадом.

Дорожка обогнула дом, дальше шли густые кусты черноплодки, все в подмерзших гроздьях черных ягод. Шалаев сорвал несколько штук, кинул в рот и поморщился, с куста слетели небольшие пестрые птицы и возмущенно затрещали, захлопали маленькими крыльями.

— А вы получили наследство, — Шалаев повернулся к Рите.

— А вы уже в курсе, — в тон ему ответила она. Вообще-то завещание еще лежит в банковской ячейке, но «конторе» уже все известно, и глупо отрицать очевидное.

— Конечно, — подтвердил Шалаев и съел еще пару ягод, — а что, Анна Медведева согласна с таким... раскладом? Хорошая большая квартира, в центре Москвы, в отличном доме. Да это целое состояние по нынешним временам!

— Ее бы родня разорвала, — Рите удалось улыбнуться, — и ее детей заодно.

— То есть вы ее спасли, — Шалаев смотрел Рите в глаза. — Да вы святая, Марго.

— Я знаю, — Рита не отводила взгляд, — Анька бы не справилась.

Она и с двушкой в своей дыре не справилась, давно пропили, наверное, те деньги или как раз в эту минуту заканчивают. Хорошо погуляли, наверное. Рита пошла обратно, Шалаев догнал ее и загородил дорогу.

— Зачем вы соврали про бальные танцы?

Шалаев оторопел на мгновение, Рита усмехнулась.

— Это правда! — выпалил тот. — Я шесть лет занимался, получил первый разряд. Маме нравилось, я не хотел ее огорчать. Она сейчас живет за городом, у нас хороший дом, большой двор, есть сад...

— Передавайте ей привет от меня.

Она прошла мимо Шалаева, села в такси. «Ауди» через несколько минут отъехала с дороги, путь был свободен. Водитель выкинул в окно очередной окурок и тронул машину с места. Рита приоткрыла сумку — все деньги были на месте. «Ауди» обогнала их, повернула направо на перекрестке и пропала из виду. Рита проверила телефон — сообщение так и не доставлено, но это ничего, надо просто еще немного подождать.

* * *

Телефон не звонил уже две недели, сообщений тоже не было. Последний раз Рита разговаривала с продавцом этой квартиры — высокий седой мужик в отличном костюме, он быстро провел что-то вроде экскурсии, показал, как что работает и куда звонить в случае чего. Долго распинался про мебель норвежского дизайнера: и удобная она, и качество, и экологичность, и как Рите повезло. Похвалил ее вкус, поцеловал руку, сверкнул золотыми зубами и пропал навеки. С того дня Рита постоянно проверяла телефон, заряжала каждый день, и ночью он всегда лежал на столике рядом с кроватью. Окна выходили на центральную улицу, и тройные стеклопакеты не спасали от шума, но Рите он не мешал — она привыкла к нему сразу, как привыкаешь к ветру или дождю. Потом осваивалась в новой квартире, поначалу было странно и непривычно из спальни идти в кухню через две комнаты и по огромному коридору, где можно было ездить на велосипеде, мимо панорамных окон в пол, за которыми никогда не замирала жизнь. Потом и это вошло в привычку, как и та самая дизайнерская мебель — к ней поначалу было страшно прикоснуться, но потом Рита поладила и с этим.

А еще через несколько дней, когда смогла проспать всю ночь и ни разу не проснулась, Рита решила, что пора, что она справится. И позвонила в собачий приют.

— Привезите мне моих собак, — попросила она, — я оплачу все расходы. Лучше сегодня.

— Тимку забрали, — после паузы ответила девушка, — приехал молодой че-

ловек с пожилой женщиной и увезли его. Вы знаете наши правила, мы не можем отказать тем, кто хочет забрать наших собак. Но у Тимки все хорошо, — торопливо добавила она, — его новые хозяева недавно прислали мне фото, я могу переслать их вам. Не волнуйтесь за него...

— А Каштан? — перебила ее Рита.

Девушка медлила с ответом, слышалась музыка и приглушенный собачий лай. Потом что-то щелкнуло и стало очень тихо. Рита решила, что связь оборвалась, но тут девушка быстро проговорила:

— Он убежал. Был почти сутки, а потом пропал. Мы искали, не сомневайтесь, и сейчас ищем, дали объявления где только можно, во все группы...

Рита не стала слушать, нажала отбой. «Надо было раньше им позвонить». Стало еще холоднее, хоть отопление было включено на максимум. Она постоянно мерзла в этой квартире, куталась в плед, теплый свитер, но не помогало. Зато было очень светло, днем квартиру, где окна выходили на три стороны, заливал белый дневной свет, а в сумерках и ночью включалась подсветка домов, уличное освещение, рекламные огни. И постоянный гул за окнами, точно рядом билось и дышало сердце мегаполиса и делилось с Ритой своей силой. Она решила сделать кофе, чтобы согреться, и тут телефон зазвонил у нее в руке. Рита не сразу поняла, что происходит, потом догадалась посмотреть на экран: номер был незнакомый. «Продажники или что-то в этом духе?» — таких звонков было много поначалу. Рита слушала, что ей пытаются навязать — кредит или процедуры в салоне красоты, или стоматолога, — и отправляла номер в черный список. И сейчас тоже надо убедиться, что это не то, чего она ждет.

— Маргарита, приветствую. Как вы, как ваши дела? Как на новом месте?

Она сразу узнала Шалаева, будто видела, как тот улыбается, видела его лицо, волосы и золотую цепочку под воротником футболки. И помнила, кто он и зачем приезжал в их город. Придется уделить ему время, а телефон должен быть свободен, Черников может позвонить в любой момент, нельзя заставлять его ждать.

— Все хорошо, — сказала Рита. — А как вы, как ваше расследование?

— Ищем, — неопределенно сообщил Шалаев, — но почти все участники сделки в могиле или на пути к ней. Кстати, вы помните такую Гранину, женщина-валькирия? Она еще на черной «Тойоте» ездила.

— Разумеется, помню. А что такое?

Рита старалась говорить вежливо и даже проявляла заинтересованность, а телефон был занят уже почти пять минут. Это ее очень тревожило.

— «Тойоту» Граниной нашли сгоревшей на дороге, сама хозяйка была внутри. Ее сначала задушили, а потом уже подожгли машину, но пока точно неизвестно.

Новость никак не взволновала, не огорчила — вообще не было никаких эмоций. Вход рубль — выход два, платит каждый, и не обязательно деньгами. Раз Гранина сгорела в своей машине, то сгорел и ее архив. Это хорошо, он не попадет в чужие руки.

— Рита, я не за этим звоню, я грешен, — признался Шалаев, понизив голос, — я воспользовался служебным положением и узнал ваш номер.

— Слушаю вас, — Рита посмотрела в окно на террасу. По плитам пола носился одинокий кленовый лист, невесть как сюда залетевший, и бился о стен-

ки.

— Рита, давайте встретимся, сходим куда-нибудь, — выпалил Шалаев единым духом, — я знаю неплохие места, вам понравится. Что скажете?

Рита села на широкий удобный подоконник, заваленный подушками тоже из коллекции норвежского дизайнера, как уверял ее прежний владелец квартиры. Стало наконец тепло, Рита прикрыла глаза и привалилась спиной к толстому стеклу.

— Хорошая мысль, — сказала она, — я вам перезвоню.

— Договорились, — обрадовался Шалаев, — я буду ждать. Звоните в любое время.

Рита нажала отбой и проверила мессенджер. Все ее сообщения висели там с одной серой галочкой — они так и не дошли до адресата. Рита писала Черникову через день, последний раз вчера, значит, надо будет написать завтра.

Она внесла номер Шалаева в черный список, удалила последний звонок, оделась и вышла на террасу. Ветер сразу ударил в лицо, Рита поплотнее запахнула пальто и взяла с мраморного столика бутылку шампанского с желтой этикеткой, сорвала фольгу. С пробки смотрела пожилая полная женщина, то ли уставшая, то ли задумчивая, она глядела мимо Риты — вдове не было до нее никакого дела, как и до сотен тысяч других вдов. Бутылка стояла тут с утра на ветру и холоде, пробка выскочила с легким хлопком. Рита налила шампанское в высокий бокал, отпила немного и прошла по террасе вдоль высокой ограды. Пила ледяное шампанское и думала, что летом тут будет солнце, много солнца. Можно загорать хоть голой, никто не увидит. Но до лета еще далеко, когда еще оно наступит, это лето.